

ПОДРОЖНИК

Выпуск 2

ПОДРОЖНИК

Краеведческий альманах
Выпуск 2

Редактор-составитель
Валерий Белобородов

Мандр и Ка
Тюмень
2005

ББК 26.89

П 44

П 44 ПОДОРОЖНИК: Краеведческий альманах. Вып. 2 / Ред.-сост. Белобородов В.К. — Тюмень: Мандр и К^а, 2005. — 216 с.

- © Белобородов В.К. (автор идеи), 2002.
- © Белобородов В.К. (составление), 2002.
- © Дыба-сын В.В. (обложка), 2005.
- © Государственная библиотека Югры (издание), 2005.
- © Мандр и К^а (оформление), 2005.

ISBN 5-93020-325-3

Содержание

<i>Демин А.</i> Город Березов	4
Козловы	22
<i>Козлов З.</i> Об инородческом Севере	28
«Заказов нет, просим уволить...»	34
Вновь обретенный учитель	37
Солдатушки, бравы ребятушки (Дневник новобранца)	60
<i>Петрушин А.А.</i> На задворках гражданской войны	95
<i>Скалозубова А.В.</i> История Ханты-Мансийского опорного пункта	103
От школьного порога	120
<i>Белобородов В.К.</i> Жизнь от начала до конца	126
<i>Знаменский А.С.</i> Летающие мысли	129
<i>Константинов В.</i> Приглашение к сотворчеству	167
<i>Сладкова Л.Н.</i> «Фигурки сидящих человечков»	173
<i>Мурашова Н.А.</i> Музей книги в Тобольске	177
Голос издалека	178
<i>Косихин В.</i> Белая река	181
<i>Косихин В.</i> Урвант	188
<i>Волженина С.Ю.</i> «Почетные граждане (жители) города Ханты-Мансийска»: драматургия издания	209
О наших авторах	214

Город Березов*

Березов, уездный город Тобольской губернии, в 1066 верстах на север от Тобольска, под 63° с.ш. и 82° в.д., расположен на трех холмах левого берега реки Сосвы, которая в 20 верстах ниже города впадает в одну из обских проток, известную под именем «Малой Оби». Между этими холмами, возвышающимися от 50 до 59 футов над уровнем Сосвы, втекают в нее два ручья: Стрижичий и Култушный, образующие два глубоких оврага. На севере протекает речка Вогулка; на юге и западе стелются хвойные леса, состоящие из кедров, сосен и елей. В этих лесах находится много болот.

Почва под городом состоит на пол-аршина из чернозема, под ним идут слои глины и песку. В середине города есть болотистые места, хотя засоренные, но ниже их есть вода.

В Березове считается жителей немного более одной тысячи. Жители состоят из русских, зырян и евреев. Русские большею частью состоят из бывших служилых казаков и из переселенцев, из которых некоторые потомки окрестившихся евреев. Казачья команда шесть лет назад упразднена, и казаки причислены в мещане; а вместо них прислана из Тобольска местная команда из солдат, отчего казаки питают к сим последним непримиримую вражду.

Все строения в Березове деревянные. Улицы прямые и довольно широкие; по обеим сторонам улиц находятся тротуары; весною же и осенью по улицам стоит непролазная грязь.

* Очерк опубликован в «Тобольских губернских ведомостях» в 1888 году в №№ 30 и 31.

Главное занятие жителей заключается в рыболовстве, для которого они уезжают летом на Обь и Обскую губу.

Река Сосва вскрывается в Березове между 15 мая и 6 июня. Сейчас же по вскрытии ее рыбопромышленники начинают подводить свои каюки ближе к городу, так как на зиму оставляют их или посреди Сосвы, на полверсты выше от города, или же в овраге.

Еще раннею весной каюки очищают от сора, окружая их подмостками, в отвращение напора льдов. Каюки эти не что иное, как крытые большие лодки вместимостью от 200 до 1000 пуд. Каюк вместимостью до 100 пудов стоит 300 руб. Постройкою каюков занимаются зыряне.

Приблизив каюки к городу, хозяева исправляют в них повреждения и смолят их.

В это время начинают собираться рабочие к хозяевам, русские и остяки, которых рыбопромышленники нанимают еще с осени. Плата рабочему за лето от 20 до 30 руб., при хозяйской пище, одежде и обуви. На каюк, поднимающий 1000 пудов, поступает рабочих 20 человек.

В конце марта в Березов налетают снегири, предвестники весны, которых ловят силками и употребляют в пищу; особенно из них хороши пастеты.

С конца апреля начинают налетать бесчисленные стаи перелетных птиц. Тогда охотники отправляются стрелять гусей или, как они говорят, «сидеть на гусей». Для этого у каждого охотника за Сосвой вырыта землянка, покрытая дерном. У самого верха землянки вделан венец из бревен, в которых проделаны отверстия для вставки ружейных дул и для наблюдения за полетом птицы. Перед землянкой насыпают снег золой и на это место пускают домашнего привязанного гуся, а у некоторых охотников есть и приученные уже к этому гуси, которые и без привязи никуда не улетают от своего хозяина. Увидя домашнего гуся, стая перелетных издаст крик, этот отвечает тем же, и усталая стая гусей садится; тут убивают их несколько штук. Бывает и так, что в неделю охотник застрелит только од-

ного гуся, а то случается, что и ни одного. Удивительно терпение охотников в том, что по неделе и более они живут в землянке, в поле, и нередко являются домой ни с чем.

По совершенном стаянии снега, что бывает в половине мая, настает самая интересная охота — это промысел птицы перевесами. Перевесы делаются из мережи. Они натягиваются как невод с той и другой стороны на тетиву, потом прикрепляются на петли между двух вертикально поставленных жердей, к которым привязывается веревка; за эту веревку дергают в то время, как птица залетает в перевес. Перевесы ставятся на берегу озер вечером, когда дичь летит спать на озера; в темноте она не видит сети и прямо ударяется в нее, а охотник немедленно спускает верхний конец перевеса, и дичь остается в сети, откуда уже вынимают и колют ее. Попадается дичи зараз штук по 100 и более. Эта охота так весела, что старые и малые, мужчины и женщины ездят на перевес. В это время только и слышен разговор о том, кто был на перевесе и сколько поймал дичи. Наловивший много дичи рассылает ее в виде гостинцев своим знакомым, — и вот после голодного времени настает полное изобилие в птице. Гусей продают по 40 к. за штуку, уток — по 5 к.

В середине мая березовские торговцы ездят в юрты к остякам собирать долг утками и пухом; случается, что привозят по три тысячи уток. Сейчас же их щиплют и солят, перо и пух сдают тоболякам. Пух «гнездовой», то есть вынутый из гнезда птиц, который самки выщипливают у себя из груди, березовцы сдают по 100 руб. за пуд, а выщипленный руками — по 8 руб. 50 коп. за пуд, перо по 6 руб. за пуд. Мясо утичье солят и увозят на рыбные промыслы для прокормления рабочих.

В Березове голубей нет, и скворцы не прилетают сюда никогда.

Удовольствовавшись ловлею дичи, березовцы принимаются ловить рыбу: сырков, язей, окуней и карасей.

С мая месяца до половины июля ночи почти нет, только бывает сумрачно приблизительно в течение часа времени, с половины 11-ти до половины 12-ти часов. В 12 часов солнце снова поднимается над горизонтом.

В конце мая начинают появляться из Тобольска первые паузки, отправляемые тобольскими рыбопромышленниками на Обь и Обскую губу. Паузки — тоже большие лодки, устройством похожие на баржи.

Затем каждый день начинают прибывать по одному и более паузку или барже, и на Сосве появляется уже целая флотилия судов, так что Березов на время делается как бы купеческой пристанью.

Тут-то настает радость и ликование! Надо пожить в Березове, чтобы вполне понять горячую радость жителей по поводу прибытия паузков.

На паузках привозят все жизненные припасы: муку, чай, сахар, красные товары, конфеты, пряники, орехи, урюк, изюм, коровье масло, овощи, мыло, свечи, керосин, табак и посуду. Все это продается по ценам более чем умеренным против цен березовских.

Наголодавшись зиму, жители торопятся поскорее закупить необходимые им припасы и прежде всего бросаются на картофель, который продается от 20 до 25 коп. за ведро.

В это время березовские рыбопромышленники закупают на паузках муку и соль и этим нагружают свои каюки, употребив часть муки на печение хлебов. За товары же, купленные на паузках, березовцы расплачиваются большей частью рыбой.

Совсем приготовившись, березовские рыбопромышленники отправляются на Обь так числа 8 или 9 июня.

Перед отправкою промышленники ходят прощаться из дома в дом со своими знакомыми; прощаются с таким грустным чувством, как будто отправляются Бог знает в какую даль и на какое долгое время. Я спрашивал одного из них, для чего они прощаются с домашними, как бы не рассчитывая на возвращение домой? «Да, — отвечал он, — ведь

это стихия». Между тем во время моего пятилетнего пребывания в Березове ни одного несчастного случая не было на промыслах, да и ранее, как оказалось из расспросов, никаких несчастий на них не бывало. Каждый знакомый приглашается во время прощания «проводить» уезжающего.

Когда гости соберутся и все к отправке готово, тогда начинается моление перед всеми иконами в доме, затем прощание с гостями, непременно с поклонами в ноги. Из дома до лодки всякий гость обязан, по существующим преданиям, нести какую-нибудь вещь. На берегу гости приглашаются на каюк проводить до берега ближней протоки. Отправка бывает шумная, с песнями и стрельбой из ружей.

Доплывши до протоки, в версте от Березова, образовавшейся от разлива Сосвы и Вогулки, останавливаются для чаепития и закуски. Если тут окончится все мирно, никто не поссорится ни с кем, то это ясный признак, что и на промыслах будет хорошо. После закуски уже окончательно прощаются. Хозяева садятся на каюк для дальнейшего следования, а гости на приготовленных лодках отправляются обратно в Березов.

Конечно, дома остаются одни старики, старухи и дети; все же остальные, могущие быть полезными на промыслах, уезжают туда. «Как только наступает весна, так и хочется скорее лететь на промыслы», — говорят все бывавшие на промыслах. На вопрос, кто же без вас будет наблюдать за домашностью? «А вот кто — «Никола», — отвечает рыбопромышленник. «На Бога надейся, а сам не плошай», говорит пословица. О том, чтобы застраховать свои дома, березовцы и не поминают. Пожарная команда находится довольно не в удовлетворительном состоянии. Эта-то беспечность и привела город к большому пожару, истребившему в 1887 году самые лучшие дома. Теперь не скоро придет Березов в свое прежнее положение, тем более ввиду вошедшего уже в силу закона о взимании попенных денег и в Березовском округе.

С отъездом своих рыбопромышленников и уходом на Обь паузков настает в Березове настоящее «сонное царство». Из служащих тоже некоторые разъезжаются по делам по округу: благочинный, исправник, товарищ прокурора, окружной врач. По улицам города только и увидишь мелких чиновников, отправляющихся на службу или со службы.

Да и много ли здесь и чиновников? Только в полиции полный штат, в судебном учреждении — судья и секретарь, есть и товарищ прокурора, в казначействе — казначеи да бухгалтер, в военном ведомстве один командир, в училищах — смотритель и учителя, которых очень редко бывает полный штат, у духовных же — два священника и в медицинском 2 врача, тоже редко, чаще всего один врач совмещает в себе окружного и городского, что и прельщает ехать туда врачей, чтобы получать двойное жалованье.

В июле месяце появляется морская рыба (по-остяцки вонзевая) — сырки и сельди, которые идут из моря в реки [и] соры* метать икру. Морская рыба много вкуснее и жирнее речной рыбы. Уха из свежих сельдей имеет особенно приятный вкус. Ведро сельдей стоит здесь 40 коп. Жаль, что коптить их березовцы не научились до сих пор; они коптят сельдь до такой степени, что она делается уже рассыпчатой.

В июле же месяце ловятся нельма и шокуры — последние величиною и вкусом похожие на первую.

Из насекомых появляется множество мошек и комаров, которые отравляют жизнь людей летом, а по ночам решительно не дают спать.

Большая часть жителей в летнее время коней и коров перевозят на пастьбу за Вогулку, которая тогда разливается и выступает из берегов. Вечером коровы подходят к берегу, а хозяйки переплывают на лодках за Вогулку, там их доят и возвращаются обратно с молоком. Утром делают то же са-

* Соры — отлогие места, во время весны наполняющиеся водой из реки, и в это время похожие на большие озера.

мое. Нечего и говорить, что такая перевозка с молоком, особенно осенью в бурю, очень неудобна; но зато неудобство это выкупается тем, что коровы имеют за Вогулкой лучший корм, чем на этой стороне, и дают молока более.

Случается, что медведи нападают на коров и даже задирают их до смерти, но на лошадей никогда не нападают.

Те же домохозяева, у которых коровы ходят на этой стороне, где нет луга, а все болота, косят траву за Сосвой и привозят ее в лодках. Иногда и остяки привозят траву на продажу в мешках. За мешок с травой пуда с три они берут 20 коп.

Кроме лошадей и коров, жители держат козлов. Из птиц держат гусей и куриц.

С июля месяца остяки начинают привозить уток и рыбу. Они загоняют уток в сети, где и забивают их палками. Кто видел эту возмутительную операцию, тот никогда не купит у остяков уток. Цена одной утки 5 к., за пару чирков — 5 к. и за сырка — тоже 5 к.

Хлебопашеством в Березовском округе не занимаются по случаю сурового климата. В огородах в Березове сажают овощи: лук, редьку, репу и картофель, а у кого есть парники (человек у трех в городе), то у тех вырастают к концу июля и огурцы.

С августа месяца оставшиеся домовники начинают поговаривать, что «вот уж скоро и наши приедут». Обыкновенно возвращаются с рыбалки березовские промышленники в начале августа; едут они медленно, потому что против течения и с нагруженным каюком плыть довольно трудно.

Первыми появляются зыряне-рыбопромышленники, которые промышляют от Березова верст за 200.

Между тем в ожидании хозяев домовники начинают с августа косить траву на лугах, за рекой Сосвой. Копны большей частью бывают ручные, т.е. такие, которые подтаскиваются людьми к стогу, и еще бывают лошадиные, подвозимые лошадьми. В это время лошади бывают у редких жите-

лей, потому что всех отпускают пастись за Вогулку. Летом остячки нанимаются носить воду.

Жители запасают сено в большом количестве, так как приводится кормить скота иногда с сентября по июль месяц. Воз сена стоит зимой 1 р. 50 к., весной — 3 руб. и больше.

Березовцы нанимают для кошения травы преимущественно солдат местной команды, которые дело делают лучше и плату за него берут меньшую сравнительно с бывшими казаками. Обыкновенная поденная плата косцам на хозяйском содержании 60 коп.

Вообще жители предпочитают нанимать на всякие работы солдат: пилить лес, вытаскивать с Сосвы приплавленные бревна и дрова.

С августа жители начинают ездить в юрты к остякам, привозят оттуда для себя ягод: брусники, смородины, черемухи, иногда княжники и морошки:

В окрестностях города ягод родится мало, растут здесь брусника, черника и голубица. Грибов бывает тоже мало, да и те нехороши, потому что, не выдерживая засола на зиму, скоро портятся. Масляники сушить на зиму еще кой-как можно. Прежде, говорят, в окрестностях Березова было множество белых грибов, но ныне в течение лета попадает не более двух или трех грибов.

Кедровые орехи хотя близ города растут и во множестве, но их скоро обрывают, даже не давши созреть.

С августа ветер резко переменяется: делается очень холодный и дует чаще с севера, так что по вечерам уже нельзя выйти без шубы на улицу. В этом месяце бывает несколько дней сряду такой проливной дождь, что, кажется, все хляби небесные тогда разверзаются. Конечно, такой дождь мешает уборке сена. В августе же месяце бывают очень густые туманы, впрочем, без всякого вреда для людей. Также бывают туманы и в мае месяце.

С конца августа начинают приходить пароходы из Тобольска, отправляющиеся за судами тобольских рыбопромышленников далее на низ в Обь и Обскую губу.

На пароходах привозят те же самые товары, какие бывают на паузках, и вдобавок к этому свежие овощи: картофель от 16 до 25 к. за ведро, лук от 50 до 70 к. за сотню, капуста от 4 р. до 7 р. за сотню, иногда и дороже, свекла и редька по 10 к. за одну штуку средней величины, огурцы от 6 до 10 р. за сотню. Хотя цены на товары, привозимые на паузках и пароходах, почти вдвое меньше березовских, но чтобы заpastись всем на зиму, надо иметь свободных денег рублей 50, а где скопить их мелкому чиновнику? И вот он принужден в течение года все брать в долг у торгующих евреев! Разумеется, долг растет быстро, уплачивается же плохо и в конце взыскивается с бедняги чрез полицию.

На предложение богатым чиновникам о том, чтобы соединиться всем чиновникам и закупить всяких припасов на паузках или пароходах и разделить покупки, согласно заявлению каждого, вычитая ежемесячно из жалованья у мелких чиновников, более состоятельные лица отвечают: «Где тут, да как тут». Между тем при общей покупке выгоды было бы и богатым чиновникам больше: при покупке на сотню руб. продавец уступит 5%, при покупке же на 1000 р. он уступит 15%. Что поделаешь, такой уж это город Березов, что развивает в людях страшный эгоизм. Рассказывают, что бывший смотритель училищ Кожевников делал такие покупки на паузках для своих сослуживцев, да будет за это мир праху его!

В Березове нет пароходной пристани. Будь пристань, тогда можно бы брать с пароходов порядочную пошлину, и тогда же была бы возможность и платить жалованье учителю приходского училища.

С 7 сентября начинают приплывать березовские рыбопромышленники. Нет конца их радости, когда они найдут все дома благополучно. Начинаются рассказы о промыслах: хороши ли были они или нет, когда рыба стала ловиться хорошо, какой рыбы больше наловлено. Начинается рассылка гостинцев по знакомым: поземов, соленой осетрины, соленых сырков и муксунов и икры.

В конце сентября делается очень холодно, выпадает снег. Тогда возвращаются пароходы, буксируя за собою по нескольку барж.

Пароходы останавливаются в Березове лишь для того только, чтобы покончить расчеты, принять у мелких промышленников рыбу и запастись здесь дровами, что составляет тоже выгодную статью дохода для березовцев. Рабочие с пароходов запасаются малицами, гусями (род одежды из оленьей шкуры шерстью вверх) и пимами из оленьей шкуры. Березовцы вместо «пимы» говорят «пымы».

Все больше и больше приходят пароходы с севера и, постоявши недолго, проходят далее на юг, как будто говоря: «Мы, Березов, заходили в твой пустынный край на время и по необходимости, а теперь прощай и оставайся с твоим холодом».

Очень грустно становится на душе, когда уходят последние пароходы. Опять заключение на год в этом мертвом городе. Ужасно!

А тут еще почта прекратит свое хождение на целых полтора месяца. И это бывает дважды в году: весной, когда вскрываются реки и устанавливается летний путь, и осенью, когда покрываются реки и устанавливается санный путь. Как потом придет первая почта, так все ждут с нетерпением прихода почтальона с его кожаной сумой, заключающей в себе радостные и горестные известия. В обыкновенное же время почта приходит в Березов и уходит из него чрез две недели.

С приездом рыбопромышленников город оживляется: начинаются хождения по гостям, рассказы о том, что было на промыслах, как доплыли до места, как сначала вовсе не было лова, так что невода вытаскивали совершенно пустыми; а потом вдруг пошла рыба, и недели в две, случается и в неделю, нагрузили рыбой полный каюк.

Самые лучшие березовские рыбопромышленники — братья Нижегородцевы, за ними братья Добровольские, братья Корепановы, братья Шаховы и бывший казак Оболтин.

Некоторые из жителей в течение лета тоже промышленяют верстах в 10 от города, другие скупают рыбу у остяков и осенью сдают ее тобольским купцам. Общая цена тогда бывает на рыбу такая: за большого сырка 5 к., за пару меньших 5 к., за муксуна от 15 до 20 к., осетры 3 р. 50 к. за пуд.

Недели через две после своего приезда рыбопромышленники отправляются в ближние юрты остяков, откуда они привозят в большом количестве рыбы, уток и ягод, преимущественно брусники, ведро которой продают по 60 к.

По покрытии же Сосвы льдом, которое бывает между 22 октября и 15 ноября, и по выпадении снега, что бывает в половине октября, березовцы отправляются в дальние юрты остяков для торговли, большею частью меновой. За красный товар, табак, соль и пр. берут пушный товар, особенно набирают много белок, также берут рыбу, бруснику и клюкву.

Когда на Оби лед делается порядочной толщины, тогда начинают городить «оби». «Обями» называются протоки Оби. Эти протоки загораживаются во всю ширину с оставленными в загороди отверстиями для морд (по-остяцки морда «кэмга»^{*}). В эти морды попадаетея больше всего осетров. Самые лучшие «оби» у Нижегородцевых и Шаховых, в расстоянии от города верст 150. Если лов хорош, то за один недельный высмотр добывают по сту осетров.

Эту рыбу с начала зимы промышленники отправляют в Тобольск, а потом на Уральские заводы и в Ирбит.

Ловля рыбы зимой продолжается по декабрь и январь месяцы, одним словом, до тех пор, пока вода не замрет в «обях». Вода замирает не только в Оби, но и в других реках.

Это замирание бывает оттого, что свежий воздух мало проникает в воду, отчего она делается затхлою. Свежий воздух не проникает в воду по причине весьма толстого льда и огромных масс снега, покрывающих лед на реках, особенно же у берегов. Кроме этого, из окрестных болот текут в

^{*} Эти кэмги делаются большие: 1½ саж. в длину, 1 саж. в ширину.

реки ручьи с совершенно испорченной водой, с ржавою, как говорят в Березове.

В это время рыба бьется около живцов, т.е. ключей, изливающихся в реки из берегов. Тут бывает такая масса рыбы, что она своею спиною протирает лед, так что только прорубят верхнюю часть льда, то черпают рыбу прямо в воза. Весь труд состоит в том, чтобы отыскать такой живец.

В ноябре месяце березовцы ездят на ярмарку в село Мужы, которая бывает 8 ноября. На этой ярмарке покупают живых оленей, пушной товар и рыбу. Село Мужы находится на севере от Березова, в 250 верстах от него.

С установлением санного пути сами остяки начинают подвозить на оленях в Березов рыбу, бруснику и кедровые орехи.

За неимением базара остяки везут свой товар или в магазины*, или в знакомые дома. Рюмки две водки с мороза и голода, да на закуску калач, приправленные ласковым словечком на остяцком языке, который знают все торговцы, сделают свое дело, и товар отдается очень дешево, редко на деньги, а большею частью в промен на товар.

Очень дурно, что в Березове до настоящего времени нет базара: что понадобится купить, то и доводится ходить для разыскивания по домам.

Не заводят же граждане базара из-за своей выгоды, так как тогда инородцы повезут свой товар прямо на базар, а не к ним, через что, понятно, граждане уже не получают таких барышей, какие получают теперь. Отсюда ясно, что единственный интерес людей этой гиперборейской страны — самая бесцеремонная нажива, с кого бы то ни было и во что бы то ни стало.

В конце ноября и в начале декабря бывают самые короткие дни и бесконечные ночи; становится возможным читать без труда только в половине 10-го часа, а темнеет в половине 2-го часа. Тут немало надобно осветительного ма-

* Магазины — это маленькие лавочки под домом торговца, большею частью с одной комнатой.

териала. Пуд свечей стоит 7 руб. 20 к., а фунт 20 к., пуд керосину стоит 5 руб., а фунт от 15 до 20 к.

Перед праздником Рождества Христова постоянно подвозят мясо из сел, находящихся южнее Березова: из Шаркальского, Елизаровского и Самаровского. Тогда мясо становится ценою от 1 р. 50 коп. до 2 р. за пуд, языки — по 30 к. за штуку, студень — 50 коп., смолость продают на вес — по 10 к. за фунт. В это время богатые жители запасаются мясом на всю зиму.

Но вот наступает и Рождество. Снегу нападает множество. Из дворов вывозят снег не в таловых коробах, такие не выдержат, а в коробах, сколоченных из досок и вмещающих в себя обыкновенных короба три, и такой воз таскает одна лошадка, хорошо отгулявшаяся в течение лета. Случается, что снег валит несколько дней сряду, так что уборка его доводит бедных дворников до болезни.

К Рождеству в домах Березова идут такие же приготовления, какие и в других городах. Вместо слова «убираться» говорят «охичаться».

В Рождество и в Пасху жители (приезжие и тамошние) визитируют. На святках маскируются большею частью остяками и остячками, в малицы и гуси.

Новый год встречают все сословия вместе, для чего устраивается вечер по подписке. В начале вечера гости, умеющие танцевать, танцуют немного под музыку, состоящую из скрипки и контр-баса (оба музыканта самоучки) и гармонии, а потом все больше забавляются простонародными играми: хороводом, гуськом и проч., также поют песни, самая любимая песня: «Как на матушке на Неве-реке».

Для нового человека, привыкшего видеть на балах танцы под порядочную музыку, такое препровождение времени покажется слишком тривиальным.

Прежде, когда еще существовало окружное управление и были окружные начальники, в Березове даже был клуб, а по распоряжению бывшего окружного начальника Колпа-

ковского установлен был даже и базар, но с отъездом этого энергичного правителя и базар закрылся.

Что удивительнее всего, так это то, что человек, проехавший от Тобольска до Березова и, конечно, в дороге порядком наскучавшийся, достигнув до града Березова, сначала остается доволен им, потому что в своем воображении он думал встретить более худшее, чем он находит. Но вот, проживши с полгода, познакомившись со всем и со вся, приезжий начинает скучать, его начинает тянуть назад в Тобольск или в другой город, откуда он приехал, и, разумеется, терпит добровольную ссылку ради только служебных выгод.

Для природных же жителей нет лучше города Березова, как номаду нет лучше степи. Рассказывают, как одна жена торговца, возвратясь из Ирбита, где она была в первый раз, говорила: «А нет, у нас в Березове не в пример лучше. В феврале месяце в Ирбите было уже такое тепло, что на меня навалилась какая-то тяжесть, да и шум там какой, Боже упаси! Нет, у нас лучше: воздух легкий и покой».

Периодических изданий получается в Березове мало; выписывают их присутственным местам, затем некоторые чиновники, а из граждан выписывают только трое по одной газете.

Если соберется где-нибудь общество, преимущественно на именинах, то все бывают какие-то вялые, молчаливые и оживятся лишь тогда, когда пропустят несколько штук «по единой». При этом лучшей закуской считается «строганина», или мерзлая рыба, наструганная ломтиками. Когда строганину подают на стол, то вместе с ней приносят на блюдечке и уксус с солью и перцем. В эту смесь обмакивают ломтики рыбы и закусывают. От большого употребления сырой рыбы большая часть жителей страдает глистами.

Русские одеваются в обыкновенное время как остяки: в малицы и гуси.

Перед новым годом торговцы отправляются на север, далее Березова на 500 верст, в село Обдорское, где с конца декабря открывается ярмарка, на которую привозятся ос-

тяками и самоедами пушные товары. На эту ярмарку едут через Березов и некоторые из тобольских купцов для закупки пушнины. Поездка совершается от Березова до Обдорска и обратно на оленях.

По приезде с Обдорской ярмарки торговцы начинают собираться на Ирбитскую ярмарку. Я называю «торговцы», а не купцы, потому что многие зажиточные жители не записываются в гильдию во избежание расхода, а остаются в мещанах. Из природных же жителей существует здесь только один купец Плеханов и из приписавшихся один купец Окунев, из присланных же евреев отец и сын Цессес, остальные все мещане.

Некоторые из торговцев едут на Ирбитскую ярмарку с рыбой, со своей или с чужой, взятой на доставку. Путь идет прямо на запад, к Уральским горам, на заводы, а оттуда в Ирбит. На этом пути нет станций, ночуют в поле, на сильном морозе, где нужна закаленная натура северянина и где проявляется проба его богатырского здоровья. Обрато из Ирбита едут этой же дорогой со своими и чужими товарами. Езда происходит частью на собственных оленях, частью на наемных. Вперед и назад едут по 17 дней.

После Нового года бывает взнос ясака инородцами. Это время березовцы называют ярмаркой, потому что наезжает много инородцев, которым жители продают печеный хлеб и квас, да и в питейных заведениях бывает добрая выручка.

В Березове 4 склада вина: березовских жителей Плеханова и Равского и иногородных — Сыромятникова и Давыдовской; погребков 4: Плеханова, Равского, Сыромятникова и Шеймина. Главная продажа водки бывает приезжим зырянам, остякам и самоедам.

На масленице устраивается общественная катушка и у солдат отдельно своя собственная катушка. По городу катаются в санях на лошадях и нанимают оленей в нартах у приезжих нарочно для этого остяков. Оленями управляют без вожжей, а употребляют для этого длинный острокопечный с маковкою шест.

После масленицы наступает в полном смысле слова великий пост: овощей вовсе нет, рыбы тоже очень мало, да и та дорога, притом соленая и вонючая, так что бедный народ питается только ржаным хлебом и кирпичным чаем. Но, несмотря на это, какая гордость в простом народе, удивительно! Мужчина или женщина лежит себе на печи, а в услужение ни за что не пойдет. Если же и пойдет, то при первом замечании потребует у хозяина расчета. Поэтому зажиточные жители стараются брать в услужение зырян и остяков.

В Пасху бедняки редко едят скотское мясо, все больше оленину. Оленье мясо неприятно на вкус, так как отзывается мохом; но чтобы уничтожить неприятный вкус, надо с вечера вымачивать его в уксусе или квасе. Оленье мясо по тамошнему климату очень полезно для здоровья. К Пасхе сотня яиц бывает 5 руб., а в прочее время от 2 до 4 руб. Если Пасха бывает поздняя, то устраиваются общественные качели на козлах и круглая; в общественном саду играют хороводом, особенно охотники до этого зыряне и зырянки, и надо отдать им справедливость в том, что они хорошо поют русские песни.

В Березове две церкви: одна — Никольский собор, другая приходская Богородская. Есть две часовни: одна на кладбище, а другая за Богородской церковью, на берегу Сосвы.

Жители очень религиозны. По праздникам от обедни народ выходит большой пестрой толпой. Тут виднеются и дамы, одетые в лисьи шубы с собольими воротниками, и зырянки в малицах, покрытых разноцветными узорными ситцами.

На выезде из города, по Обдорской дороге, на правой стороне от дороги находится больница, основанная собственно для инородцев и существующая за счет инородческого капитала, с которого получается 800 руб. процентов в год; недостающие же на содержание больницы деньги отпускает казна.

В городе есть два хлебных магазина: один для солдат местной команды, а другой для инородцев.

Что касается до северного сияния, то оно бывает каждую зиму, но редко, раза три или четыре в зиму, и притом небольшое. В течение моей пятилетней там жизни только раз было северное сияние короной, 8 ноября 1882 года, в 6 часов вечера. Действительно, величественное и чудесное было это явление: все небо в огне, где ярче, где темнее; переходы в разных местах от темноты к свету и обратно совершаются быстро. Из огненного круга моментально вылетают огненные столбы разных цветов со всех сторон неба сверху книзу и образуется корона, и затем столбы постепенно погасают. Сияние продолжалось часа 1½. Звездный дождь был в ноябре 1884 г., с 7 часов до 12½ часа.

Климат в Березове здоровый, эпидемических болезней не бывает.

Мастерствами слесарным, плотничным и кузнечным занимаются зыряне, которые сюда переселились из Архангельской губернии. Печи кладут, голландские и простые, поселенцы из России, они же и маляры. За голландскую печь берут 30 руб., за простую — от 10 до 15 руб.

Для выделки кирпичей есть несколько кирпичных заводов. Тысяча кирпичей продается от 10 до 12 рублей.

Кожевенных заводов нет; сырые же кожи продаются тоболякам. Сапоги шьют солдаты местной команды и поселенцы.

Почтовую гоньбу исполняет несколько лет мещанка Карандашева, получая с казны по 60 руб. за пару: зимой за пару лошадей, летом — за пару людей. Земскую почту исполняет мещанин Никитин.

Стекольщики есть из зырян и из русских коренных березовцев. Скорнячеством занимаются женщины, русские и зырянки. Есть двое портных; шьют они недурно.

Цена порядочной лошади 40 рублей, цена хорошей корове 25 рублей.

Скотское мясо продается по 4 руб. за пуд, оленьё — 1 руб. 50 коп.

У инородцев есть в Березове свой писарь из русских.

Хотя гостиный двор и есть в городе, но в нем торгует только один купец С.Т. Окунев, а прочие торговцы имеют лавочки под своими домами с вывеской: «Магазин такого-то». Сколько теперь, после пожара, в городе магазинов — я не знаю, а при мне было 5 магазинов. Цена на муку бывает разная, смотря по тому, каков был урожай в хлебородных округах. Ржаная мука от 75 к. до 1 р. 20 к. за пуд. Пшеничная мука от 1 р. 20 коп. до 1 р. 60 коп. за пуд. Куль муки крупчатки 2-го сорта от 6 до 8 р., куль первачу от 7 до 9 р. 50 к., куль 1-го сорта от 8 р. 50 к. до 12 руб. Муку приплавливают на барках тобольские купцы и березовский С.Т. Окунев для продажи жителям и в хлебные магазины.

Квартиры отдаются с хозяйскими дровами и водой. Цена квартиры в четыре комнаты — 10 руб. в месяц.

Теперь мимо Березова пароходы ходят на реку Ляпин, где купец Сибиряков устроил хлебные и другие магазины для склада разных товаров с тем, чтобы эти товары перевозить через Урал до Печоры, по Печоре же отправлять в Северный океан и затем в Англию. Все-таки это оживляет город и способствует поездке жителей в Тобольск.

Если бы было постоянное пароходное сообщение Березова с другими городами, тогда еще можно бы было в нем жить; а то не угодно ли прокатиться по Оби в простой лодочке на пространстве 500 верст до села Самаровского.

Для образования есть в Березове уездное училище и приходские — мужское и женское. Березовцы на образование своих детей не обращают никакого внимания, да, вероятно, и не подумают о нем до тех пор, пока введется там воинская повинность, от которой березовцы освобождены на 10 лет. В мое время (назад тому 2 года) в уездном училище было 14 человек, в приходском мужском 40, в женском 20.

А. Демин

Козловы

Среди казацких фамилий города Березова эта — Козловы — в дореволюционное время была одной из наиболее заметных. Благодаря способностям, данным от природы, некоторые представители ее в XIX веке сумели выйти за рамки традиционных занятий городского казачества Западно-Сибирского Севера. Это хорошо видно на примере семейства Егора Григорьевича Козлова (1820—1907) (в метрических книгах и других документах это имя употребляется в двух вариантах — Егор и Георгий).

К сожалению, автору пока не удалось отыскать метрических книг березовских церквей за первую половину XIX века, поэтому здесь не приводится и до-

На снимке крайний слева — Антон Борисович Козлов. 1939 г.

стоверных сведений о предках Егора Григорьевича. Н.А. Миненко упоминает о казаках Прокопии и Егоре Козловых, возивших товары в Обдорск*. В одном из источников встречено было упоминание об отставном березовском уряднике Григории Егоровиче Козлове. В Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области хранится фор-

* Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. — Новосибирск, 1975. — С. 71.

мулярный список о службе бухгалтера Березовского окружного казначейства казачьего сына Василия Прокопьевича Козлова (около 1818 — ?). Окончив Березовское уездное училище, он с марта 1834 года служил писарем Тобольского губернского суда, оттуда по просьбе отца переведен писарем же в Березовское казначейство, где и поднялся через два года до должности бухгалтера, не раз получал денежные награды за отличия по службе и признавался «способным и достойным»*. Есть основания предполагать, что упомянутые лица были предками либо родственниками Егора Григорьевича Козлова.

Этот рядовой казак был, как видно, уважаемым в городе человеком, если уже в преклонные годы (конец 80-х — начало 90-х гг. XIX в.) березовцы избирали его членом городской управы. Но сыновья Егора (Георгия) Григорьевича пошли дальше отца, и судьбы их сложились совсем нетрадиционным образом. Двое из них — Николай и Зосима — вышли в духовенство. Оба начинали псаломщиками в церквях, расположенных на территории Березовского округа, а затем, не имея семинарского образования, стали священниками. Николай более 10 лет отслужил в Березове в Богородице-Рождественской церкви.

Из них двоих более известен Зосима Георгиевич (1872 — после 1936), выпускник Березовского уездного училища, более 20 лет прослуживший в северных приходах — в Мужах, Обдорске, Чемашах, Кондинске. В 1914 году он был переведен в Тюмень дьяконом Пророко-Ильинской церкви, а в следующем стал священником Крестовоздвиженской церкви. Наряду с исполнением прямых служебных обязанностей Зосима Георгиевич много занимался школьными делами: с 1898 по 1902 г. был помощником учителя Мужевской школы, размещавшейся в добротном здании, построенном березовским купцом С.Т. Окунёвым, позднее заведовал одноклассной церковно-приходской школой при Кондинском Троицком женском монастыре.

* ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 10. Д. 779.

Имея большой опыт церковной службы в крае, населенном ханты, манси и ненцами, отец Зосима много размышлял о путях обращения язычников в христиан, писал статьи об этом в «Тобольские епархиальные ведомости»: «Исторический очерк одноклассной церковно-миссионерской Кондинской школы за шестьдесят пять лет (с 1844—1909 г.) ее существования» (1910. № 16), «Об инородческом Севере» (1911. № 6), «Из истории обращения инородцев севера Тобольской епархии в христианство» (1911. № 15) и др. Статья «Об инородческом Севере», в которой содержатся интересные сведения по истории церковного образования в нашем крае, печатается вслед за этим очерком.

Зосима Георгиевич не раз награждался как духовной властью, так и светской, — темно-бронзовой медалью за труды по всеобщей переписи населения 1897 г., серебряной медалью в память 25-летия церковных школ, набедренником, скуфьей, крестом в память 300-летия дома Романовых*.

Еще более заметен в Тобольской губернии был старший из братьев — Нил Георгиевич (1861 — после 1915). Не последнюю роль в его судьбе сыграл случай. В юности он хотел стать учителем и держал экзамен на право преподавания в Березове, но из-за недоброжелательства одного из экзаменаторов провалился, однако мечты своей не бросил и осенью 1882 года поехал в Тобольск, рассчитывая выдержать экзамен там. На пароходе он познакомился с купцом И.М. Плотниковым, который предложил работу бухгалтера. Юноша согласился. И, надо сказать, Плотников сделал удачный выбор. Обнаружив недюжинные способности и усердие, через несколько лет Нил Георгиевич стал представителем торгового дома «М. Плотников и сыновья» в Тобольске и прослужил в этой должности продолжительное время.

В сентябре 1907 г., как сообщила тобольская газета «Сибирский листок», «в местном коммерческом мире состоялось скромное торжество»: торговый дом прислал из Тю-

* ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 380. Л. 41; Д. 511. Лл. 68—69; Д. 566. Лл. 72—73.

мени своего представителя, чтобы отметить 25-летие службы главного бухгалтера и доверенного в Тобольске Нила Георгиевича Козлова. «Юбиляру, — писал далее корреспондент, — был поднесен от торгового дома адрес, в котором перечислялись его заслуги и выражалась благодарность за разумное творчество и удачную инициативу; адрес был вложен в изящную и дорогую папку с видами дикого севера на серебряной крышке, кроме того, от торгового дома юбиляру был преподнесен серебряный письменный прибор, выдано 300 руб. процентными бумагами и выигрышный билет дворянского банка. Сослуживцы преподнесли юбиляру икону и роскошный альбом, на крышке которого выгравирована обычная для рыбаков картинка — пароход, ведущий за собой ряд баржей, — с своими фотографическими карточками».

Деловые качества и высокая порядочность Н.Г. Козлова были по достоинству оценены и тоболяками. С 1895 года он состоял членом учетно-ссудного комитета Тобольского отделения Государственного банка и через десять лет получил за эту службу права личного почетного гражданина. А в январе 1916 г. избран директором Тобольского городского общественного банка.

Наряду со службой Нил Георгиевич участвовал в общественной деятельности и в этом качестве также стал заметной фигурой в Тобольске: избирался гласным городской думы, присяжным заседателем по Тобольскому уезду. Глубоко сведущий в делах коммерции, он не раз подавал местной власти дельные советы. Например, в 1911 году его письмо об угрожающем положении в обеспечении Тобольска мукой и необходимых мерах зачитывалось на заседании городской думы.

С начала 1890-х гг. Н.Г. Козлов длительное время состоял действительным членом Тобольского губернского музея, избирался членом комитета музея, а в ноябре 1902 г. был избран казначеем. Неоднократно делал пожертвования. Так, в 1896 г. он подарил музею коллекцию образцов

сетей местного кустарного производства, использовавшихся тобольскими рыбопромышленниками в низовьях Оби.

В ноябре 1903 г. в Тобольске организовался отдел Российского общества рыбоводства и рыболовства. На первом общем собрании, состоявшемся 29 ноября, председатель отдела Н.Г. Козлов сделал сообщение о нуждах рыбопромышленности на севере губернии и мероприятиях, необходимых для ее подъема и развития*.

Нил Георгиевич не стремился к тому, чтобы во всем участвовать и постоянно быть на виду, но умел вовремя оказать ценную деловую поддержку.

И еще об одном из сыновей казака Георгия (Егора) Григорьевича Козлова — Борисе Георгиевиче (1865—1909). Он имел редкую для Тобольского Севера конца XIX века профессию почтальона, а позднее стал почтово-телеграфным чиновником и положил начало целой семейной династии связистов. Его сын Антон Борисович (1905—1955), начавший трудовой путь учеником в Березовской почтово-телеграфной конторе и затем телеграфистом-морзистом, в 1925 г. переехал в Самарово, оттуда — в Ханты-Мансийск и здесь дослужился до должности начальника окружного узла связи, которую занимал с 1943 по 1955 гг. За заслуги награжден медалями, орденом Трудового Красного Знамени и высшей государственной наградой того времени — орденом Ленина**. Связистами стали его сын Борис Антонович, которого хантымансийцы до сих пор помнят еще и как одного из лучших шахматистов города, и внук Владимир Борисович.

И, наконец, нельзя не упомянуть об Александре Ивановиче Козлове (около 1861 — после 1918), жившем в селе

* Городская хроника // Сибирский листок. — 1907. 7 окт.; Городская хроника // Сибирский листок. — 1905. 6 янв.; Городская хроника // Сибирский листок. — 1911. 13 нояб.; Городская хроника // Сибирский листок. — 1916. 10, 24 янв.; Хроника // Тобольские губернские ведомости. — 1902. — Приложения (Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности). — 21 нояб. (№ 19). С. 106.

** Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т 2. — Ханты-Мансийск, 2000. С. 50.

Кондинском Березовского уезда (ныне — райцентр Октябрьское), где он в 1880-е гг. служил волостным писарем, скопил, видимо, какой-то капитал и занялся предпринимательством. В 90-е гг. он уже арендовал три рыболовных песка близ остяцких юрт Низямских (Полуденный, Северный и Налимий), сбывал добытую рыбу, торговал в с. Кондинском разными товарами и числился купцом*.

* *Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север. Т.1. — СПб., 1904. — Приложение 1. С. 10.

Об инородческом Севере

Прочитав в № 3 «Епархиальных ведомостей» статью «О благочинническом съезде на севере», где автор просит откликнуться и дополнить своими мыслями его заметку, я благодарю автора за его клич и со своей стороны считаю своим священным долгом присоединиться к нему, как уроженец северного края. Кроме того, 20-летнее служение мое в березовских весях в должностях псаломщика, дьякона и священника заставляет поделиться мыслями о далеком Севере.

Вперед прошу не осудить меня за мою статью.

1. Духовно-нравственное состояние остяков

Остяки страдают незнанием даже начальных молитв, не ознакомлены они с правилами нравственности и с значением обрядов.

Из таинств они находят нужным только крещение, и то считают в нем важным наречение имени. Инородцы, придя звать крестить, говорят: «Батько, дай имя!» — а остальное для них неважно.

Таинства исповеди и св. причастия исполняются из 100 чел. одним. Отпевание считают нужным, но только не во всех приходах; например, за Березовом к Обдорску — в приходах Мужевском, Кушеватском, Обдорском, Березовском Соборном и Березовском Богородице-Рождественском, всех умерших кладут на своих кладбищах, которые находятся почти в каждом юртах. Эти кладбища отстоят от юрт верст на 5–7–10 в сторону; священников туда не возят, а просят отпеть заочно, потому что боятся, чтобы священник не увидал их обряда погребения и не запретил бы его. Обычай их следующие: кладут в гроб с умершим предметы, из которых и которыми он ел, и то, что покойник носил и чем

занимался, т.е. чашку, ложку, чайник, котел, табак, трубку, если курил, обувь летнюю и зимнюю, верхнюю одежду — зимнюю и летнюю, всего по одной штуке; рыболовную сеть; на могилу ставят нарту, на которой покойник ездил, и лодку.

Таинство брака очень редко совершается: большая часть инородцев живёт незаконно, даже есть из них живущие с убежавшими законными женами.

Таинства елеосвящения не совершают.

Заметно среди инородцев охлаждение к храму Божию. Лет 30 тому назад они были усерднее ко всему, так как начальство оказывало содействие духовенству. С 1906 года, под влиянием административно-ссылных, инородцы от многого отстали. Детей, после того как окрестят, ни разу не приобщают. Молитву сороковую не берут. Учиться грамоте детей отдают мало; во всем Березовском уезде пять школ с инородцами, из них три школы церковные: 1) Березовская второклассная, в ней 5 девочек; 2) Обдорская — от миссионерского общества; 3) Кондинская при женском монастыре, в ней инородцев 12 человек. Две школы министерские: 1) в Малом Атлыме с общежитием и 2) в Большом Атлыме — в юртах — там обучается 30 чел., школа открыта в 1910 г. Жертвоприношения и идолопоклонство до сего времени не прекращаются; только молодое поколение начинает уклоняться от этого, в особенности те, которые окончили начальные школы. Замечается стремление отдавать детей в школы, но только родители с большою неохотою отправляют детей в отдаленные школы. Когда построят школы в юртах, то они охотно будут учить детей своих.

2. Какие причины оскудения духовной стороны инородцев?

Причиною небрежного отношения инородцев-остяков к молитвам, к таинствам, к вере и церкви служит незнание священниками остяцких наречий, вследствие чего они не могут научить инородцев молитвам и объяснить всю важность св. таинств, св. веры и церкви. Хотя некоторые инородцы и знают по-русски, но только самый обыденный

разговор, и то почти бессознательно. Чтобы знать наречия остяцкого языка, для этого священнику нужно жить долго на одном месте, не перескакивая из прихода в приход, даже в Березовском уезде, потому что почти в каждом приходе Березовского уезда свое остяцкое наречие. Например: в Обдорском приходе свои наречия — остяцкое и самоедское, в Мужевском и Кушеватском приходах другое наречие, в Полноватском приходе два наречия: казымское и сосвинское, в Березовском Богородском приходе два наречия: сосвинское и сынское, что в Мужевском приходе; в Березовском соборном приходе два наречия: вогульское и сосвинское; в Чемашевском, Шаркальском, Мало-Атлымском, Сухоруковском, Троицком приходах одно во всех наречие, только в Шаркальском приходе есть еще малососвинское наречие. В Сосве в приходах Сартынинском, Няксимвольском и Щекуринском одно сосвинское наречие. Итого 7 наречий в 14 приходах Березовского уезда.

Если бы священник, знающий язык, вздумал выехать в юрты для проповедывания слова Божия, то не дают подводы; говорят: «Мы не обязаны возить». Как тут быть? Где взять средства на выезд? По приходу священнику доводится ездить весной на лодке в мае месяце, осенью в августе, зимой в январе после Крещения и великим постом. Одни ездят для исповеди и святого причастия с запасными дарами — это делают немногие священники; другие же ездят только для исповеди, а третьи объезжают юрты для увещания инородцев, чтобы приезжали в церковь для говения. В некоторых приходах, напри[м]ер в Мужевском приходе, можно ездить только два раза, в декабре и великим постом, потому что в другое время все инородцы уезжают на рыбные промыслы за Обдорск и в другие места. Что можно сделать в такое короткое время? Весной в мае месяце инородцы разъезжаются по разным протокам, по два и по три семейства, для рыбных промыслов; в августе месяце они бывают там же, а некоторые мужчины собираются на пески для неводьбы, а женщины

уезжают на сенокос, так что в другой раз некому везти священника. Кому тут будешь проповедывать? После Крещения, действительно, они бывают в сборе, но горе в том, что у них в то время бывает поголовное пьянство, потому что к этому времени кончаются ясаки и расчеты рыбные и пушные. Если священник приедет к ним в это время, то, кроме грубостей, ничего не увидит. Великим постом инородцы опять уезжают в леса на ловлю пушного зверя и до Пасхи не приезжают; дома остаются женщины, дети и старики, и ямщики для гоньбы почты и земщины. Ныне многие инородцы стали оставаться на зимнее житье в летних юртах, где они летом промышляли рыбу, поэтому одни юрты разделались на три и на четыре юрты, чем увеличили труды священника.

3. Что нужно для улучшения религиозного быта инородцев?

а. Выстроить молитвенные дома в каждой юрте, с районом в 15 верст, где бы можно было служить литургию на переносном престоле, кои нужно приобрести в каждый приход по одному. Тогда бы могли дети остяков приобщаться, чего они, бедные, никогда не делают; это принесло бы пользу в том отношении, что когда бы они выросли, то считали бы за обязанность исполнять св. таинства исповеди и причастия. Кроме того, и для взрослых было бы хорошо: часто они слышали бы слово и службу Божию; в этом молитвенном доме говели бы. Трудно им ехать с семьей для говения: надо там лошадь кормить, платить за сено, за квартиру, а дома между тем скот без присмотра и дети малые, всех не возьмешь; ведь юрты отстоят от села в 15—20—25—40—50—70, даже 80 и 120 вер[стах] и более.

б. Нужно составить азбуки на все семь остяцких наречий и перевести их на русский язык, чтобы можно было ими воспользоваться каждому священнику при вступлении на приход.

в. Нужно выхлопотать прогонные деньги для разъездов, каковой вопрос был поднят духовной консисторией, кажется, в 1904 или 1905 году; от причтов отобраны сведения,

сколько прогонов и на какой приход нужно, но результаты сего неизвестны.

г. Нужно привлечь священников в Березовский уезд из окончивших курс семинарии, назначив им приличное содержание; выхлопотать привилегии, данные чиновникам в северном краю.

Нужно выдавать награды за переводы с остяцкого языка на русский. Перемещать священников на другой приход только тогда, когда они переведут на русский язык наречие остяцкое, употребляемое инородцами в их приходе.

д. Хлопотать о прекращении винных лавок в инородческой оседлости и строго преследовать тайную продажу вина торговцами и местными жителями крестьянами. Пьянство увеличивается быстро, а с ним и другие пороки. Родители остяки не отдают дочерей без калыму, а как только перепьются, дочери убегают своевольно и живут незаконно.

е. Устраивать школы по юртам церковные, а не министерские, чтобы они были под присмотром священника и опытного учителя, а в министерских училищах трудно усмотреть за нравственностью учеников, т.к. учащие скрывают и священника не допускают вникать в жизнь школы, а стараются навязать ученикам современные идеи. Открытие школ по юртам весьма бы подвинуло дело развития инородцев, и эти ученики служили бы хорошими помощниками священникам, служили бы в молитвенных домах часы под руководством учащихся и могли бы дома научить молитвам утром и вечером взрослых. Но вопрос опять в хорошем вознаграждении учащихся, а то едва ли кто поедет в такие глухие места за малое вознаграждение. Чтобы подготовить своих учителей из местных инородцев и крестьян, для этого хорошо бы было устроить в селе Кондинском, как в среднем пункте, второклассную школу с общежитием и с мастерскими при ней, как то: столярной, сапожной, слесарной, кузнечной; в этом край имеет большую нужду. Эта школа заменяла бы две местные начальные школы, на которые отпускаются средства: на миссионерскую — 500 руб-

лей от миссионерского общества и на министерскую — 800 рублей от Министерства народного просвещения.

ж. Необходимо бы выхлопотать у гражданского начальства денежную помощь на школы и на устройство молитвенных домов по юртам из капитала, имеющегося у инородцев Березовского уезда в порядочном количестве.

з. Обязать причты Березовского уезда выдавать метрические справки и другие документы, необходимые для таинства брака, бесплатно, а гербовый сбор пусть взимается тем причтом, который требует документы. А то бывают такие случаи: деньги, посланные на гербовые марки, причт берет себе за труд и, послав документ, просит взыскать гербовый сбор. Нужно помнить причту, что выдача метрических выписей, на основании статьи 101 устава дух. консисторий, производится бесплатно. Не нужно брать за брак с инородцев никакой платы, потому что они этим очень тяготеются.

Прошу отцов и братию Берез[овского] благочиния обратить внимание на нашу заметку и дополнить ее.

Добавляю, что для таких существенных вопросов нужны съезды уездные.

*Священник Кондинской Свято-Троицкой церкви
Березовского уезда
Зосима Козлов*

«Заказов нет, просим уволить...»

(Из истории первой типографии Березова)

Минувшей осенью исполнилось 80 лет с момента первого выпуска печатной продукции в нашем округе. Произошло это в Березове. Мы не располагаем обширной информацией о том, каким было начало этого производства, но сохранившиеся в Государственном архиве Ханты-Мансийского автономного округа документы

О Б'Я В Л Е Н И Е.

Березовский Уездный Исполнительный Комитет сам ОБ'ЯВЛЯЕТ, что при Уездном Административном Совете ОТКРЫТА ТИПОГРАФИЯ, которая в настоящее время уже работает, принимает заказы по изготовлению всевозможных книг, листов, листов, и проч., и также пересылает ввиду значительный расход. При заказах на типографские работы должны быть приложены образцы макета или шрифтовые чисто и разборчиво на одной стороне листа или полулиста, или четверта листа, смотря потому какой редакции желательна. Желательна книга, бланк, лист и т. д. При заказах необходимо указывать в каком количестве нужно изготовить и какого размера, а т. е. на листе, полулисте и т. д. Об исполнении заказов обращаться в Уездное, где заказы по исполнению их выдаются из типографии по уплате за такие же деньги, принимаются в уплату также и натурой по рыночным ценам, существующим в то время в уезде. Уплата за работы производится в Уездное Казначейство. Управлению тов. Калитину, к какому надлежит обращаться по всем вопросам по исполнению тех или других работ типографией. При заказах и т. д. доставлять свои бумаги, а при заказах на переплетки и картон.

Зам. предуполномоченный Кривошеин.

г. Березова 21 ноября 1922 г.

(Р. В. И.) 60 экз. г. Березов. № 4 Гостин. Уездной—12 г.

дают возможность составить хотя бы схематичную картину.

Первый из них — постановление № 69 президиума Березовского уездного исполкома — датирован 25 сентября 1922 г. и имеет название «О типографии, прибывшей из Тюмени с служащими». Этим постановлением типография отдавалась в распоряжение уездному экономическому совещанию (уэкосо), а ее заведующему предлагалось составить смету на содержание типографии, объявить всем учреждениям о начале работы и предложить делать заказы.

Примерно через неделю президиум издал постановление «О изыскании средств на содержание типографии», согласно которому полагалось выдать рабочим суточные в сумме 433 млн. 500 тыс. руб.: половину деньгами, а половину — продуктами по местным рыночным ценам. И еще через неделю следующим постановлением был определен порядок функционирования типографии: тексты печатаются с разрешения цензора, расчеты за работу производятся с уэкосо, с его же разрешения выдается продукция.

Вскоре из-под печатного станка вышли первые листки — несколько обязательных постановлений местной власти по острейшему вопросу текущего момента — финансовому. Некоторые из них также хранятся в окружном архиве. Выпускалась ли какая-либо другая продукция — неизвестно, но если выпускалась, то, по-видимому, в очень ограниченном объеме. 21 ноября 1922 г. из типографии вышло печатное объявление за подписью заместителя председателя уисполкома Кривошеина, извещавшее о том, что принимаются заказы на изготовление книг, бланков, счетов, переплетные работы, но только вместе с бумагой и картоном заказчика. А многие ли располагали бумагой, как и прочими ресурсами, в послереволюционное время? Здесь же объявлялось: плата за работу принимается в исполкоме как деньгами, так и натурой — в частности, пушниной.

Содержание и характер постановлений президиума уисполкома, касающихся типографии, наводят на мысль, что

полиграфисты прибыли в Березов, скорее всего, по инициативе тюменской губернской власти и для уездного исполкома были как снег на голову, он не находил им применения. Ситуация становилась тупиковой, и 22 июня 1923 г. рабочие типографии Гамов (позднее он работал в окружной типографии), Такмаков, Цветков и Елизавета Волкова обратились за помощью к уполномоченному Тюменского союза работников печати. В письме они просили вернуть их в Тюмень, т.к. в Березове они находятся в нищенском положении: зарплата скудная, продукты питания вчетверо и впятеро дороже, чем в Тюмени, приходится жить впроголодь, а это при вредности производства тяжело отражается на здоровье.

В начале июля 1923 г. заведующий типографией сделал доклад исполкому, в котором подтвердил сказанное в письме. Положение действительно было отчаянным: нет бумаги и переплетных материалов, остро не хватает шрифтов, заказы не поступают. В июне типография заработала 3866 рублей, а зарплаты нужно выплатить 6910. Если работы нет, рабочие просят их уволить.

Какие-то меры исполкомом были приняты, и еще некоторое время типография в Березове действовала. В 1924 г. она даже напечатала «Сборник воспоминаний о гражданской войне на Севере»*, изданный Березовским уездным комитетом РКП(б). По всей вероятности, это была первая книга, выпущенная на территории нашего округа.

По-видимому, в этом же году работа типографии прекратилась. И лишь только в середине следующего десятилетия в Березове была создана постоянная собственная полиграфическая база. С начала осени 1933 г. в районе выходила многотиражка райкома ВКП(б) и райисполкома «Ударник Севера» (неизвестно, была ли у нее своя типография), а 17 сентября 1934 г. вышел первый номер районной газеты «За большевистские колхозы», отпечатанный в Березове.

* См.: Патрикеев Н. Редкое издание // Югра. 1993. № 4. С. 37.

Вновь обретенный учитель

В 1993 году в серии «Библиотечка журнала Югра» вышла книга Ф. Ларионова «Семейная хроника: Материалы к истории культуры Западной Сибири». Автор ее родился в 1876 году в с. Каргат Томской губернии в крестьянской семье. При материальной поддержке старшего брата он смог пройти курс уездного училища, а затем поступил в Омскую учительскую семинарию и после ее окончания был направлен в Тобольскую губернию. В городе Березове он с 1897 по 1914 год служил учителем, затем инспектором городского училища. В аннотации к книжке говорится, что «Семейная хроника» — один из немногих документальных памятников, характеризующих жизнь интеллигента на Крайнем Севере в конце XIX — начале XX в., — дает представление об огромном культурном значении личности учителя того времени».

Издание появилось на свет благодаря уроженцу Березово А.К. Михайленко, разыскавшему рукопись «Семейной хроники» у потомков Ф.Ф. Ларионова в Петербурге и сумевшему сделать копии для Березовской районной библиотеки и краеведческого музея, директору Березовского историко-культурного центра И.Д. Шабалиной, предоставив-

*На снимке —
Василий Иванович Таскаев
(конец 70-х — начало 80-х гг.)*

шей рукопись редакции журнала «Югра», и заведующему Березовским районным отделом культуры Н.И. Букшану, нашедшему деньги на издание.

Вся «Семейная хроника» — объемистое сочинение в несколько сотен машинописных страниц, и в 1993 году были опубликованы только главы, относящиеся к годам, проведенным на Севере. Кроме того, в то время еще не была найдена завершающая, третья часть «Хроники».

Летом 1999 года автор этих строк, будучи в Москве, получил от внука Ф.Ф. Ларионова Олега Вячеславовича через его родственницу Маргариту Михайловну Протопопову копию этой последней части тома. Что она собой представляет?

В предисловии жена Федора Филипповича Ларионова Мария Андреевна сообщает, что первые две части были написаны в 1943–50 гг. Решение продолжить работу она приняла после смерти мужа, наступившей 1 августа 1951 года. В третью часть вошли главы «Последние годы жизни Ф.Ф. Ларионова (1944–51)», «Начало болезни и кончина Федора Филипповича» и «Из переписки Ф.Ф. Ларионова в последние годы его жизни». Работа была закончена в начале 1956 года в Москве. В полученной нами копии первой и второй глав нет, и редакция располагает только третьей главой, основное содержание которой составляет переписка Ларионовых с одним из бывших березовских учеников Федора Филипповича Василием Ивановичем Таскаевым (1898–1986), дополненная воспоминаниями последнего о своем учителе, написанными по просьбе Марии Андреевны.

В.И. Таскаев оставил по себе добрую память в Березове. Получив после окончания березовского училища профессию телеграфиста, он в 1917–22 гг. служил в армии, а потом долгое время работал по специальности в Березове. Живой, любознательный человек, он с годами увлекся краеведением, особый интерес проявляя к дореволюционному прошлому, политической ссылке, гражданской войне, истории

березовских улиц. Часть его архива передана в Березовский краеведческий музей.

Письма Таскаева — след глубокой, длившейся всю жизнь привязанности ученика к учителю. Василий Иванович долгое время искал Ларионовых. В 1949 году Федор Филиппович послал из Ленинграда, где жил в то время, в Березовскую районную библиотеку письмо, в котором поздравил сотрудников с ее пятидесятилетием. Заметку об этом напечатала районная газета «За большевистские колхозы». И через некоторое время Таскаев от ленинградского адресного стола получил адрес Ларионовых и отправил им письмо.

Неожиданное письмо памятливого ученика обрадовало Ларионовых. В то время они еще писали «Семейную хронику» и нуждались во многих уточнениях и новых фактах. Завязалась оживленная переписка. Получив ответ на свое первое письмо, Таскаев в следующем восклицает: «Как я торжествую, что все же обрел вас!!!» И подробно описывает свой немалый жизненный путь, сообщает, как продолжалась березовская жизнь после отъезда Ларионовых в Тюмень, кем стали ученики Федора Филипповича. Его ответы на многочисленные вопросы своих старших друзей подробны и порой занимают два-три десятка страниц. В письме 26 марта 1951 года примечательны такие строки: «Федор Филиппович и Мария Андреевна, я прошу вас, не утруждайте себя большими письмами. Пишите хотя коротенько: живы, здоровы, ну и все, и я за это буду вам благодарен. А на мои письма не обращайтесь внимания. Я почему-то не могу писать маленьких писем, уж как разведу так разведу, только знайте читайте».

Заметив в своем корреспонденте дар пытливого наблюдателя и интересного рассказчика, Федор Филиппович, оставаясь и в старости педагогом, старался поддержать и развивать этот дар своими советами и предложениями. Так, 1 апреля 1950 года Ларионовы писали: «Перед отправлением вам отрывков из «Семейной хроники» мы еще раз

перечитали их и пришли к выводу, что, например, очерк «Весна в Березове», а может быть и другие, можно было бы пустить в большую печать, в особенности если дополнить его описанием Березова в настоящее время... Нам кажется... что описание Березова в настоящее время могли бы составить вы, Василий Иванович! <...> Подумайте-ка над этим вопросом, Василий Иванович, и немедленно принимайтесь за работу».

По получении писем Василий Иванович как прилежный и любящий ученик писал для себя листки-памятки «Что нужно сделать?». Вот один из таких перечней: «1. Сходить в библиотеку. 2. Сделать описание Березова в настоящее время. 3. Написать «Обитатель Красивого мыса». 4. Связаться с музеями Тобольска и Тюмени. 5. Собирать растения для Ленинграда. 6. Осмотреть и учесть исторические памятники кладбища. 7. Узнать о каменной кладовой на берегу». А для снятия копий со старых фотографий он привлекал березовских краеведов-фотолюбителей Г.Д. Добровольского и П.С. Баушкина.

К сожалению, в третью часть «Семейной хроники» вошла не вся переписка, в ней нет писем Таскаева за №№ 1 и 4–11 и Ларионовых за №№ 1 и 5–14. Не включена в нее и переписка между Марией Андреевной и Василием Ивановичем, продолжавшаяся после смерти Федора Филипповича (письма №№ 17–49, последнее из них датировано 28 января 1954 года). Полученные В.И. Таскаевым письма хранятся в Березовском краеведческом музее, а вот его письма, содержащие ценные крупницы истории Березова, отыскать не удалось.

Кроме переписки Ларионовых и Таскаева и его воспоминаний о Ф.Ф. Ларионове — педагоге и человеке, опубликованных в сокращенном варианте в качестве вступительной статьи в издании 1993 года, в третью часть «Семейной хроники» вошли письма и воспоминания учившихся у Ф.Ф. Ларионова в Тюменском педагогическом институте В.И. Жуйкова и Н.П. Загорской и некоторые другие материалы.

Ниже публикуем восемь писем из третьей части «Семейной хроники».

В.И. Таскаев — Ф.Ф. Ларионову. 15.03.50 г. (Березово)

Многоуважаемый Федор Филиппович! Ваше письмо от 1 марта с[его] г[ода] получил 14 марта, т.е. вчера, на которое спешу вам ответить по интересующему вас вопросу: вниз по течению р. Вогулки, примерно в 15 километрах от с. Березова, имеется мыс Менгерский на левом берегу (считая по течению реки). Возле этого мыса протекает небольшая речка, которая и оmyвает этот мыс, называется она этим же названием, что и мыс (Менгеровская речка). На Менгерском мысу в то время (до революции) проживал березовский гражданин Мещеряков Петр Кириллович, который проживал там со своей семьей и занимался скотоводством. Менгерский мыс служит хорошей заманкой охотников на боровую дичь: на глухарей, тетерок, которые преобладают на этом мысу, и менее встречающуюся дичь мелкую: косачей, рябчиков и др. Промысел боровой дичи проводился ранее исключительно ловушками, так называемыми «слопцами», с устройством которых, я полагаю, вы знакомы. И охотники, с которыми мне приходилось беседовать об охоте на этом мысу (Кузьмин Дмитрий Григорьевич, сын Кузьмина Григория Васильевича¹, покойного, и др.), говорят, что были случаи, когда при осмотре из одной ловушки-слопца приходилось вынимать по две тетерки и иногда даже (правда, редко) по три, а сейчас этот мыс в распоряжении колхоза, и любителям-охотникам приходится воздерживаться от охоты на нем. Ниже по течению реки Вогулки есть речка Ингисойм, неподале-

¹ Кузьмин Григорий Васильевич (ок. 1860—?) — березовский мешанин, сын сартыньинского волостного писаря. Окончил Березовское уездное училище. Один из немногих в Березове занимался оленеводством, в 1906 г. держал стадо в 180 голов. Избирался городским старостой в 1908—1915 гг. Находясь в этой должности, обращался к депутату Государственной думы Н.Л. Скалзубову с ходатайством о помощи в решении городских проблем.

ку от нее в 2—3 километрах в то время была тоже избушка, жил в ней охотник ханты со своей женой и сыном Хензи Алексей, занимался он охотой и дровазаготовками. В то время там был замечательный сухопостоянный лес (сухарник), этим массивом лесным пользовался весь Березов в зимнее время. А теперь там вырос целый поселок. Теперь вверх по течению Горной Вогулки в 15 примерно километрах от с. Березова есть тоже мыс на левом берегу, называется он «Красивый мыс», у подножия его тоже стоит избушка ветхая, жил в ней Батманов Михаил Аристархович, березовский житель (обладатель черной магии), старичок умер в прошлом году. Неподалеку от этого мыса (вверх по течению) находится речка Бобровка, а вниз по течению к Березову на левом берегу речка Литеева, в которой сейчас находится звероферма (черно-бурых лисиц) березовского колхоза «12 лет Октября».

Ну вот, Федор Филиппович! Что нужно, используйте. Я точно не знаю, каким вы мысом интересуетесь, а поэтому на случай, чтобы не промахнуться, пишу, что знаю и что мог почерпнуть от местных старожилов (старше меня) об обоих мысах, на разных местах. Что вас еще будет интересовать в будущем, пишите без всяких стеснений, я вам охотно буду отвечать.

Ответ на ваше первое письмо выслан вам авиазаказным большим письмом 8 марта с.г., получение которого прошу подтвердить. Сегодня первый день потепления, затайка снега на пригреве солнца.

Дружеский теплый привет всей вашей семье.

С уважением к вам В. Таскаев.

Ф. Ф. Ларионов — В. И. Таскаеву.

Ленинград, 11.04.50 г.

Многоуважаемый Василий Иванович!

Когда-то вы с нетерпением отыскивали нас, теперь, пожалуй, будете не рады тому, что отыскиали, потому что мы намерены беспокоить вас своими письмами. Конеч-

но, мы не являемся сгустками энергии, но ведь нам осталось жить недолго, поэтому понятно, что мы стараемся использовать каждую свободную минуту, чтобы что-нибудь сделать. А занимаемся мы, главным образом, писанием «Семейной хроники», для чего нам, кроме воспоминаний, требуется приток свежих сведений о Севере. Вот почему, не получая от вас долго писем, мы начинаем испытывать тревогу. Не сбежал ли от нас новый, весьма важный корреспондент. Так вот, дорогой Васка да Га-мушка², пишите нам чаще, по возможности каждую неделю, независимо от того, накопился ли у вас важный материал для сообщения или нет. У нас же материал всегда будет, хотя бы в виде бесчисленного ряда вопросов, которые мы намерены задавать вам.

Впрочем, вот не вопрос, а довольно важное сообщение — у нас был Вячеслав Федорович³ из Москвы. Мы, конечно, показывали ему ваше письмо, сообщили о наших планах. Он хорошо вас помнит.

Вот еще другая новость: Вячеслав Федорович получил приглашение от Литовской Академии наук принять участие в экспедиции Академии в Обдорск для изучения птиц (среди членов экспедиции имеется крупный орнитолог), интересуют также литовцев остяки, сохранявшие так долго первобытный уклад жизни. Все это пока в проекте. Если экспедиция все же состоится, то она, конечно, по железной дороге поедет через Воркуту.

Мы получили от Вас только два письма, из них последнее — большое от 8.03 с.г. Такие темпы никуда не годятся.

² Васко да Гама (1469–1524) — португальский мореплаватель, впервые проложивший морской путь из Европы в Южную Азию. Шутливое прозвище «Васка да Гама» дали В.И. Таскаеву дети Ларионовых Леонид и Вячеслав во время совместной учебы в Березовском городском училище.

³ Ларионов Вячеслав Федорович (1903, Обдорск — 1974) — зоолог, доктор биологических наук, профессор. Окончил Тюменское реальное училище и Томский университет, заведовал Останкинской зоологической станцией при Московском университете и кафедрой зоологии Всесоюзного института сельскохозяйственного образования при сельхозакадемии им. К.А. Тимирязева. Мастер спорта по стендовой стрельбе.

Мы при всей своей старческой слабости пишем вам 4-е письмо. (Если не считать открытку от 1.03 с.г.).

Вячеслав Федорович приезжал сюда в команде 12 московских стрелков-стендовиков для соревнования с ленинградскими стендовиками. На стенде стреляют из охотничьих ружей по движущимся мишеням в виде тарелочек. На соревновании в Москве Вячеслав Федорович показал большие успехи: из 100 возможных он сделал 98 попаданий и получил 1-й приз, а вместе с тем представление на звание заслуженного мастера спорта. Здесь его успехи были, по правде, ниже, но все же московская команда одержала крупную победу.

Ну вот мы и устали писать, так что задавать вопросы пока не придется, если только завтра после отдыха не продолжим этого письма.

Нужно сказать, что мы занимаемся изучением литературы о жизни и деятельности Л.Н. Толстого. Сейчас Мария Андреевна идет в библиотеку для отыскания нужных книг по этому последнему вопросу.

13.04.50 г.

Вчера мы ничего не смогли прибавить к написанному 11 апреля, потому что были заняты письмом к нашей тюменской корреспондентке Царевич. 11-го вечером мы получили от вас письмо № 3 от 15.03 в ответ на нашу открытку от 1.03.50 г., так что наша воркотня на слабые темпы в переписке, пожалуй, не является основательной. При этом невольно приходится обратить внимание на то, что наше письмо шло с 1 по 14.03, а ваше с 15.03 по 11.04, т.е. почти в два раза дольше. Какая бы могла быть причина такой разницы?

Вы дали нам целое исследование о мысах и избушках на левом берегу Вогулки. Это очень интересно, но запрос наш касался только Менгерского мыса, название которого Федор Филиппович забыл и поэтому дал своему описанию пережитого там приключения заглавие «Ночевка

в лесной избушке». Пожалуй, следует вам коротенько рассказать об этом приключении.

И.С. Колесников⁴ услышал от кого-то, что на Менгерском мысу много рябчиков. Мы немедленно решили туда поехать, хотя раньше там никогда не бывали. Была ранняя зима, и реки только что встали. Поехали, как всегда, вечером, после школьных занятий. Приехали на мыс ночью и водворились в избушке, видимо, П.К. Мещерякова. Местность нам показалась совершенно необитаемой. Ночью в темноте мы спренок застрелили собаку, о которой подумали, что это волк, подбирающийся к нашей лошади. Утром мы поохотились, но неудачно: добыли всего только одного рябчика и подстрелили тетерку. О приключении на Менгерском мысу мы никому не рассказывали — нам было стыдно. Вот и все.

О покойном Батманове, который жил на Красивом мысу и занимался будто бы черной магией, расспросите подробнее и опишите эту личность возможно полнее.

Пришлите, пожалуйста, если окажется возможным, школьные учебники на остяцком языке, ведь Федор Филиппович когда-то работал над вопросом о создании письменности и учебников на этом языке.

Посылаем вам отрывки из «Семейной хроники»:

1. «Женитьба», том 1-й.
2. «Перемена в транспорте», том 2-й, часть 1-я.
3. «Дети-охотники», том 1-й.

Последний отрывочек для передачи Алексею Первову⁵ в собственность.

⁴ Колесников Иван Семенович — мастер ремесленного отделения Березовского городского трёхклассного училища с 1905 г. Ранее работал в Тобольской сельскохозяйственной школе. Хороший столяр, токарь, имел в Тобольске свою мастерскую. По заказу консерватора Тобольского губернского музея Н.Л. Скалозубова изготовил книжные шкафы для музейной библиотеки, используемые по настоящее время. Имел смолокурный завод в Игриме. Расстрелян красными как заложник в 1921 г. при их отступлении из Березова.

⁵ Первов Алексей Михайлович (1898—1969) — житель Березова, ученик Ф.Ф. Ларионова и школьный товарищ его сыновей. Упоминается в «Семейной хронике». Автор воспоминаний, печатавшихся в журнале «Югра» (см. № 2, 1991; №№ 1, 4. 1992).

Напоминаем вам о необходимости описать с. Березово и рассказать о тех изменениях, которые произошли в нем за последние десятилетия.

Если будете предлагать кому-либо посылаемую литературу для прочтения, то не обойдите, пожалуйста, нашу родственницу Марфу Алексеевну Поленову, ее заинтересует, пожалуй, больше всего «Женитьба». Привет ей от нас и горячий поцелуй от Марии Андреевны. Желаем всего наилучшего.

Крепко жмем вашу руку. *Федор и Мария Ларионовы.*

В.И. Таскаев — Ф.Ф. и М.А. Ларионовым.

18 июня 1951 г., с. Березово

День добрый, дорогие мои старшие друзья Федор Филиппович и Мария Андреевна!

Письмо ваше № 15 от 7 апреля 1951 года получил 14.05.51 г., которое рассказывает о гранях жизни и смерти человека и этим самым, конечно, навевает пасмурное настроение. Да! Жизнь — это борьба и борьба, но не следует, конечно, идти по наименьшему сопротивлению. Нужно бороться, и бороться в данном случае, конечно, за то, чтобы хотя прожить даже лишний день, час, даже минуту. Ибо впереди еще так много нового, с чем не познакомившись — нельзя умирать. При этом, кроме того, нужно учесть, дорогие друзья, что у вас еще столько незаконченных, незакругленных дел, что, не выполнив их, умирать ни в коем случае также нельзя.

Федор Филиппович, я должен признаться вам, что очень плохо обстоит дело с копиями фотографий для вас. Фотографа я имею хорошего, но вся беда сложилась в том, что у него нет фотопленки. Он едет в отпуск, вернется в августе, привезет фотоматериал. Но вся беда в том, что вам нужно опять-таки ждать. У него аппарат хороший, «Лейка». Снимки получаются приличные. А у других тут неважные фотоаппараты, и материал получается плохой, в особенности для книги будет непригоден. Вот при сем

присылаю вам один экземпляр его качественной работы. Мы сняли дом Маремьяны Александровны, каким он есть сегодня, для этого нам с фотографом пришлось взобраться на крышу раймага и еще одного здания и оттуда брать на прицел, чтобы охватить весь дом с прилегающими к нему строениями. Затем напишите, в скольких экземплярах вам необходимы фотоснимки? В одном или в трех с каждого вида — открытки, а то для меня что-то непонятно. И можете ли вы ждать до августа? Или нет? То есть прислать материал, какой уже выйдет, или будем ждать хорошего?

Ваше письмо прочитала М. Алекс. Она очень тоже сожалеет о состоянии вашего здоровья и шлет вам сердечный привет. Бегаёт помаленьку. Дал ей адрес Вячеслава Федоровича. Прошу меня извинить, что я задержался с ответом. Причин много, писать о них сейчас не буду. <...>

Зима стояла у нас теплая. Весна очень холодная. Некоторые на сегодня не закончили еще посевную в огородах. Вода пока небольшая. Рыбы совершенно нынче нет. Утки тоже не было. Когда она в основном прошла, никто не знает... Делая вылазки на рыбалку и охоту, я не теряю еще дружбу с меховой шапкой и теплой одеждой. Не так давно, примерно с неделю назад, при таких вылазках ночью... застывало соровые тупички тонкой коркой льда. <...>

Из воспоминаний Поленовой Марфы Алексеевны. Примерно в 1915—1916 гг., перед началом революции, Марфе Алексеевне случайно удалось увидеть ризу, шитую дочерьми Меншикова. В соборе при уборке церкви к празднику священник Новицкий Яков⁶ показывал ей эту ризу. Риза была желтого цвета, красиво вышитая, но очень, очень ветхая.

Тут же узнал я фамилию Иванушки Слепого через местных старушек — Волохов его фамилия.

Марфа Алексеевна не забыла даже и про куклу, которую Мария Андреевна, тепло одев, захватила с собой в

⁶ Новицкий Яков — березовский священник в 1921 и 1928—1933 гг.

Тобольск, когда ехала учиться из Березова, из дома Шахова Семена Прокопьевича⁷.

Марфа Алексеевна очень обеспокоена вашим здоровьем и в особенности Марии Андреевны. Шлет вам сердечный привет и желает вам здоровья. Ну вот, пожалуй, пока на этом закончим, а то я вас своими письмами только, наверное, утомляю. Вряд ли кто из ваших клиентов еще пишет такие письма, как я. Другой получатель вряд ли бы стал читать такие длинные письма до конца. Но я вот, поверьте, не могу вам писать таких писем, как «здравствуй» да «прощай». Мне хочется обо всем, обо всем вам написать. Ну тут уже видно будет вам: нужное возьмете, ненужное — в сторону. Что с меня вам взять, ведь я живу в провинции, в соседстве с Михаилом Потаповичем. Пока до свидания, дорогие. Привет семье Леонида Федоровича⁸. На днях буду писать вам следующее письмо. Что-то тревожит меня за вас: долго нет от вас весточки. Пишите, как ваше здоровье.

С уважением к вам *Васка да Гама*.

⁷ Шахов Семен Прокопьевич (1861-1921) — березовский мещанин из казаков, рыбопромышленник, предприниматель. В 80-е гг. первым на Тобольском Севере начал мариновать тугуна (сосьвинскую сельдь), позднее выпускал консервы «Сосьвинская сельдь в масле».

В начале XX в. основал близ Березова первое на севере Западной Сибири коммерческое молочное хозяйство, производил и продавал сливочное масло. Неоднократно избирался березовским городским головой и городским старостой.

С.П. Шахов был приятелем отца М.А. Ларионовой, обдорского рыбопромышленника Андрея Степановича Протопопова, останавливавшегося у него во время приездов в Березов. Из дома Шахова Мария Андреевна уехала в Тобольск для поступления в Мариинскую женскую школу, которую окончила, вероятно, в 1900 г. В «Семенной хронике» есть глава «Мариинская школа (из воспоминаний Марии Андреевны)».

⁸ Ларионов Леонид Федорович (1902, Тобольск — 1973) — онколог, доктор медицинских наук, профессор. Окончил Тюменское реальное училище и Томский университет. Работал в онкологическом институте в Ленинграде. За открытие лекарства эмбихин 16 марта 1951 году была присуждена Сталинская премия. С января 1952 г. — заместитель директора открытого в Москве Института экспериментальной патологии и терапии рака. 18 мая 1952 г. избран членом-корреспондентом Академии медицинских наук.

*Ф.Ф. и М.А. Ларионовы — В.И. Таскаеву.
Ленинград, 11-12 июля 1950 г., 13 июля*

Многоуважаемый Василий Иванович!

Отвечаем на ваше письмо от 9 июня с.г. № 5, полученное 1 июля.

В силу внешних обстоятельств, а также внутренних устремлений вы поставлены в положение краеведа и поэтому должны нести краеведческие обязанности сознательно и добровольно. Таков наш взгляд на вашу миссию в Березове. (Взгляд-то взгляд, но тут опять ожидает меня бомбардировка со стороны неугомонных стариков, о боже!)

Для этой цели вы должны приобрести некоторые дополнительные познания и умения. Так, например, вам необходимо научиться владеть фотографическим аппаратом. Надеяться на то, что березяне пощадят священную листовницу по склону оврага около бывшей Богородской церкви было невозможно. Поэтому следовало заранее сделать фотографии с разных пунктов, измерить толщину и, по возможности, высоту. Теперь, когда этот великолепный памятник природы злодейской рукой повержен во прах, следует употребить все усилия, чтобы по годичным кольцам на пне определить возраст дерева, хотя бы приблизительно. Хорошо было бы спилить часть этого пня и полученный таким образом круг пожертвовать в местный музей: ведь надо же развивать у местных жителей уважение к историческим документам и к достопримечательностям природы. <...>

Старинные монеты, найденные в дупле листовницы, следует тоже передать в музей, может быть, вместе с выпиленным дуплом. Может, найдете полезным связаться с тобольским и тюменским музеями. Если в Березове музея нет, то к [его] учреждению, может быть совместно со школой, следовало бы сделать первые шаги.

Теперь об исторических могилах.

Но об этом писать сейчас не стоит, целесообразнее сделать выписку из соответствующего места «Семейной хро-

ники», где имеется краткое описание Березова. Мы будем тем более охотно делать эти выписки, что вы предлагаете представить их в Березовскую библиотеку.

В свое время мы сделали предложение библиотеке переслать для нее все части хроники, где имеется описание Березова и Березовского края, но не получили любезного согласия и поспешили махнуть на все рукой. Теперь как будто бы обстоятельства изменяются в лучшую сторону. Надеемся через несколько дней исполнить свое намерение и выслать вам бандероль страниц в 10. Справьтесь в библиотеке, сохранилась ли в ней чрезвычайно ценная для Березова книга Абрамова «Описание Березовского края». Жить без этой книги березовскому краеведу положительно невозможно.

Сходите к жене покойного Миши Корепанова и справьтесь, сохранились ли там от Миши фотографии, из которых многие могут иметь краеведческое значение, например, были фотографии могилы Остермана, Меншиковой.

Когда будете на кладбище, посмотрите, сохранилась ли там чугунная плита на могиле учителя уездного училища И.А. Левенштейна⁹, эта доска была положена Федором Филипповичем. Ель около бывшей нашей квартиры, кажется, тоже посажена Федором Филипповичем.

Кроме названного выше письма № 5, мы получили 9 июля с.г. еще ваше письмо № 6 от 19 июня. Телеграммы от вас мы не получили, видимо, она затерялась. В конце этого письма имеется сказанная как бы мимоходом заметка о нахождении вами как-то давно (??) кольца на убитой вами утке. Так поступать, товарищ новоявленный краевед, нельзя: о научных фактах следует сообщать, куда полагается немедленно, точно и подробно. Мы тотчас сообщили об этой находке Вячеславу Федоровичу, а он в свою очередь сообщил о ней в биостанцию юных натуралистов. Надеемся, что в недалеком будущем выяснится,

⁹ Левенштейн Иван Александрович — учитель Березовского уездного училища, титулярный советник, умер 4 января 1899 г. в возрасте 52 лет.

кем, когда, где была окольцована убитая вами утка. Без вашего разрешения мы сообщили Вячеславу Федоровичу также, что в вашем лице он может найти добросовестного корреспондента для выяснения разных вопросов орнитологии, ради которых ему приходится ездить в Тюмень, Баку, Архангельск, Калининград и др. места. Вячеслав Федорович занимается утками, а научный сотрудник его лаборатории Александра Петровна — воронами. (Прочитав это место, вы скажете: «Ага, понимаю, к чему клонится речь: они хотят направить против меня еще несколько бомбардировщиков. Надо быть осторожным. Вот погодите: в следующем письме они предложат мне сделаться мичуринцем и выращивать в Березове виноград. Они забыли, что я состою на службе и должен зарабатывать на жизнь себе и своей семье кусок хлеба).

Ничего, Васка да Гамушка, мужайся! Авось пронесет тучу мороком! На Севере время движется очень медленно. Когда Ф.Ф. учился в Петербурге, у него в Обдорске родился сыночек, и отец узнал об этом только тогда, когда сыночек Вяча уже научился смеяться.

Надо вам получить из биостанции некоторый запас алюминиевых колец, т.к. у вас имеются чрезвычайно удобные условия для кольцевания птиц. <...>

Привет членам вашей семьи и Марфе Алексеевне. Привет от Л.Ф. Жмем вашу руку.

Ф.Ф. и М.А. Ларионовы.

*Ф.Ф. и М.А. Ларионовы — В.И. Таскаеву.
Ленинград, 21.08.50 г.*

Фотографу, краеведу, писателю.

Дорогой Васка да Гамушка!

Ваше письмо от 03.08 за № 8 мы получили 11.08.50 г., значит, оно шло ровно две недели вместо обычных трех недель. Это обстоятельство вызвало многочисленные комментарии и разнообразные знаки удивления со стороны Марии Андреевны. Когда же она из письма увидела, что

бывали в последнее время примеры еще более быстрого обращения корреспонденции, то знакам удивления и восклицаниям положительно не было конца в течение целого дня. Она даже специально сходила на почту, чтобы там среди единомышленников дать ход своим чувствам. Действительно, очевидно, иногда, в виде исключения, письмо не плывет по рекам обской системы, а летит по воздуху прямым путем, как оно и полагается в наш просвещенный век. Из разговоров с почтовыми людьми Мария Андреевна вывела правило: если уж послали письмо через авиацию, то нужно обязательно направлять его заказным. Ведь так?

Вы спрашиваете, можете ли вы быть краеведом. В прошлом существовали особые краеведческие общества, вступление в которые было обставлено некоторыми формальностями. Если они существуют и в настоящее время, то было бы полезно связаться с ближайшим из них, но во всяком случае вы можете заниматься краеведением без чьего-либо одобрения или разрешения. Да вы уже и есть краевед, поскольку любите свой родной край и интересуетесь его прошлой историей и теперешним состоянием. Поэтому вам надлежит сохранить черновики ваших писем к нам, т.к. в каждом из них содержится доброкачественный, интересный краеведческий материал. Краевед, краевед! Не отпирайтесь.

Вам необходимо перечитать все выпуски «Ежегодника Тобольского губернского музея», они, наверное, имеются в вашей библиотеке, если же их нет, то необходимо их выписать из Тобольского музея за деньги или просить выслать бесплатно в счет будущих краеведческих сообщений, например, на тему: «Затяжные наводнения в Березовском крае и их значение».

Тюменский музей, кажется, своих изданий не имеет. За справками относительно Тюмени или по каким-либо общим вопросам можно обращаться к старому тюменскому краеведу Павлу Афанасьевичу Россомахину (Тюмень, ул. Коммуны, 39). «Просите и дастся вам».

Было грустно читать ваше сообщение о расхищении и истреблении всяких предметов с березовского кладбища. Мы не умеем и не хотим хранить память даже о своих покойниках! Люди без прошлого, без истории! На всякий случай записывайте надписи на плитах каминов ваших сограждан, если вам невзначай придется увидеть такие плиты, этот материал во всяком случае может иметь значение для восстановления истории Березова. Нас интересуют надмогильная плита, изготовленная на тюменском заводе Машарова, с надписью «Учитель Иван Александрович Левенштейн». На кладбище она лежала между воротами и часовней.

Если березовская библиотека не проявит особого интереса к «Семейной хронике», то, пожалуй, лучше хранить присылаемые вам отрывки у себя, т.к., во-первых, они здесь сохранятся лучше, во-вторых, возможно, у вас или через вас получится своего рода зародыш Березовского краеведческого общества.

Попросите Марфу Алексеевну (мы зовем ее по старой памяти Марфушей) показать вам имеющиеся у нее фотокарточки как с нас, так и с других, и пришлите нам список этих карточек. Федор Филиппович научился фотографировать по книжке, по учебной. Может быть, и вам удастся приобрести такое руководство. Мария Андреевна будет присматривать вам в книжных магазинах учебник фотографирования.

Если бы у нас не сгорели карточки, то «Семейная хроника», снабженная многочисленными фотокарточками собственного изделия, получила бы вдвое больший интерес.

Вы могли бы написать небольшие статейки:

1. Ворона и ее значение.
2. Большая чайка.
3. Ловля уток перевесами прежде и теперь.
4. Мероприятия по охране рыбы в Сосьве и т.п.

У вас наводнение, гибель трав и сена... Думается, что вы все-таки сумеете сохранить свою корову и, кроме того, напишете сочинение на эту тему.

Прочитав эти строки, вы схватились за голову и восклицаете в отчаянии: «Бомбардировка продолжается!»

Ну а пока желаем вам здоровья, привет членам семьи и Марфе Алексеевне.

Федор и Мария Ларионовы.

Ф.Ф. и М.А. Ларионовы — В.И. Таскаеву.

Ленинград, 2 ноября 1950 года

Основанный в 1593 году на месте остяцкого городка Сумгут-ваш город Березов всегда с неудовольствием смотрел на быстрое возвышение своего соседа, младшего собрата — села Обдорска, который представлялся ему дерзкой выскочкой. Теперь вопрос о первенстве окончательно решен: Березов произведен на степень села, а Обдорск, переименованный в Салехард, провозглашен городом. В нем быстро растет промышленность, самое главное — к нему подошла железная дорога из Европейской России, дающая ему возможность независимо от времени года сноситься с внешним миром, не считаясь с осенней и весенней распутицей.

Вот и теперь: вчера мы послали письмо Марии Афанасьевне Новицкой¹⁰ в полной уверенности, что через какую-нибудь неделю она получит и немедленно настрочит ответ. Ну а как с вами? Ведь это наше письмо пролежит где-нибудь в дороге не меньше месяца, и вы получите его, может быть, только в начале декабря, например, в памятный нам день именин Екатерины Павловны Ямзиной¹¹ 7 декабря, когда обыкновенно приходила первая зимняя почта из Тобольска и повышала таким образом праздничное настроение многочисленных гостей, собравшихся у главы края по случаю именин его супруги. Но нам ожидать этот срок

¹⁰ Новицкая Мария Афанасьевна (урожд. Протопопова) — двоюродная сестра М.А. Ларионовой.

¹¹ Ямзина Екатерина Павловна (урожд. Михалева, род. около 1859 г. в Березове) — жена Ямзина Льва Никифоровича, березовского уездного исправника с 1908 по 1917 гг. Училась в Тобольской Мариинской женской школе.

не хочется, и мы пишем вам в смутной надежде получить от вас ответ хотя бы к Новому году.

Итак, сознавая свою зависимость от слепых сил природы, мы приводим свое перо в движение.

Мы получили от вас письмо от 13 сентября № 9 7 октября и заказную бандероль с небольшой записочкой при ней от 12 октября — 27 декабря. Для более плодотворной работы в деле сбора и определения растений вам необходимо войти в тесный контакт с преподавателями естествознания в вашей средней школе, кроме того, приобрести определитель с названием «Флора России» и краткие определители «Весенняя флора» и «Осенняя флора».

У вас имеется фотокарточка, изображающая школьную экскурсию в окрестности Березова. К сожалению, такой карточки у нас нет, а между тем она представляет большую ценность, т.к. характеризует не только людей Севера, но и природу края. Не смеем затруднять вас просьбой переслать копию этой карточки. От вашего знакомства с директором музея можно ожидать благих последствий: если вы являетесь краеведом, так сказать, добровольцем, то товарищ Гаврин¹² — краеведом по должности, обязанным ревностно заниматься краеведческими делами.

Большое спасибо за пересылку книги «Ханты Ясынг», однако же она оказалась для нас камешком, весьма трудным для разгрызания.

Дело в том, что Федор Филиппович когда-то занимался изучением остяцкого языка и составил довольно обширный (около 1000 слов) словарь остяцкого языка в его обдорско-березовском наречии. Но потом при перекочевках словарь утрачен, а язык основательно забыт. Поэтому содержание книги осталось нам недоступным, мы с трудом понимаем только некоторые слова, составляющие надписи под картинками.

Если вы сможете прислать нам несколько слов-фраз произвольного значения с переворотом их на русский язык

¹² Гаврин Василий Петрович (р. 1923) — директор Ханты-Мансийского окружного музея с 15 июля 1946 по сентябрь 1952 г.

(переводом), то мы будем очень благодарны вам. Например, такие фразы: «Я буду ловить рыбу. Куда ты идешь? Какая сегодня погода? На дереве сидела тетеря» и т.п.

Если только мы доживем до 28 августа 1951 года, то придется в этот день отпраздновать редкий в жизни у людей юбилей — золотую свадьбу. Дотянем ли? Здоровьишко-то неважное. <...>

Желаем всего наилучшего. Привет членам вашей семьи и Марфе Алексеевне Поленовой.

Передайте Марфуше, что я карточку семейную ей вышлю, надо вновь заказать, а я пока не выхожу все еще на улицу после болезни.

Крепко жмем вашу руку, поздравляем с всенародным праздником — 33-й годовщиной Октября!

Федор и Мария Ларионовы.

У нас в садах еще продолжают цвести некоторые растения, они доживают свои последние дни. Мария Андреевна посылает вам засушенный цветок, снятый с грядки 14 октября, т.е. в день Покрова. У вас в этот день земля, наверно, была уже покрыта снегом.

2.11. В час дня, сейчас только что, получили от Вячи коротенькое письмо, в котором он уведомляет нас, что бюро окольцевания выслало вам все сведения о пойманной вами утке окольцованной. Итак, с этим делом покончено.

Ф. и М. Ларионовы.

Ф.Ф. и М.А. Ларионовы — В.И. Таскаеву.

Ленинград, 4 и 5 февраля 1951 г.

Дорогой Василий Иванович!

<...>

Ваши рассказы об эксперименте с кошкой, о подвигах Панти Данилова, о падении колокола с двадцатиметровой башни, а также о разительных переменах, происшедших за последние десятилетия в состоянии просвещения и благоустройства города, например, о превращении прежней пожарной в современное пожедепо, заслуживают того, чтобы

обработали их более тщательно и поместили в папку для хранения очерков, из которых впоследствии может получиться интересное описание Березова.

На Федора Филипповича произвело также большое впечатление упоминание о каменной кладовке на берегу Сосьвы. На заре своей туманной юности он, въезжая в первый раз в мрачный Березов, был утешен приветливым видом этого небольшого здания, которое теперь в связи с происшедшей культурной революцией служит не для хранения денег казначейства, а для складывания кинокартин. Было бы интересно узнать, когда построено это первое каменное здание в Березове.

Очень рады, что история с окольцованной уткой закончилась благополучно.

За вами, Василий Иванович, не угонишься: вы вот прислали письмо в двадцать тетрадных страниц — вам и горя мало, а мы одолели всего только шесть страниц и уже устали, поэтому считаем себя вправе сложить перо и пожать вам руку.

До свидания, до следующего письма.

Привет членам вашей семьи, Марфе Алексеевне Полевой. Привет от Леонида Федоровича с семьей.

Федор и Мария Ларионовы.

Силы наши постепенно падают, оно и неудивительно: 27 февраля 1951 г. Федору Филипповичу стукнет ровно 75 лет. Нужно вам сказать, что жизнь в таком возрасте совсем не кажется приятной, скорей наоборот. А ведь как радостно трепетало сердце в Березове при виде февральского солнца! Скоро у вас и коровушки будут выходить на улицу, и воробьи запевать и затевать шумные драки на дорогах. <...>

*Ф.Ф. и М.А. Ларионовы — В.И. Таскаеву.
Ленинград, 26.06.51 г.*

Дорогой Василий Иванович!

Вчера, после продолжительного ожидания, мы наконец получили от Вас письмо от 18.06.51 г. за № 14. Теперь мы ведем переписку со многими лицами, в числе которых нужно

назвать прежде всего трех двоюродных сестер Марии Андреевны: Марию Афанасьевну Новицкую в Салехарде, Александру Платоновну Ключареву в Тюмени и Марию Платоновну Дегтяреву в Ханты-Мансийске. Остальных наших корреспондентов, в целях сокращения письма, называть пока не будем.

В этом письме мы предполагаем обсудить два вопроса: 1) о фотокарточках; 2) о Вашем сыне.

Присланная Вами карточка (дом Маремьяны Александровны) безусловно хороша, что объясняется отчасти тем, что она была получена с натуры, что касается тех карточек, на которые мы заявляем претензии, то они должны будут представлять из себя копии, иногда с весьма посредственных снимков. Конечно, надо подождать осени, когда в руках фотографа окажутся вполне доброкачественные фото пленки. Дальше нас интересует цена карточек, которые мы можем получить. В зависимости от цены мы можем заказать большее или меньшее количество копий. Конечно, у себя в «Хронике» мы должны иметь карточки прежде всего с тех объектов, которые упоминаются в нашей книге. Постараемся перечислить их, просмотрев предварительно «Хронику».

У Вас кончает курс средней школы сын Володя, который должен продолжить образование и получить ту или иную специальность. Здесь Володе необходимо проявить активность, т.к. от того или иного решения вопроса будет зависеть вся дальнейшая судьба и то или иное место, которое он займет в жизни, если он не думает заикнуться в Березове. Может, кто-либо из сверстников в Березове у Володи уже занимался этим вопросом и имеет надлежащие сведения для решения вопроса о том, куда и когда поехать и какие для этого надо иметь ресурсы. Поскольку мы в последнее время жили в Тюмени, нам прежде всего приходит на память Тюменский двухгодичный учительский институт, туда прежде всего и следует обратиться для получения необходимых справок, а может быть,

ввиду позднего времени, сразу поехать туда. Необходимо узнать, какие там имеются факультеты (вероятнее всего, два: естественно-географический и математический), когда будут вступительные экзамены и по каким предметам, будет ли выдаваться стипендия, с какого момента и на каких условиях, есть ли общежитие. Имеется еще четырехгодичный педагогический институт. Других вузов в Тюмени, кажется, нет. Можно еще иметь в виду Омск, Москву, Ленинград, где имеется большое количество вузов различных специальностей. Но это уже Ваше дело.

Нам кажется, что необходимо действовать энергично, не теряя времени, и оставить пока в стороне вопросы об утках и сосьвинской селедке.

Наше здоровье по-прежнему в плохом состоянии.

Привет Вашей жене и сыну. Жмем Вашу руку.

Передайте привет также Марфе Алексеевне.

Пишу адреса моих сестер для Марфушеньки, может, она надумает кому-нибудь из них написать. <...>

Публикация О.В. Ларионова и М.М. Протопоповой

Солдатушки, бравы ребятушки...

(Дневник новобранца)

Публикуемый текст, предоставленный нам в начале 2002 года педагогами Нялинской коррекционной школы-интерната Ханты-Мансийского района, — редкий, чудом сохранившийся документ начала XX столетия. Эту изрядно потрепанную толстую тетрадь в твердом картонном переплете нялинские учителя обнаружили у жительницы Юрт (старая часть села) Нины Петровны Щинниковой — племянницы автора тетрадных записей Евдокима Никандровича Захарова, о котором известно, что он родился около 1893 года и жил в одном из обских селений близ Самарово выше устья Иртыша.

На нескольких десятках страниц (каждая из них разделена на три столбца) идет неспешное повествование о том, как крестьянский парень, призванный на военную службу, из вольного человека превращался в подневольного, государева.

Текст, местами написанный как дневник, а местами как воспоминания, содержит в себе много интереснейших подробностей сибирской и российской жизни почти вековой давности. В нем автор открывается как человек по-деревенски внимательный к окружающему, склонный к размышлению, ни в чем не безучастный, открытый и в то же время оберегающий от посторонних свой внутренний мир. На одной из страниц есть запись о том, что автор имел возможность избрать местом службы родные обские места — город Березов, но предпочел посмотреть матушку-Сибирь и в результате оказался в Харбине. Евдоким Захаров сумел рассказать об армейской службе много такого, что не прочтешь в мемуарах военачальников, и вообще донести до потомков множество житейских подробностей, характе-

ризующих то давнее время, которое многие из нас представляют лишь по школьным учебникам.

В настоящем сборнике публикуется только половина текста, закончить повествование мы надеемся в третьем выпуске «Подорожника». Текст печатается с небольшими поправками: кое-где расставлены знаки препинания и исправлена орфография.

Составитель приносит глубокую благодарность за содействие публикации нялинскому учителю Владимиру Сергеевичу Колмакову и всем, кто ему помог.

Рекрутами были: Семенко Р., Володька селяровский, Влас терехинский. Они приехали с целью собрать у меня вечерку и стали посылать меня за торопковскими девками, которые чистили шишки у Гаврилы на сопке. Я взял у Андрея (1 нрзб.) жеребца и своего Мухорка и Моську парнишка. Приехал на сопку и стал звать девок, но они не поехали, и я, выпив у Гаврилы чаю, поехал домой ни с чем.

Приехав домой и отдав лошадей работнику Егорше, и сказав рекрутам, что девки не поехали, я пошел искать Устинка. Он сидел у Волгина и пил с ним вино. Утке не хотелось собирать вечерку, и он был доволен, что я не привез девок, и, думая, что не состоится вечерка, сказал, что за Андрееву лошадь надо собрать с рекрутов рубль. Мы с Волгиным одобрили этот план, и Утка ушел просить деньги.

Мы остались с Волгиным. Часа через полтора Утка пришел и сказал, что рекрута деньги не отдают и зовут меня. Я пошел, Утка остался.

[Далее 7 нижних строчек 2 столбца 1-й стр. не прочитываются, так как правый нижний угол 1 листка оторван.]

...говорили, что я поступаю подло, прося с них деньги. Видя, что ничего не выходит и рекрута начинают сердиться, я послал за Уткой и, встретив его на крыльце, наскоро объяснил ему, в чем дело, а потом, придя в дом, я стал ругать его, делая вид, что ругаю по правде. Я говорил ему, что так поступать не следовало бы ему, потому что из-за

него винят... [последние шесть строк 1-го столбца 2-й стр. не прочитываются, так как угол 1-го листа оторван].

Когда я его ругал, он молчал. Видя его молчание, я разошелся так, что крестная моя Дуня начала просить меня, чтоб я все бросил.

Утка пошел, и я, ругая его, вышел за ним на улицу и еще раз попытался объяснить ему, в чем дело. Но, когда я стал звать девок на вечерку, Утка не стал пускать их.

Я был пьян и, придя к Ивану, стал звать Физку (сестру Утки) и Дуню на вечерку, но Физка, боясь Утки, пойти не соглашалась, хотя ей очень хотелось пойти на вечерку. Не шла и Дуня, и я, думая, что мне их так не собрать, сказал Дуне: «Или у меня будет вечерка, или...» И я взял нож тонкий столовый и начал колоть себя в грудь и плакать (если бы я был не пьян, так никогда бы не сделал).

Пришел Иван и спросил, в чем дело. Я объяснил ему, и он запретил Утке мешать мне, а Физку прогнал на вечерку.

Утка не стал пускать девок на улице, и я, подойдя к нему, раза два-три ударил его. Тут были рекрута и посторонние люди, никто в наше дело не вмешался, и у нас все кончилось этими ударами.

Когда все девки и парни собрались, я стал уговаривать пойти и Утку. Он сначала не соглашался, но я все-таки уговорил его, и когда он пришел, многие рекрута были недовольны, но потом все уладилось.

Вечерка была веселая. Ося и оспенница пришли первые, вина было много, народу тоже, я был сначала пьян и часто ходил в баню освежиться, но потом пить не стал, и опьянение прошло.

Играли и плясали долго, все были довольно веселы. Ося так же, как и у Торопка, все сидела у меня на коленях. Мы почти не обращали внимания, что будут сплетни.

К концу вечерки крестный и Андрей оделись масками и шутили, и скакали. Кончили чаем. Когда все разошлись и я проводил рекрутов до их квартиры, потом Утка и я зашли. В доме сидели Андрей и крестный, они опять стали спра-

шивать, почему Утка просил деньги с рекрутов, а крестный говорил, что это Утка выдумал один и что я на это не способен и не принимал участия, он даже крестился, уверяя, что я не принимал участия. Я не могу понять, что за преступление мы сделали, прося деньги, что заставляло всех так много говорить об этом. По-моему, тут нет ничего особенного.

Утка беспокоился и говорил, что вся вина на него пала и что на него будут смотреть, как на обманщика, или еще хуже, я успокаивал его, говоря, что все пройдет и время все загладит. Он был неспокоен. Так мы и разошлись, он домой, а я остался в бане один, соседок не было. А все-таки хорошо было, что «О» со мной была. Теперь этого не будет, потому что вечерок более не будет.

На другой день крестный попросил меня пригласить рекрутов зайти к нам. Я пошел за ними и привел. Крестный пригласил их выпить по рюмке водки.

Влас и терехинские собирались ехать домой, а Володька и Сенька тоже домой и стали звать меня с собой на вечерку.

Я отказывался, говоря, что я на вечерке никуда не годен. Крестный тоже настаивал, чтобы я ехал. Мне еще и потому не хотелось ехать, что дорог для меня был каждый проведенный вечер с «О», а вечеров оставалось так мало.

Мне было совестно и подумать, что в чужих людях, хоть бы на вечерке, все рекрута будут петь, плясать, выказывая свое искусство один против другого, а что же буду делать я — сидеть, забившись в угол?

Думая так, у меня совсем отбивало охоту ехать. Ведь прямо сказал, если на меня все будут показывать пальцами и подсмеиваться, говоря, что зачем приехал этот рекрут — в углу, что ли, сидеть. Нет, лучше так и сделать, как я думал ранее — никуда не ездить и не веселиться, и вести себя так, как будто совсем и не рекрут.

Рекрута просили, чтоб я ехал, крестный и Андрей настаивали, отказаться было почти невозможно. Что делать?

Я улучил минуту и побежал к «О», она увидела меня и вышла ко мне навстречу.

— Я еду в Селиярово с рекрутами, — сказал я ей.

— Ты не езд, — сказала громко она, как бы испугалась. У них сидела Евл., и я глазами дал понять, чтобы она не говорила громко.

Она стала уговаривать меня, чтоб я не ездил, она говорила, что время совсем мало и я проезжу долго, и что ей будет вечерами скучно.

Мне было жаль ее оставить одну, я так любил ее, что ничто бы меня так не веселило, как просидеть вечер у ней.

Она еще боялась, что я буду пить и наделаю что-нибудь.

Я ей дал слово не ездить и пошел сказать рекрутам, что мне ехать никак невозможно. Они на квартире пили чай. Я сказал им, что не поеду, мне нельзя. Они начали спрашивать, почему мне нельзя ехать, я не мог подыскать уважительной причины и сказать, почему нельзя ехать, и говорил, что надо мной будут смеяться, что я не умею плясать.

Но они мне сказали окончательно, что если я не поеду, то им не товарищ, и когда они поедут на призыв, то меня в свое общество не примут. Подумав, я решил, что если они в самом деле оставят меня одного, то мне будет нехорошо, и с моей стороны выходило, что я как бы избегаю их. Делать было нечего, и я решил ехать.

Придя домой, я приказал Егорше запрягать лошадь, а сам опять пошел к «О». Я ей сказал, что остаться невозможно, и если они оставят меня одного, мне будет нехорошо.

У «О» я взял носовой платок и сказал, что скоро приеду и буду вести себя прилично. Мне очень не хотелось ехать и оставлять «О».

Когда я пришел домой, лошадь была уже готова, и рекрута ждали меня. Нас провожали Влас и терех. и наши девки.

Дорога была худая, и было тепло, лошадям было тяжело, и они очень потели.

У Торопка вздумали рекрута собрать вечерку. Кое-как собрали девок. У Арт. болели глаза так, что он не мог смотреть на огонь, если снимал с глаз шапку.

Мне почти делать было нечего, я только занимал место и, когда пели, ходил по песням.

Я взял к песням Капиталину П.Л. Она высокая, и, когда надо было целовать, она выпрямилась и сказала, что мне не поцеловать, тогда я подтащил ее к стулу и, став на стул, поцеловал. Все хохотали, а еще более хохотали, когда Сенька заставил меня танцевать кадрили, меня толкали, кружили и в конце, видя, что из меня ничего не выходит, бросили. Я хохотал и шутил, все смеялись.

Вечерка для меня была очень скучная, и я едва дождался конца ее. Ночевали у П.Е., его не было, и ночью он приехал из города.

На другой день, напившись чаю, мы собрались и поехали далее. Сеньку и Володьку провожали девки, у меня не было знакомых девок, и меня никто не провожал. У Сеньки была сестра замужем, которая, провожая его, очень плакала.

У Майки остановились у Акс. У нас был с собой музыкант, который сейчас же начал играть, и Сенька, и Володька с Марфой и Дуней танцевать, я же оставался в стороне.

М. и Д. очень хотелось ехать на вечерку в Чебыкову, и я бы, пожалуй, взял ее, если бы не была так убродна дорога. Мы с Сенькой поддразнивали их, говоря, что, собирайтесь, девки, мы возьмем вас.

У Володьки что-то захворала лошадь, упала. Наш музыкант оказался лекарем, насыпал ей в уши соли. Когда они возились с лошадью, я говорил с М., она просилась со мной ехать, но я ей говорил, что у рекрутов лошади запалены, и что мне приходится везти музыканта. По ее словам было видно, что ей и меня неохота было пустить, но и удержать было нельзя.

Лошадь у Володьки поправилась, и мы поехали в Чебыкову. Дороги почти никакой не было, ехали шагом, меня выпустили вперед, а я-то уж не разгоню, и у меня еще сидел музыкант.

В полуверсте от Чебыковой мы остановились и поправили на лошадях сбрую, и сами приоправились. До деревни дорога хорошая, и мы решили пустить лошадей... Под деревней разгорячили лошадей, и все вместе въехали в деревню... по всей улице проехали галопом.

Я сидел на краю и не знал, как расположены ворота у Репинских. У них перед воротами крутой поворот, и когда я заворотил лошадь, кошева забежала, и я ударился головой о воротный столб и у кошевки сломал кряслину. Я ушибся сильно, но даже виду не показал, что мне больно. Нас встретили несколько человек у Репинских на крыльце. За чаем я шутил, все смеялись, удивлялись моим остротам.

У Сеньки вина было мало, и нас, гостей, приняли, видимо, нерадушно. Сенька дома как-то стеснялся и был тихий, совсем не такой, как у нас.

После мы пошли по деревне, заходили в каждый дом, где были девки, он возился с ними и звал их на вечерку. После всего мы зашли к Плат., мужу Мар. Было в доме темно, я так и не рассмотрел его, а посмотреть было охота. Тут же у Сеньки была симпатка, они пели песни, а я сидел так.

Придя на квартиру, мне сказали, что приехала «М». Я немного удивился, у ней не было денег. И с кем оставила девочку? Через несколько минут и явилась «М».

Вечерка собралась быстро, девок было много, и, как видно, девки поводливые, куда звали, туда шли. И парней было порядочно, были коневски, зенковски. «М» все вертелась около меня, и через нее я быстро знакомился с девками, ведь когда она была здесь замужем, то всем девкам была предводитель. Девки меня и ранее знали по «М» рассказам, а рассказов про меня было немало, я еще прославился у майковских девок, когда жил в Майковской речке в десятом году. Я ходил по песням и, когда плясали, садил на колени по две, три и четыре девки, а «М» не сходила с колен, они меня угощали орехами.

Мне более всего понравилась Глафира Чебык., но она была не знакома мне и познакомиться мне с ней не удалось, потому что у нее был тут симпатка Польки зенк., и отец скоро угнал ее домой.

Славна была и Дунька Ульянова, и с той как-то знакомство не клеилось. Вообще мне много мешала «М», хоть она и знакомила, но до дальнейшего не допускала. Девки были славные, можно было бы знакомиться и без «М», и, не будь ее, я едва ли бы не поддел какую-нибудь.

Около меня также вертелась Парка Илюхина, она была некрасива и черна, потом оказалось, что она была в связи с Ефимком. Я не скучал так на вечерке, как у Торопка, хоть я и здесь мало принимал участия, но на меня более обращали внимания, девки обращались не так, как у Торопка, и все такие веселые, общительные, мне с ними было очень весело.

У Сеньки вина на вечерке совсем не было, только кто-то принес бутылку, так мы ее распили на крыльце, вечерка была и без вина хорошая. К концу вечерки, видя, что мне от «М» не отделаться, я сказал ей, чтоб она искала укромное местечко на ночь, что она быстро оборудовала. Ефимко с Паркой спали в малой избе за улицей, и она сказала ему, и он согласился пустить нас.

На вечерке вышел какой-то шум, чуть не подрались, и у Сеньки отобрали колокольцы и почти всю сбрую, оказалось, что у него все было чужое.

Тут же был Иванчук, старый «М» любовник, с которым она ездила в Томск. Я не раз баловал и шутил с «М» при нем, думая узнать, что чувствует он к «М», но он, кажется, даже не обращал на нас внимания.

Вечерка кончилась и не было чая и ужина. «М» и я отправились на новую квартиру, и «Е» с «П» пошел спать. Я все-таки немного опасался кого-нибудь из любовников «М», что они доставят мне какую-нибудь поперечну или выйдут... [Далее один лист вырван, два следующих сильно потрепаны. Речь опять идет о вечерке, далее — о поездке в Селиярово].

...от меня потому ли, что мы не вместе, или потому, что она здорово надоела мне. Но как бы там ни было, а она тоже в такие друзья не годится. А «О», она будет ли любить, ведь она лучше меня, она может найти хорошего, богатого мужа и не вспомнить меня, а ей забыть меня так нетрудно. Но и мне плохо жить без цели. По-моему, служба не цель, и цель та, к которой бы твоя душа и сердце стремились даже против твоей воли, твоего желания, вот это цель жизни. А я такой дурной, мне все так надоедает, и на все смотрю равнодушно, а на службу равнодушно смотреть нельзя, а то живо попадешь туда, где Макар телят не пасет. Мне казалось, что «О» всегда стала грустная, и я старался всегда развеселить ее, чем мог, а если оставлял ее веселую, то и сам радовался, что ей хорошо.

Ах, с «О» сейчас хорошо, но что будет далее и что выйдет из нашей любви, ведь дороги жизни наши разные. Или случай, или судьба поставила тебя, дорогая сестра моя, на дороге моей жизни в то время, в которое я всего более нуждался в таком человеке.

(Будешь ли ты читать эти строки когда-нибудь, доживу ли я до этого счастливого дня).

«О» мне дала фотографию и локон волос на память, просила, как только попаду на место службы, послать фотографию с себя, я обещал. Днями мы переписывались, посылая письма в книгах с учениками.

Хорошо было, очень хорошо в то время. Вернется ли когда-нибудь такое счастливое время? И если и вернется, то дорогой ценой мне придется заплатить за него.

Но вот настал и день отправки на призыв двадцать пятого ноября. Было воскресенье, и я утром был в церкви. После чаю назначили отставку, собралось много народа провожать. Товарищей я угощал отдельно в столовой, пришли и девки все. С остальными гостями я почти и не занимался.

Дороже всех гостей была, конечно, «О». Хоть за последнее время девки обращались со мной ласково, но я почти

не обращал на это внимания. Явилось у них сочувствие, когда мне его совсем и (нрзб.), а ранее-то как они ко мне относились?

Мне только Варя как-то бросалась в глаза, она, как мне казалось, сочувствовала и жалела меня от чистой души, она даже несколько раз плакала обо мне. Бедная Варя.

После угощения подали лошадь, и настало время прощанья, которое мне почему-то не нравилось. Помолились Богу и начали прощаться. Крестный и мама плакали, у Никандра, кажется, тоже были слезы на глазах, плакали еще некоторые женщины, но вообще у них такая привычка. И у меня как-то невольно покатались слезы.

Я несколько опасался за «О», если заплачет она, то сплетней но оберешься, но все обошлось благополучно, она не плакала.

Я немного выпил, но не был пьян. Все, сколько было народу, проводили меня до реки и остались, «О» я удержал, и ко мне еще сели Утка, Силька, Ванька и еще кто-то. Правил Волгин. У конца горы остановились и распили бутылки две вина, я пил какое-то дамское. «О» боялась, что уехала с нами, я успокаивал ее, как умел.

Когда я поехал далее один, то от выпитого вина быстро начал пьянеть. У Костина заходил к Егорше, и это едва помню, также и у Шапши был еще сильно пьян. Андрей у меня прибрал лошадь, я уже сам не в состоянии был это сделать.

Когда сидели за чаем, пришел Демьянко терех. и звал меня ехать на вечерку к Мановину. Я сказал ему, что поставлю им четверть вина, только оставьте меня в покое. Братья мне дали на дорогу пятнадцать рублей, так можно было ставить четверти.

Ночью я сильно кашлял и был не особенно здоров.

Рекрута все уехали еще с вечера, так что мне приходилось ехать одному. Мне сказали, что Володька приехал ночью и сейчас здесь, я пошел его искать и нашел еще в постели. Мы быстро сговорились ехать далее вместе.

Дорогой к Мановину сначала ехали всякий на своей лошади, а потом я сел к нему, и мы заговорили об учительницах, он спрашивал меня, как я живу с учительницей и какие у нас отношения, а я его. Говоря так, мы и не заметили, как подъехали к Мановину. Я завез Вол. к своим знакомым. Нас как рекрутов пришли посмотреть две кривые старухи.

Мы обогрелись и поехали далее.

С нами подпарился какой-то рекрут Иван Ситников, который, пока мы стояли на квартире, все ездил по реке. У Базьян нам пришлось разъехаться с «В», он уехал к своим знакомым, и я тоже. Мне Никандра сказал, что надо мне остановиться у Е.К., и что они очень добрые, и верно, они оказались очень добрые.

Напившись у них чаю, я пошел к рекрутам, которые стояли совсем недалеко. Наши были все на одной квартире, тут же сидели самаровские рекруты. Все сидели, говорили, смеялись. От нечего делать я стал рассказывать сказки, сказки рекрутам нравились, и они хохотали.

Вдруг пришел Кузьма с товарищами и, поздоровавшись, сразу же послал за вином, и, когда принесли вино, он подал всем его чашками.

Через несколько времени Кузьма повел нас всех на вечерку. Мы едва протискались в какую-то хату. Тут уже были девки и ребята. Как мы пришли, так и начали ребята плясать. Мне опять-таки делать было нечего. Прижавшись к дверному косяку, я думал, что мне делать. Придумать я ничего хорошего не мог, а просто, одевшись, пошел на квартиру. Так я и отгулял на вечерке в эту ночь, рекрут из меня хороший. Ночью я также сильно кашлял и не мог уснуть.

Вечером еще, как только я пришел с вечерки, к нам пришла какая-то Липа, что ли, у хозяев тоже была девка Васса, и вот они ночью затеяли курить. Я кашлял. Они опасались меня. Тут же с нами спал сын хозяина с женой, а если бы не было их, я бы обязательно забрался к ним.

В Реполово мы ехали все вместе, хоть мы и выехали наперед Кузьмы и его товарищей самаровских, но они ско-

ро догнали нас. Убранство у Кузьмы на коне было хорошее, и конь был хорош, так что Кузьма едва сдерживал его.

Ехали очень быстро, но я ехал взади и старался гнать так, что они уезжали из вида, и, когда останавливались, я нагонял их.

Всю дорогу они все пили вино, останавливаясь, я же не ввязывался в их компанию. Перед Реполовом у меня лопнуло кольцо у седельника, мне пришлось остаться завязать седельник. Когда я подъехал, рекрутов уже не было видно, они были в селе.

Я в Реполове никогда не был и не знал села, так что, въехав в него, я не знал, куда ехать. У первого дома стояли рекрута, это были Филинской волости. У филинских рекрутов у каждого навязаны у дуги ленты и платки, у самаровских только колокольцы. Я проехал почти до другого конца села, наших не видал.

Заехал на постояло к бабке Марье, на которое мне Никан говорил пристать, тут не оказалось места, заехал еще дома в два-три, нигде не пускали. Был и у отца Агнии, тоже отказал. Тогда я поехал в тот первый дом, у которого видал рекрутов. Хозяева этого дома называются «Марьины», и они меня охотно пустили. Выпряг лошадь и отпустил к лошадям рекрутов.

Филинские рекрута сидели смирно, я же смеялся и говорил без умолку, на что старуха сказала, то это настоящий рекрут, а эти у нас смиренные, все молчат. После чего пришли филински рекруты, я сразу с ними познакомился, начал шутить, смеяться и рассказывать сказки. Все хохотали и были очень веселы, потом пошли по улице с песнями и гармоньей.

Около церкви мне показали квартиру наших рекрутов, я зашел к ним. Они начали приставать ко мне, чтоб я выставил обещанное у Шапши вино, они были согласны на том, чтоб я купил только три бутылки. Я послал за вином, но пил совсем мало. После моего вина еще покупали Сенька и Власко.

Я у них сидел долго, и, когда пришел на квартиру, мои товарищи рекрута уже спали.

Я пошел на кухню (малая изба), там были самаровские рекрута и Кузьма, они пили, и я с ними выпил. Утром надо было являться в присутствие.

Я встал рано, накормил лошадь и пошел к своим товарищам. Они пили чай, после чего все пошли в присутствие, но оно было еще заперто. Мы решили пойти к самаровским рекрутам.

С самаровскими пошли опять к присутствию, оно было открыто, и все филинские были на огаде.

Когда мы проходили мимо, многие из фил. здоровались со мной, наши удивлялись, говоря: как они его знают? Походили по улице, хотели петь, но ничего не выходило. Когда зашли в присут., там еще из начальства никого не было. Мы уселись все рядом и стали ждать. Пьяных было мало, и то из фил., из наших никто. Один из фил. бушевал и лез в драку, его уговаривали товарищи и, если он не унимался, выносили его и давали зуботычины, более ничего интересного не было.

Долго собиралось начальство, долго шла переписка, жеребья уже взяли челов(ек) двенадцать. Я взял шестьдесят четвертый и думал, что меня не хватит, так как набор всего двадцать два человека, жеребьев семьдесят три.

Брать стали после обеда, Власка взяли. На другой день, двадцать девятого ноября, взяли меня. Я, конечно, не ожидал по своему здоровью и росту, что возьмут меня. Я был восемнадцатый.

Мне всегда очень нравилось пение «О» с учениками, когда она пела, я как будто просыпался, воскресал. Сегодня же в особенности вслушивался в него. Мне было то грустно, то весело и хорошо. Кончились часы, я пошел звонить, проститься со своим излюбленным занятием. Потом мне «О» говорила, что Варя плакала, как я звонил.

Пришел из церкви — у нас накрывали на столы и ожидали гостей. Очень тяжело мне было смотреть на эти приготовления, мне казалось, что собираются кого-то хоронить.

Сначала пришли девки и «О» с учениками, они пели у Никан. в спальне, несколько раз я хотел зайти к ним, и всякий раз у меня навертывались слезы, как я подходил к двери, я поворачивался и уходил или в баню, или ходил по дому.

Гости собрались, их было очень много, почти вся деревня. Парней и девок я угощал в столовой, Киселевских и других угощали братья. М. была тут же, но она не пила вина и только ходила, глаза ее смотрели в одну точку.

С «О» говорить с одной не приходилось, везде были люди, мешали, я «О» отдал деньги, чтобы она передала «М».

Часто уходил в баню, со мной был Утка, мы с ним выпили бутылку виноградного, и он мне дал сорок копеек, другие еще не давали денег.

Я Утке говорил, что, если кто будет из парней (1 нрзб.) обидеть, не давай в обиду, он обещал. Я зашел к гостям и налил рюмки, мне сразу набросали на поднос рубля три.

Но что бы там ни было, а всему бывает конец (только службе едва ли будет конец, служу, служу, и все еще ходу нет), так и угощенью пришел конец, надо было ехать. Стали прощаться, многие плакали, но мне как-то плакать не хотелось и было как-то весело. Братья зазвали меня в спальню и вытащили бутылку. Я выпил со стакан и пить не хотелось, и пил мало, не был пьян, как тот раз, когда ездил на призыв. Прощались долго, каждому хотелось проститься, поцеловать.

С «О» я простился, как с другими.

Меня повели по деревне крестный и Никан., крестный сильно плакал и говорил, что не забудет меня за мое добро (не знаю, какое ему делал). Мама тоже очень плакала. Меня заставили поклониться церкви, что я и сделал.

Ребята начинали петь «Головушку», но ничего не вышло. Сколько тогда было друзей, а сейчас все забыли. Я более о них думаю, чем они обо мне.

Долго прощались на яру и давали деньги. Киселев читал какую-то молитву, и кричали «ура!». Я тоже кричал, хоть мне и не хотелось.

Подвели лошадей. На Мухорке сидели девки, я сел к ним. У Устинки тоже была лошадь. Никандра ехал со мной до Шапши. Отъехали от деревни, все махали платками, шапками, я тоже махал папахой.

Со мной сидели «О», Д.М., Ф.В. и М.Я. М. отдал сколько-то медяков, данных мне при прощании, и отдал при всех.

В половине горы остановились, я прощался с девками, обходил их и целовал. «М» я говорил, что она поступила нехорошо, была бы с одной девочкой, а она захотела еще одну, а еще обещала мне, что ничего не будет. Я говорил это, давая понять другим, что вторая беременность не от меня, не знаю, верили ли моим словам, что-то уж очень говорили про нашу связь.

«О» мне хотелось что-нибудь сказать, но было нельзя при других, но зато я ее лишний раз поцеловал.

Мы разъехались: провожавшие меня — домой, а мы пока к Костиным, поехал с нами Утка. Мы с ним почти ничего не говорили и говорить было нечего, все уже было переговорено. Что и говорили, так о пустяках.

У Костиных я увидал, что Ник. был сильно пьяный, никогда я его не видал таким.

Стояли у Костиных около двух часов. Утка говорил, что у него такого товарища не будет, как я. От Кост. он уехал домой, мы поехали к Шапше.

Стало уже темнеть, был сильный мороз, меня здорово пробрало... я очень замерз, когда приехали к Шапше.

Первым делом написал записку «О» и отдал маме. Я писал, что не пьян и доехали благополучно, и еще что-то, откровенно писать боялся, могли прочитать.

После чая нас позвали к Николаю. Николай был пьян, пел песни с каким-то гостем и на нас почти не обращал внимания. Я пил мало. От Николая пошли к В.М., и там тоже не пил. Прошли с Петрушкой по деревне, никого нет. Ждали рекрутов, но их долго не было.

Приехал Влас, и мы перешли на его квартиру. Никаких рекрутов более не было, и мы поехали с ним вдвоем. По

деревне нас провели и пели «Головушку». Мама сильно плакала. За деревней простились и сели в кошеву. Нас вез Кукланов очень быстро, лошади были очень хорошие.

Мы с Власом говорили мало. Осведомились, сколько у него денег, и он спрашивал, в каких отношениях я с «О». Я сказал, что она была мне просто друг и ничего у нас с ней не было, кроме (1 нрзб.).

Лошади ямщика сбрасывали раза два с козел, и нам под Мановинской деревней пришлось пособлять ямщику держать лошадей.

У Мановина Влас завез меня к своим знакомым, после чего уснули, потому что не было лошадей, увезли самаровских рекрутов. Когда подали лошадей, мы поехали к Фролу.

Нам дали две лошади на распряжку и везли тихо. У Фрола проспали до утра. Утром нам дали также две лошади, впряженные в розвальни.

У Базьян я забежал проститься к Е.М. и немного закусил. Поехали к Кузьме. Лошади нам были готовые, мы переклали багаж из саней в сани, и нас повезли в Реполово, я и не заходил к Кузьме в дом.

Было уже темно, когда нас привезли в Реполово. Кузьма приехал уже часа через два после нас с братьями и девками. Пили чай и поехали в Заводны. Ехать было неудобно и холодно, я всю дорогу лежал, зарывшись в сено. Нас было человек восемь: самаровских пять, Кузьма, Влас и я.

Из Заводных мы уже платили за лошадей. Был сильный мороз, мы дорогой бежали часто пешком. На квартирах нам отводили лучшую комнату. Мы заказывали варить пельмени или пили чай.

Ехали днем и ночью. Везли всяко. Сани давали неудобные, так что лежать было нельзя, приходилось сидеть и мерзнуть. Станка два ехали на почтовых, в одной или двух кошевах (2 нрзб.) было хорошо.

Нас не встречали и не провожали никто, как в своих деревнях. На станциях клонило сильно спать, дорогой спать не давал мороз. Мне дорога показалась очень длинная, не-

смотря на то, что везли скоро. Интересного ничего не было. Смотреть было не на что и некого. Других рекрутов иртышских с нами не было.

Вечером девятого часов в восемь приехали в Тобольск. Заняли комнату у Вавиловой. После чая пошли с Кузьмой и Власом в город. Ночью ничего (1 нрзб.) не видали и вздумали зайти в электротеатр «Модерн», показывали «Любовь или деньги» и «Привидение», драма. Более нигде не были.

Утром после чаю пошли являться. У нас унтер отобрал наши билеты и отпустил на квартиру. Ходили с Кузьмой по магазинам и кое-что накупили.

Вечером был на квартире у Ан. М., с ним был Василий, брат мамы (Маши?). Угощали вином, пил мало.

Каждый день являлись в казарму, нас строили по проходам, и солдаты учили здороваться, кричали, расхаживая: «Здорово, молодцы!» или «Здорово, братцы!» Мы отвечали: «Здравия желаем, Ваше благородие!» Я вовсе не кричал или кричал [так], что удивлял других. Нас строили по азбуке, сначала фамилии на букву «А» и так далее, и в то же время разбивали, кого в артиллерию, в железнодорожный батальон и т.д. Влас ушел в гвардию, самаровские двое в артиллерию и один в железнодорожный батальон. Кузьму, Лыткина, Корепанова и меня назначили в 4 Сиб. стр. полк. Можно было остаться в городе, т.е. в Березов[ской] команде, по желанию оставляли, но мне хотелось повидать Сибирь и города, я не стал просить оставлять меня.

В четыре часа отпускали по квартирам, у кого не было денег, те спали тут же или... и ночью отпускали за деньги.

Вечера два я сидел у жида Хаима, дочь (1 нрзб.) играла на граммофоне, мужики приходили и пили пиво и воду. Один вечер сидел у Хаима с Андреем.

В казарме варили новобранцам обед, но обедали немногие. Я свою верхнюю одежду послал домой с Андреем и купил себе шубу за рубль десять.

Вино мы не пили, вечерами пели песни, играли и шумели. А деньги шли и шли, куда ни пойдешь, все надо деньги. Были

в гостях с Куз[ьмой] и Вл[асом] у киселевских девок, попили чаю с простой булкой. В квартире холодно. Сидели недолго.

Я написал письма: домой, «О» и «М», в которых писал, куда нас назначили и как ехали.

На четырнадцатое декабря мы: Кузьма, Андрей и я и с нами еще человека три — вздумали ехать к девкам. Мы наняли извозчика и поехали. В первом доме были четыре девки, и, видя, что мы ничего не предпринимаем, начали смеяться над нами.

Я никогда не бывал в публичных домах и поехал только посмотреть, что за девки, о которых так много рассказывают. Говорят, что они шутят, садятся на колени и прочее, но я ничего этого не видал, девки сидели и только говорили и говорили, не так, как многие рассказывают.

Кроме первого, были еще в трех домах, находили по одной, по две девки. Мы заходили и, посмотрев, уезжали. В последнем было две, старая и совсем молоденькая, которая сидела смиренно и не смотрела на нас; мне было почему-то жаль ее, и я сел к ней, но она сидела отворотившись, и я отошел. Кузьма увел ее. Когда мне сказали, почему я не увел ее, я ответил, что у меня совсем не было намерения и я только поехал посмотреть. Мною были недовольны, и оставшаяся девка смеялась.

Мы дождались Кузьму, хозяин заведения рассказывал историю про свою жизнь, и смеялись с оставшейся девкой. Кузьма вернулся, и мы хотели заехать еще в один, нам сказали, что все заняты, мы вернулись на квартиру.

Пятнадцатого нас уже не пустили на квартиры. Был телесный осмотр и повели выдавать обмундирование. Интересно было смотреть, как новобранцы входили мужиками и выходили полусолдатами...

После обмундирования нас повели обедать. По дороге, у которых были свои, бросали им свою одежду. Я шел и оглядывал себя. Дали новую шинель, валенки и башлык. Обед мне понравился, суп был очень вкусный, а каши не ели, хлеб тоже хороший по-солдатски.

После обеда вернулись в казарму, в которой находились, и начали собираться в дорогу.

Назначенные в гвардию уехали еще вчера, и с ними Влас, мы видели их, когда с Кузьмой и Мякишевым шли к Пузыреву на М. Архангельскую. Нам говорили, что все выдадут старое, и, увидев гвардейцев во всем новом, мы удивились и говорили, что нам нового не выдадут. Оказалось, и нам выдали новое.

Подали двести две подводы, на каждую подводу по три человека с багажом. Запряжены были в розвальни. Нас рассчитали по три человека на лошадь. Я со своими не попал.

Провожала команда солдат с барабанным боем. У моего товарища по лошади сидел отец (другого не было) и плакал, мне тяжело было смотреть на них.

...Когда я еще жил в городе и сейчас, мне каждый (1 нрзб.) и каждый предмет напоминает «О», она здесь была и ходила. По дороге много народа, но знакомых нет. Я стараюсь взглянуть в каждое лицо, но лица все незнакомые, чужие, я чувствую себя чужим для всех и одиноким, мне тяжело, на глазах слезы, и слезы отца моего товарища еще тяжелее заставляют биться мое сердце. Часто новобранцы подбегают к кому-либо из смотревших, здороваются и прощаются, а я сижу и смотрю, смотрю. Проехали через весь город — ни одного знакомого.

На реке остановились (всегда останавливаются), прощаются, плачут, говорят, как жить, как вести себя. Я один стою и смотрю. Меня кто-то сзади обнял, здоровается. Я оглянулся — совсем незнакомый человек. Но он мне сказал, что видел меня у Чебыковых, когда я рассказывал сказки, и он много смеялся над ними. Я вспомнил, что он был тогда с сушками и хлебом. Я обрадовался ему, как своему, что-то мы с ним говорили, и долго. Когда поехали, он целовал меня и плакал, и я чуть-чуть не плакал.

Ночь была скверная, буря, темно и холодно; дорога худая, сидеть мороз, пешком нельзя, ямы, ночью не видно. В первой же попавшей деревне выбили окна.

На станции квартиры были расписаны, сколько человек в дом, стояли цифры на воротах. Как въехали в село, мы схватили свои ящики и зашли в первый попавшийся дом. Пили чай, согрелись, и я начал шутить. Все хохотали, и хозяева говорили, что каждый год новобранцы заходят к ним, а такого веселого не видали.

Мы насилу нашли своих лошадей, село большое, и нам пришлось через все село тащиться с ящиками. У лошадей была давка. Друг друга не пускали.

Партионный торопил ехать. Крик, шум, ругань, буря и черт знает что такое, представить нельзя. Наконец, уселись и поехали, которые остались, догоняли или наймовали.

В полночь остановились ночевать. Нас собралось человек семь, купили вина, я пять копеек отдал и вино не пил. Спал хорошо под солдатской шинелкой.

Утром собрались посредине села получать кормовые, получили по двадцать три копейки, и многие были недовольны, ругались, но подпрапорщику ничего не говорили.

Черт знает, что только не делали по деревням новобранцы. У татар били окна, бросали палки в окна и людей, таскали снопы из кладей, забегали в дома и брали хлеб и что попадет, на станциях за чай не платили и нас из села (1 нрзб.) не выпускали, требовали денег. Партионный отдавал, сколько просили, и тогда только нас отпускали.

Если проезжали ночью по татарским юртам, то прямо как стеклянной посудой торговали. Татары с криками выбегали с палками, их проганивали, слышался звон выбитых стекол.

У нас был новобранец, так настоящий черт. У него была всего одна казенная дубленая шуба, и как подъезжали к какой-нибудь деревне, он снимал ее, привязывал рукавами за шею, подбегал к какому-нибудь окну, скакал, кричал, плевал, казал язык, тарасил глаза и черт знает что он ни делал, но вредного ничего никому не делал.

Попала нам раз девка, которая ехала мимо нас, новоб[ранцы] высадили ее из саней, лошадь отпустили, ее заг-

нали в лес и кто бросал снегом, кто толкал, кто зарывал. От первых лошадей и до последних она все сидела в снегу и так от нас осталась, а двести лошадей занимали дороги полторы версты.

Под Тюменью нас встречали мужики с палками и полиция, высланная из Тюмени. В деревни последние сутки почти не заезжали и не останавливались. Страшно хотелось есть. Новобранцы бегали по домам, выпрашивали хлеба. Я не ходил просить, хоть есть и страшно хотелось, мне приносил хлеб Степка городищ., и я ел, хлеб у татар очень плохой (1 нрзб.), но и он казался за сахар с голоду.

Дорогой я со многими познакомился и рассказывал сказки, они собирались ко мне на лошадь или я садился к ним. Рассказывал сказки и унтер-офицер Петрушин, сопровождавший нас.

В Тюмень приехали ночью, на реке под Тюменью нас построили и через город повели пешком. Сначала шли по реке, прошли под мостом и сразу попали на освещенную улицу.

Тюмень много лучше Тобольска, много магазинов, и магазины красивые, некоторые с мраморными колоннами. Нас увели на другую сторону города и привели к воротам, за которыми кругом были двухэтажные каменные казармы.

Разобрали ящики и вошли в одну из казарм, поднялись наверх. Помещение было очень большое, заставленное пустыми койками. Мы разошлись по нему, и я опять попал со своими.

Заняли койки, а есть было нечего; нам сказали, что может из десяти человек один пойти в лавочку. Этим моментом воспользовались, и только, наоборот, от десяти человек один остался в казарме.

Кузьма, я и еще кто-то с нами долго ходили по городу, искали лавочку. Лавки все были заперты, и мы уже думали, что придется нам, не поужинав, ложиться спать, но один новобранец сказал, что недалеко на углу есть лавочка незакрытая и что там много новобранцев. И верно, новобран-

цев было много, не влезали в лавку. Мы насилу добились, чтоб купить что надо, я взял хлеба, колбасы и еще что-то.

Когда вернулись в казарму, был готов чай. Чай был внизу, а у нас не было чайников. Я сначала носил чай стаканом, но потом разыскал на кухне ведро и принес полное ведро. После чая сейчас же улегся спать.

Пришел воинс[кий] начал[ьник], нашел большие беспорядки, кричал, запретил шуметь, курить, играть и петь, и только что ушел, шум еще усилился, несмотря на крики солдат, чтоб не шумели.

Мы приехали в Тюмень на двадцатое декабря.

Утром разбудили рано, мне сильно хотелось спать и приходилось вставать, так как стаскивали за ноги.

Дорогой многие жаловались на партионного подпрапорщика, что он не давал деньги, и хотели в Тюмени заявить воинск[ому] начальнику]. И вот утром он выдавал деньги, кто не получил, и спрашивал, кто еще не получил и кто хочет жаловаться. За окна высчитали по три копейки, и с меня тоже, хоть я и не выбил ни одного окна, так надо было выбить.

Пришел воин. начальн., сделал опрос претензий, никто жалоб не заявил. Воин. начальн. начал говорить, что мы как дорогой, так и сейчас держим себя, как бабы, что солдат не должен так себя держать и т.д. Мы, конечно, притихли.

Потом он спросил подпрапорщика, рассчитаны ли люди на десятки, подпрапорщик сказал, что рассчитаны. Смешно было смотреть на подпрапорщика, когда он говорил с воинским, говорил, заикаясь, и губа у него тряслась. Воин[ский] обратился к нам и сказал, что будет называть десятки по номерам, и десятки должны становиться один возле другого и десятские впереди.

— Первый десяток! — крикнул воин[ский]. Никто не шевелился.

— Что же вы не выходите? Вылетай, как пули! Кто десятский первого десятка?!

Все молчали. Воин[ский] закричал на партионного, подпрапорщик тянулся и тоже молчал.

— Рассчитай мне людей и научи их становиться! — кричал воин[ский]. — Я через час приеду.

Воин[ский] ушел, и нас начали рассчитывать, становя по десять человек, один одному в затылок. Мы, все свои, стали вместе, чтоб попасть в один десяток. Самаровских не хватало, попросили филин[ских], им не хотелось чужих, чтобы не было шума, если попадут какие-нибудь пьяницы и т.п. Кузьма был десятским, попали в десяток не все сам[аровские], потому что артиллеристов разбивали особо от пехотинцев. Парт[ионный] говорил десятским, чтоб они знали число и фамилии своих людей, не давали пить и буяннить и раздавали кормовые деньги.

Воин[ский] опять пришел, и мы все уже были рассчитаны. Он составил нас по десяткам и говорил, как надо вести себя в дороге, говорил также, что вагоны будут третьего класса и чтоб мы, когда будем садиться, не побили углами своих сундуков...

[Далее вырвано 4 листа (8 стр.), за с. 56 следует сразу с. 65].

На какой-то станции киргизы привезли шпалы на верблюдах, тоже все бегали смотреть.

Стоя вечером у окна, я смотрел в окно и думал, думал без конца. Мне думалось, что такое служба и что со мной будет на службе. Иногда казалось, что меня поезд везет прямо на какое-нибудь место мученья (судя по рассказам), или думал, что во что бы то ни стало буду примерным солдатом и т.д.

Часто-часто думал и про «О», мне припоминались все подробности наших встреч и разговоров. Милая, дорогая «О», какие счастливые минуты проводил я с тобой.

Мне дома говорили, что «рекрут и погулят, и попьет вина». Я думаю, который гулял и пил, как бы ни проводил весело свое рекрутство, он не был так счастлив, как я с «О». Если бы я был на вечерках, пил вино, проводил время с девками,

сейчас бы это все прошло и я забыл бы уже давно, но «О», дорогую «О» я не забуду никогда. Встречу ли я ее или никогда не увижу, но время и она сама всю жизнь мою будут мне памятны.

Подходит Новый год, дома «О» устраивает елку, а я один среди чужих и оторванный от всего дорогого, что было у меня. Мне скучно, я не могу найти себе места, тесно в вагоне, но что делать, что делать, надо все переносить, чтоб быть опять свободным.

Я не знаю, где взяли Новый год, а второго января утром приехали в Иркутск. И тоже город не удалось посмотреть, дорога шла также пустым местом, и был туман, не видно дальние окрестности. Город стоит на обоих берегах реки, и за рекой видна церковь, и по обе стороны дороги город, но нехорош, совсем не походит на город, и вся обстановка деревенская.

Вокзал очень красивый и большой. Стояли часа два. Из Иркутска поехали возле небольшого горного хребта. Чем далее, [тем] горы были выше и с другой стороны дороги начинались горы. Между горами место было низкое, с низкорослыми соснами, и течет река; по реке попадались чистые полыньи, и чем далее ехали, на реке виднелось более воды, местами были полыньи через всю реку. Дорога шла между рекой и горным хребтом, и где река подходила к самому хребту, то гора скопана отвесно местами в вышину сажен пять, шесть и выше, не знаю, почему не размывало дождями, и земля не осыпалась на дорогу. Иногда так близко ехали возле гор, что можно было достать рукой землю, и в вагонах становилось темно с одной стороны. Проехали верст шесть, семь, и река совсем сбросила с себя ледяной покров и текла, как летом, хоть и был мороз. Сильная быстредь или что другое мешало замерзнуть реке. Место совсем болотистое, с болотными соснами. Местами река разбивалась на две или три, и среди реки острова, обросшие от самой воды мхом. По ту сторону реки попадали домики и деревни; по реке ездили в лодках. Дымился какой-то завод.

По реке сидели и летали утки, похожие на наших чернедей.

Словом, в каких-нибудь три-четыре часа место переменялось до неузнаваемости. Сначала зима, снег, потом вода, лодки и утки. Я сидел у окна и все время смотрел на реку, не спуская глаз и не пропуская ни одной перемены.

Я думал, что река такая от Байкала, и думал, что на Байкале нет льду.

Подъехали к Байкалу; река становилась все шире и шире, за рекой огибал мыс пароход, и я думал, что пароход пошел на Байкал, и я их увижу там много.

Вдруг в вагоне сделалось совсем темно, как в самую темную ночь в каком-нибудь амбаре без окон. В вагоне закричали: «Туннель, туннель!» Полезли на улицу, кричали, пели и хохотали. Временами за окнами мелькали огни и исчезали. Минут через десять стало светло, и мы вышли из туннеля. Реки не было, вместо нее была гора.

Поезд остановился на разъезде (1нрзб.), и [я] побежал посмотреть, что хорошего на станции.

Станция стояла под горой и на берегу озера, озеро мерзлое, есть пароходы, но они все заморожены. По другую сторону дороги гора вышиною в три Тобольских горы и, пожалуй, с собором. Я обошел всю станцию, купил лепешки с киселем, посмотрел на пароходы, пошел к вагону! По дороге в лавочке купил кеты соленой за семь копеек полфунта, очень вкусная и мясистая рыба.

Обедали. Обед очень хорош, суп жирный и мясо проварено.

Если мы обедали, то поезд всегда стоял, так и сейчас, пошли уже после обеда, и пошли вдоль горы и озера.

Попадали каменоломни, где работали арестанты, прикованные к тачкам. До вечера я насчитал шестнадцать туннелей и вечером написал «О» письмо, что видел за этот день.

На станции Маньчжурия нам была пересадка. На станцию приехали вечером, вечером же и пересели в новые вагоны телячьи (теплушки). Во всем вагоне четыре [двери],

одна дверь с середины и большая не отпирается, а отодвигается (двери две, с обеих сторон), по концам вагонов по двое пар, посредине печь, кругом ее решетка и все. Я при пересадке не попал на верхние нары, пришлось на нижние, на нижних нарах очень холодно и темно, стена местами (1 нрзб.), местами мокрая.

Везде по вагонам появилась китайская водка по двадцать четыре копейки бутылка. Поезд был оцеплен солдатами, которые не пропускали с вином, у многих отбирали. Мы тоже захотели попробовать китайского вина и послали за бутылкой. Принесли, не отобрали солдаты. Я глотнул и выплюнул, противное. Новобранцы научились проносить вино, проносили в хлебе и вдвоем: наберут вина и идут, который с вином, тот не убегает от солдат, а без вина, завидя солдата, побежит, его поймают и пока обыскивают, новобранец с вином убежит в вагон.

Набрали у китайцев карт, по пятнадцати копеек колода, и карты хорошие. Спички два коробка на копейку, чай, который у нас по рублю с полтиной, здесь полтина, папиросы пятьдесят штук пять копеек.

Все новобранцы сразу обогатели. Часа через два после пересадки появились пьяные. Нашлись охотники к девкам, тоже дешевка. Я долго болтался с патрулями, спрашивал все про службу. Нас в вагоне двадцать человек, разделены на два десятка. Над обоими десятками старший, тоже новый. В нашем десятке напился один, а в том почти все. Какой-то Сеня, дурачок, что ли, пришел пьяный, шумел, бушевал и на другой день утром, когда проспался, сказал, что потерял последние шесть гривен, и, забившись в угол, проплакал до полудня.

Со ст. Маньчжурия ушли ночью. По Маньчжурии все население китайское. Жителей русских совсем мало, но войск много, особенно железнодорожников... [Далее верхняя часть следующего листа оторвана и три верхние строки трех колонок утрачены.]

Погода, как у нас в конце февраля, снегу почти нет и тепло; на одной станции я босиком поднимался на гору.

Ночью месяц поднимается почти прямо и дает совсем небольшую тень.

Попадают китайские фанзы, обнесенные земляной оградой, большими деревьями...

...Поля пахут бороздками, и не огорожены совсем. Место холмистое, сопки высокие, но и горами нельзя назвать.

В Харбин пришли часов в двенадцать дня, и сразу погнали обедать. Город стоит на берегу какой-то реки, мы переезжали через реку по мосту. Дорога идет тоже в стороне от города и возле дороги...

[Третья колонка на с. 71 и первая на с. 72 не прочитываются, т.к. край листа истрепан].

...Все с нетерпением ждали конца дороги и на станциях спрашивали, скоро ли доедем. Я не особенно торопился, зная, что ожидает впереди, и ни у кого ничто не спрашивал, мне было все равно.

Становилось все холоднее и холоднее, но снегу совсем мало, и солнце ходит высоко, как весной.

...Хлеб давали всякий, где есть нельзя, а где очень хороший, но наши перочинные ножи плохо брали и хороший хлеб. На нижних нарах сыро и холодно, на верхних нарах очень жарко. Мое здоровье очень слабое, простыл. Очень плохо стало ехать, пожалуй, надо бы и конец дороги... [Далее нет стр. 73—74].

Мы составили свои ящики шеренгой вдоль помещения и стали, ожидая, что будет далее.

— Раздевайся и ложись спать на солому! Сгрести солому на середину вагона и голова в голову ложись, как редьки, — кричал унтер.

Мы сняли шинели и постелили. Было тесно, мест не хватало, и были голодны. У кого был хлеб, поели, а у кого не было, улеглись так.

Утром в шесть часов заиграли зорю (подъем), солдаты кричали: «Подымайсь!» Мы встали, сбились в кучу и стали ждать, что будет далее. Погнали умываться, потом на молитву и оставили нас в покое. Мы высыпали на улицу.

Китайцы притащили булки, мы живо расторговали и поели.

Приказали собираться в баню, брать чистое белье и стирать в бане грязное. Стригли волосы, у кого не были острижены. Многие дорогой остригли или обрили волосы, и я в том числе. В баню повели тоже через город. Было тесно стирать и не умели, а попариться совсем не удалось. Я купил (1 нрзб.) после бани у разносчиков и пообедал!

Пришли, развесили белье и разбрелись, кому куда вздумалось, но далеко не пускали. У некоторых пришли земляки и спрашивали, что хорошего дома. У меня еще не было никого из земляков.

Вечером погнали собирать белье, и, собравшись в помещении, ходили, толкались, шумели; все освоились и стали смелее. Сделали поверку и требовали, чтобы стояли смирно и не шумели, но установить порядок не удавалось. Унтер кричал, кричал, ничего не выходило, пели молитву и улеглись спать, как и в первую ночь.

Так мы жили до 18 января. Приходили Евг. Змановский, Никитка и другие земляки, спрашивали, что у нас хорошего и т.д.

Днями нас выгоняли убирать снег. Холодно, и все разбегались, как только не смотрели за нами; мерзли, особенно волынские, которые жили в смежном с нами помещении и приехали еще ранее нас. Когда выходили на работу, они прятались куда-нибудь за ветер или же лезли назад, в команду их дневальный не пускал, и они чуть ли не со слезами просили пустить их на одну минуту.

Вечерами играли на гармошке и бубне, плясали и пели, пели хорошо волынские.

Был телесный осмотр, смотрели, как на приемке, вешали на весах и прививали оспу.

Кажется, шестнадцатого разбивали по ротам. Еще до разбивки спрашивали, кто знает какое мастерство. Я сказал, что я столяр.

Сдавали деньги в казначейство, я сдал двадцать руб. Многие говорили, что я сделал дурно, сдав деньги, Кузьма говорил то же и сдавать деньги не стал.

Для разбивки нас построили внизу в фехтовальном зале по обеим сторонам, а нас, мастеровых, с одного конца по середине. Один по одному собирались офицеры, сначала младшие по чину, а потом и старшие. Взади всех пришел полковник Ерошевич, тогда врем. командующий полком.

Сначала разбивали мастеровых. Пол[ковник] Ерошевич писал мелом на груди каждого, в какую роту назначается, и ему говорили, в какой роте каких нет мастеровых. Подошел ко мне:

— Ты какое знаешь мастерство?

— Столяр, — ответил я.

— В девятой роте мало. Нет, в девятой есть, в десятой тоже есть, в одиннадцатую роту надо, там мало, — говорили ему. И Ерошевич написал у меня на груди цифру «одиннадцать», и нас увели в коридор, и приемщики из каждой роты разобрали нас. Когда разбили всех, пошли обедать.

На другой день из каждой роты пришли по учителю, рассадили нас поротно и начали учить словесности. Учили так.

— Кто у тебя полуротный командир? — И сами же отвечали:

— Подпоручик Ковалев второй.

И так далее до полковника. Я сразу запомнил все фамилии, а чины-то уж давно знал, и, когда спрашивали, бойко отвечал и говорил громко, как учили, так что обратили внимание на меня не только учитель, но и ученики, и прочие новобранцы. Учитель подзывал какого-нибудь солдата и спрашивал меня, как называется батальонный или ротный. Я отвечал бойко, солдаты дивились и спрашивали меня все почти одного.

Когда после занятий собрались все в кучу, пошли разговоры, у кого какие в роте начальники и кто запомнил хорошо, и кто плохо, что учили и записывали.

— Черт возьми, я ничего писать не буду сейчас, — говорил я, — уже когда в роту приеду, так потом.

— Тебе и писать нечего. Вот черт! — говорили они. — Он как будто с ними жил, сразу всех узнал. И служба будет ему легкая.

На другой день нас построили на улице с ящиками, и которых послали таскать ящики в роту, а которых мыть пол и вытаскивать солому. Я попал мыть пол, нас было много, и на мою долю почти не было работы. Когда вымыли пол, нас повели в роту [за] ложками, ложки у каждого были в ящике.

В роте молодые прыгали вдоль через лошадь, и который не перепрыгивал, того старший обучающий подпр[апорщик?] бил ремнем. Дорогой мои товарищи говорили, что в роте, видно, не совсем хорошо и дуют здорово. Я молчал или шутил, говоря, что скоро и нам то же будет.

Обедали в команде прямо на полу, и кто к какому бачку угадает, друг друга обливали и толкали. После обеда повели в роту уже совсем.

Нам дали белье казенное и приказали переодеться. Дали синие холщовые шароварки и гимнастерки, погоны и пояса. Пересмотрели у нас все в ящиках и дали новые покрывала. Нас поместили в первом взводе, так как учитель был первого взвода. Вечером с учителем ходил в лавку, взял ваксы, щетку и все, что полагалось.

После ужина собрались старые и молодые к турнику в первый взвод. Я спросил, можно ли мне делать, что другие делают. Мне позволили. Со мной как-то обращались лучше, чем с другими, учителя говорили со мной. И в первом взводе были наши иртышные. Учитель, видно, рассказал про мои успехи в команде. Я на турнике забрасывал ноги, вертелся и вылазил на спину, многие удивлялись моей способности и говорили, что попадет в учебную команду.

Учебной команды я очень боялся, и мне во что бы то ни стало захотелось не попасть в нее. Еще живя в учебной команде, я наслышался, что берут в нее грамотных, и я ре-

шил быть неграмотным. У меня был дневник за последний год, который я взял с собой, я его показывал в вагоне и его читали и брали в другие вагоны. И вот, не зная, куда его девать, взял и выбросил в мусорную кучу, а сейчас его очень жаль. Вот папаху отдал Егр., боясь, что, когда приду в роту, отберут ее, надо бы отдать и дневник, ума-то не хватило, записки тоже бросил, которые сам писал.

Нам вместо матрасов дали шубы на ночь, которые мы постелили. Утром повели на прогулку в шубах и фуражках, уши мерзли и самих прихватывало.

Интересно, как нас водили на прогулку по утрам, когда мы жили в команде, а был мороз, так насквозь и продувал. Строили, и взводный нашей роты вел к мельнице (1 нрзб.). У мельницы нас распускал, мы от мороза скакали, бегали. Появлялся какой-нибудь торговец с рожками, новобранцы покупали и ели. Взводный подстраивал нас и вел обратно в команду. Конечно, шли, как кому вздумается. Взводный требовал, чтоб шли в ногу и не теряли своих мест, а черт его найдет, раз не учены. Раз вели нас уже назад, нам попал полковник Ершев и поздоровался, а мы все промолчали. «Что это за мода, не хотят отвечать!» — закричал Ершов [так в тексте]. Ему объяснили, что мы только что приехали и ничего не знаем. Спросили некоторых, почему не отвечали, и новоб[ранцы] ответили, что он не здоровался, а только приложил руку к козырьку.

Сначала в роте обращались с нами хорошо, не так, как говорили, что молодым в роте нет места от старых дядек. Дико и сверхъестественно показалось сначала в роте, боишься пошевелиться, сказать лишнего слова или пройти лишний раз по роте, хоть нам и ничего дурного никто не делал, но, помня более рассказы других, как обращаются с молодыми. Началось понемногу (1 нрзб.) сначала со словесности и т.д. На меня так же, как и в команде, обратили внимание. И так же тоболяки, слушая рассказы учителя, говорили, что тоболяки не (1 нрзб.). Разговор солдат был совсем другой, как в деревне, и я долго не мог привыкнуть

к нему, сначала избегал говорить, как говорят в роте, а потом ничего, втянулся.

Дикие и пустынные казались окрестности около казарм, когда нас выгоняли на прогулку. Как-то невольно вспоминалась деревенская жизнь и люди, окружавшие тебя. Дома я думал: к чему так рекрута гуляют и дурачатся? А теперь понял, что каждому дорога свобода, и, казалось, дешевой ценой продают ее новоб[ранцы], бражничая, надо разлучаться со свободой, делая что-нибудь совсем непостижимое и сверхъестественное.

Как дороги казались все деревенские родные места и люди в сравнении с этой обстановкой. Мне «О» говорила, что уедешь — забудешь, нет, не забыть в таком положении никого, а особенно кого любишь. Как дорога и мила казалась мне теперь «О», когда я думал про нее, а думал я сначала часто. Все друзья терялись у меня в памяти, как в тумане, а «О» яснее и ярче представлялась в уме моем. Мне казалось, что я любил ее дома мало и не так, а надо было любить, как я сейчас люблю. Но что с воза упало, то уже пропало. Может быть, и еще когда-нибудь увижу дорогую «О» и буду любить, как сейчас люблю, чтоб от одной мысли об ней сердце стучало в груди и кровь бросалась в голову, если «О» не разлюбит меня. Три года долгие, много воды утечет, надо крепко любить, чтобы за три года не разлюбить. Конец венчает дело. Увидим!

Как-то быстро и сразу втянула меня ротная жизнь в свою среду. Забылись и деревенская жизнь, и друзья, и даже «О» вспоминалась, не оставляя почти никакого впечатления, как сначала. Учение и жизнь роты меня сразу заинтересовали, особенно большой толчок дали успехи и похвальба за мои успехи. Я невзлюбил наказанья, и мне во что бы то ни стало захотелось быть ненаказываемым.

Нас с волынскими в партии было восемнадцать человек, и нас разбили на две партии, одну партию начал обучать еф[рейтор] хохол Греценко, а другую у[нтер]-о[фицер] Фурсов, взводный четвертого взв[ода]. Фурсов меня просил у

Греценки к себе, но Греценко не пускал, говоря, что у него не останется хороших учеников и ему обучать их будет трудно.

Я остался у Греценки, а за меня дал ему вольты. Греценко был очень хороший учитель и сердился только тогда, когда надо было сердиться. Со мной он обращался лучше, чем с другими, часто говорил о каких-нибудь пустяках и расспрашивал меня, как я жил дома. Я ему рассказывал про остяков, самоедов и их обычаи, а он много смеялся, повторяя, что [я] говорил, и переспрашивал.

Дни обучения были однообразные. Будили в шесть часов. Я вскакивал, наскоро заправлял матрац; мы спали на нарах, в роте коек нет, только в первой и второй роте койки. Одевался, брал полотенце и шел умываться, потом чистил сапоги, фуражку и бляху, становился на смотр почти всегда первым. Учитель замечанья мне делал мало, хоть когда и делал, так совсем не так, как прочим, а просто говорил: «Захарко, ты это плохо почистил». Я и сам знал, что всегда подчищался на скорую руку, и не заботился, хорошо ли подчищусь, зная, что мне ничего за это не будет.

После смотра шли на молитву и пили чай, сахару всегда недоставало с чаем, выдавали не более сорока восьми кусков темного сахара.

После чаю прогулка и бег, потом повороты и сдваивание рядов, словесность, гимнастика, вольные движения и обед, после обеда до двух часов отдых, грамотность и строевые занятия. Вечером занятия не были вместе, занимаются, кто что изберет.

Выдали ружья. С ружьем я освоился скоро и ружейные приемы делал, не отставая от других. Я купил устав и сначала крепко взялся за него, залезу за печь и учу, что нужно.

Обедать и пить чай не давали в гимнастерках, приказывали снимать. В казарме очень холодно, не более десяти градусов.

Надо было писать письма домой. Сначала я как-то стеснялся писать, а потом писать не хотелось и по неохоте не

мог избрать время. Я написал братьям, «О» и потом Утке и «М» уже через неделю со вступления в роту.

Дни тянулись однообразно, писем ни от кого не было, хоть другим уже приходили письма, со мной приехавшим.

Ученье шло хорошо, и я радовался, что все идет хорошо и не так, как рассказывали про ученье в деревне. Я не старался учиться так, чтоб быть лучше всех, это тяжело и ни к чему, а мне хотелось так, чтоб меня не хвалили и не наказывали. Мне хотелось быть как бы забытым, и я держался от всех в стороне и тихо, спокойно делал свое дело и со стороны зорко наблюдал жизнь и привычки солдат. Я почти ничего не спрашивал ни у кого, что, как делается, а смотрел и замечал, старался усвоить.

Я был доволен, что попал в одиннадцатую роту, мне казалось, что в другой роте мне было бы хуже. Если я не записался бы столяром, то едва ли попал в одиннадцатую роту.

Хуже всего для меня были песни, я петь не могу, голоса нет, но я и виду не показывал, что не могу петь и не отказывался. Я боялся, что если буду говорить, что нет голоса, чтобы не заставили кричать в печку. И когда строили на песни, я подстраивался куда-нибудь на незаметное место и ходил, помня поговорку Смирнова: «Рот коси и головой тряси, будто песни поешь». Если когда пели плохо, то нас запускали бегом, и пели «Ах вы, сени, мои сени».

Потом я сказал учителю, что петь не могу, он сказал на это: «Ну как-нибудь пой, как умеешь». — «Да я никак не могу, у меня совсем голосу нет». Учитель смеялся и говорил: «Когда будешь петь, я послушаю, как ты поешь». И когда пели, он становился около меня и хохотал, слушая, как я пою.

Я ему сказал, что много знаю сказок и про жидов, и про хохлов, и про татар. Учитель очень любил сказки и говорил: «Расскажи, расскажи, Захарко, про Урмана».

Урман жид обучался с нами и был очень противный жид, хоть сто раз виноват, а все оправится, большой деляга

врать и ругаться, а ругался он не только с нами, молодыми, но и со стрелками. Все его не любили и смеялись над ним, он сердился и ругался, за что и нес наряды.

И вот когда начинали собираться на песни, я шел к учителю и начинал что-нибудь болтать, он опять говорил: «А ну, расскажи про жидов». Я рассказывал сказку за сказкой и, конечно, забирался за (1 нрзб.), чтоб не видали, учитель слушал и хохотал. Вот, смотришь, от песен и отделаешься.

А то, если я ходил или сидел где-нибудь, учитель собирал жидов и посылал за мной. Я приду и спрошу: «Что угодно, госп[один] учитель?» — «А расскажи что-нибудь про жидов», — говорил учитель. Я начинал врать, а учитель говорил жидам: «Слушайте, жида, правду ли он говорит про вас?» И когда я расскажу какую-нибудь сказку, учитель спрашивал: «Верно ли говорит?» Они, конечно, стояли, разинув рты.

Когда мне надоедало говорить про жидов, я говорил учителю: «Господин учитель, я знаю сказку про хохлов». — «А ну, расскажи про хохлов». Я рассказывал, и солдаты, стоявшие тут, смеялись над учителем и спрашивали его, верно ли я говорю.

Но сказки я сказывал только потому, чтоб избавиться от песен, а так я был серьезен и все время сторонился от солдат и был неразговорчив. Вообще мне как-то не хотелось вести себя так, как вел себя дома. Мне представлялось, что я опять будто в школе и нас учат, как учили ранее. Верно, и представить было нельзя, что мы уже не дети, но на детей были очень похожи, нами распорядились, как детьми, заставляли делать совсем детские упражнения.

Александр Петрушин

На задворках гражданской войны

Главы из книги

1. Секретная ориентировка

В сентябре 1991 года при передаче на государственное хранение архивных документов КГБ в фондах Тюменского управления госбезопасности обнаружили чекистскую ориентировку двадцатых годов — описание орденов «Освобождение Сибири» и «Возрождение России».

В дореволюционной российской наградной системе таких орденов не было. Значит, их учредили лидеры сибирского Белого движения. Но кто? И когда?

Серьезных исследований о наградах противоположной стороны не существовало. Исключение — книга П. Пашкова, изданная в 1961 году в Париже, — «Ордена и знаки отличия Гражданской войны 1917–1922 гг.». Автор беседовал с ветеранами Белого движения, читал их воспоминания и эмигрантскую прессу. Но в советские архивы заглянуть не мог. Так что приведенные им сведения, хоть и проверенные показаниями очевидцев, требовали документального подтверждения.

В добровольческих белых формированиях начального периода гражданской войны существовал принцип, который гласил о невозможности награждения старыми царскими орденами за отличия в боях русских против русских.

Возникла проблема: с одной стороны, требовались награды, с другой — возникали моральные возражения против их вручения.

Сомнения по поводу того, насколько этично награждать царскими орденами, и в первую очередь орденом св. Георгия и Георгиевским крестом, участников гражданской войны на всех белых фронтах решались схоже — путем учреждения новых, собственных орденов и медалей.

История создания, статусы и сами эти знаки отличия давно известны специалистам и многократно описаны, в том числе и Пашковым. Только о сибирских орденах ходили путаные слухи. Пашков пишет: «Об ордене «Освобождение Сибири» сведения чрезвычайно скудны и, надо полагать, не особенно достоверны». Германский исследователь Клитман, ссылаясь на сведения, полученные им от генерал-лейтенанта Сахарова, говорит, что орден «Освобождение Сибири» действительно существовал, представляя собою золотую звезду, украшенную малахитом, и награждены им были всего несколько лиц. Учрежден этот орден был Всероссийским временным правительством (так называемой «Директорией»), образовавшимся в сентябре 1918 года и в октябре того же года переехавшим в Омск. Просуществовала эта Директория, однако, недолго, была свергнута в ноябре, и адмирал Колчак был провозглашен Верховным правителем.

Еще один зарубежный исследователь истории наград Белого движения Д. Петерс относит сибирские ордена к эпохе Колчака. То есть генерала Сахарова подвела память.

Но при этом Петерс противоречит сам себе, вернее, цитируемому в книге приказу № 110, изданному Колчаком в декабре 1918 года на заре своей деятельности. Адмирал велит «восстановить день Празднования св. Великомученика и Победоносца Георгия и считать этот день праздником для всей Русской Армии». В феврале 1919 года, как следует из опубликованных Петерсом «Правил», офицеров и солдат колчаковской армии стали награждать орденом св. Георгия, Георгиевскими крестами и Георгиевским оружием. Тогда же объявленный Верховным правителем России Колчак произвел в генералы наиболее талантливых командиров, выдвинувшихся на Восточном фронте.

Барон Будберг записал в своем дневнике: «Лавры Пермской победы вскружили всем головы, посыпались награды, на фронте имеется уже несколько кавалеров св. Георгия III степени; бывшие штабс-капитаны сделались генерал-лей-

тенантами...» Так что Колчак считал излишними сомнения своих соратников по Белому делу о моральной стороне награждений в братоубийственной войне.

Для адмирала также нашелся знак ордена св. Георгия III степени, и на последних фотографиях он снят уже с этой наградой.

Поэтому объявлять в феврале 1919 года, как считает Петерс, конкурс на проект двух орденов «Освобождение Сибири» и «Возрождение России» Колчаку не было необходимости.

Бывший главнокомандующий колчаковской армией Сахаров, выпустивший в 1923 году в Мюнхене книгу «Белая Сибирь», ошибся в другом: новые ордена учредила не Директория, а предшествовавшее ей Временное сибирское правительство. Оно было создано 23 июля 1918 года в занятом восставшими против советской власти чехословаками и белогвардейцами Томске на совещании Сибирской областной думы. Его возглавил П.В. Вологодский. 6 июля обнародован декрет о государственной самостоятельности Сибири. Тогда же Временное сибирское правительство отменило царскую наградную систему и учредило свои ордена.

Описание ордена «Освобождение Сибири» таково: «Общая форма ордена — сильно стилизованная снежинка. В центре ордена — сибирский герб с присоединенным к нему гербом России. Между концами ордена изображены: сверху кедровые ветки с шишками, а под ними два горноста, в нижней части — головы мамонтов. Ордена с мечами — военные, без них — гражданские».

Вологодский и его сторонники считали Сибирь основой экономического и духовного возрождения России. Не случайно был учрежден еще один орден — «Возрождение России» четырех степеней. «Общая форма этого ордена — равноконечный крест, но как бы с набитыми наконечниками древнерусских копий. В центре ордена в лавровом венке — птица феникс, расправляющая крылья. На правом и левом концах начертан девиз: «В единстве — возрожде-

ние». Ордена разных степеней отличались размерами и материалами изготовления.

Судьба этих наград оказалась короткой и печальной. После военного переворота 18 ноября 1918 года их упразднили. Излюбленное в сибирской символике сочетание белого и зеленого было жестко и решительно изгнано из вооруженных сил: бело-зеленые кокарды на головных уборах, шевроны на левом рукаве формы, обшивка гимнастеров — словом, все, что напоминало о былой автономии Сибири. Возможно, и невыдача сибирских орденов с их характерной территориально-природной чеканкой также стала следствием этой политики. Колчак, как непримиримый противник любой самостоятельности, распорядился приобщить к золотому запасу России изготовленные из драгоценных металлов сибирские награды и хранить их в церковных кладовых Тобольска вместе с драгоценной храмовой утварью.

2. Призрак «золотого парохода»

В августе 1919 года, когда к Тобольску подступила 51-я стрелковая дивизия В.К. Блюхера, командующий 1-й Сибирской армией генерал-лейтенант А.Н. Пепеляев объявил эвакуацию всех гражданских учреждений. Местом эвакуации был определен Сургут. По приказу начальника гарнизона — уполномоченного по охране государственного порядка и общественного спокойствия в городах Тобольске, Березове и их уездах штабс-капитана Киселева на пароходы грузились в первую очередь «народные святыни и ценности отделений Государственного банка, казначейств и сберегательных касс».

Управляющие этих учреждений Н.Г. Черняховский и А.И. Иванов направили в Министерство финансов в Омск тревожную телеграмму: «...Приказано завтра 27 августа эвакуироваться в Сургут Тобольской губернии на Оби. Этот город находится на расстоянии 5 верст от пристани, сообщение на лодках, в которых придется перевозить массу ценностей, в том числе много звонкой монеты. Город пред-

ставляет рыбацкий поселок с 1100 чел. жителей, ни одного каменного здания; ценностей для безопасного хранения сложить негде; возможность быть оставленными со всеми ценностями, имуществом и служащими на пустынном берегу Оби, при военной охране всего 30 человек, вынуждает нас решительно доложить, что при опасных условиях возлагаемая законом ответственность с нас должна быть снята, так как за сохранность находящихся в нашем ведении ценностей и другого имущества мы поручиться не можем.

...Подтверждая невозможность и большую опасность во всех отношениях эвакуироваться в пустынный и голодный Сургут, с которым сообщение будет прервано через один месяц на всю зиму, настоятельнейше ходатайствуем о принятии самых экстренных мер для направления всех учреждений Министерства финансов и частных кредитных учреждений на пароходе «Иван Корнилов» в Омск».

Но маршруты эвакуации не изменились, и пароходы отправились по Тоболу, Иртышу и Оби в Сургут. Среди них были пароходы «Ростислав» и «Пермяк», на которых под охраной отряда тобольского коменданта Киселева находились «серебряная вызолоченная рака из-под мощей Иоанна Тобольского весом в 35 пудов», реликвии православной Сибири и сибирского Белого движения — ордена «Освобождение Сибири» и «Возрождение России», церковные ценности.

Позднее, в феврале 1932 года, бывший епископ Тобольский и Сибирский Иринарх Синеоков-Андреевский показал на допросе по делу организации «Союз спасения России» об обстоятельствах эвакуации на восток: «По моему предложению настоятель кафедрального собора Хлынов, служивший также в домово́й церкви царской семьи во время их ссылки в Тобольске, вывез серебряную раку из-под мощей Иоанна Тобольского весом в 35 пудов и другие святыни. Предложение вывезти из Тобольска все ценности было от Колчака, который совместно с генералом Пепеляевым приезжал ко мне за несколько дней до оставления города правительственными войсками. Первоначально я ко-

лебался, как поступить с мощами, но после опроса монахов из Верхотурья узнал, что там мощи Симеона Верхотурского были спрятаны на месте, а вывезена одна рака. Мы поступили так же: ночью закопали мощи Иоанна Тобольского под кафедральным собором».

Ранняя зима застала эвакуационные пароходы возле села Тундрино Сургутского уезда. Захватив с собой опись ценностей, вооруженное сопровождение по зимнику отступило на Нарым. А сокровища? Спрятаны в тайнике? Утоплены в проруби? Переданы на хранение? Но кому? Известно одно: ценности сибирского Белого движения и драгоценная церковная утварь не найдены. Поэтому ни в одной коллекции отечественных и иностранных фалеристов нет пропавших сибирских орденов. Попытки отыскать их предпринимались несколько раз. Секретная чекистская ориентировка, датированная 1922 годом, тому подтверждение. Тогда губернские и уездные чрезвычайные комиссии и сменившие их отделы ГПУ в Сибири и на Урале активно занимались кладоискательством. Архивные документы и воспоминания старых чекистов свидетельствуют: из Тюмени почти еженедельно в Москву на Лубянку отправлялись курьеры с ценными посылками. В Тобольске и его окрестностях разыскали сокровища царской семьи Романовых, спрятанные во время их ссылки. Нашли многое, но не все. Усыпанная бриллиантами шпага наследника Алексея, вывезенная царским духовником Хлыновым вместе с церковными ценностями на восток, пропала. На допросах в ОГПУ Хлынов подтвердил речной маршрут пароходов до Тундрино. Дальше «золотой» след обрывался. Оставалось надеяться на случай.

3. Находка деда Василия

В октябре 2000 года 75-летний житель села Чемаша Октябрьского района Ханты-Мансийского автономного округа В.А. Селиванов сообщил в местные органы ФСБ об обнаружении кургана, на вершине которого таежные птицы выгребли несколько золотых монет царской чеканки.

Десант чекистов и археологов не смог тогда из-за непогоды высадиться в глухой тайге. Но специальное оборудование определило искусственный характер возвышения. Смущало, правда, одно обстоятельство: слишком далеко этот курган от Тундрино.

Но почему клад надо искать на территории бывшего Сургутского уезда? Да, тот же Хлынов, отступивший после раннего ледостава на Оби в обозе летучего отряда штабс-капитана Киселева на восток, утверждал: двух больших и четырех маленьких ящиков с драгоценностями с ними не было. Но тогда, кроме разваливавшегося Восточного фронта адмирала Колчака, существовал достаточно стабильный Северный фронт генерала Миллера со спокойным и хлебным березовским тылом. Если 14 ноября 1919 года красная 27-я стрелковая дивизия Блажевича вошла в Омск, а белый Томск пал 20 декабря, то Березов был оставлен в новогоднюю ночь 1920 года.

Ценный груз вполне могли переместить по зимнику в Березовский уезд. Поэтому верховья реки Малая Сосьва, где дед Василий обнаружил загадочный курган, современные кладоискатели исследовали в июле 2002 года.

«Целью натуральных изысканий, — отмечено в отчете экспедиции, — ставилось обнаружение с реки ориентиров, отмеченных проводником Селивановым, и обследование объекта, имеющего вид насыпанной из земли пирамиды, скрывающей в себе, по мнению последнего, вывезенные в 1919 году из Тобольска и утерянные в процессе транспортировки ценности. В связи с сомнениями проводника в точности выбранного им западного ориентира высадку группы вертолетом произвели в 25 километрах выше по реке Малая Сосьва от намеченного пункта — в районе кордона «Западный» заповедника «Малая Сосьва». Общая протяженность маршрута по реке составила около 150 километров.

В ходе осмотров берегов ни один из ориентиров проводником не был определен. Он путал расстояния, названия рек и ручьев.

Например, по его данным, между пунктом Хангокорт и порогом Тунифеш около 2-х километров, а на местности оказалось около 62-х километров.

Дополнительная информация по существу цели экспедиции была получена от егеря заповедника «Малая Сосьва» П.К. Дунаева. Выяснилось, что местность, о которой говорил Селиванов, предположительно находится в 100–110 километрах (выше по реке) от места высадки группы. Кроме того, фигурирующая в деле монета, обнаруженная им на кургане и являющаяся основным доводом в пользу сокрытого в нем клада, не является здесь редкостью. По словам Дунаева, четыре подобные монеты найдены в развалинах мансийского лабаза на реке Ева-Юган. В районе этой реки и определенлся по названным проводником ориентирам участок, где мог находиться интересующий нас курган.

Напрямую от реки Обь до кургана — около 140 километров. По тракту Ивдель — Обь, действовавшему в то время (1919—1920 гг.) — намного больше. Кроме того, тракт был проходим с установления зимника в начале декабря. Едва ли можно было доставить подводами ценный груз по не устойчивому еще зимнику на столь дальнее расстояние (от Сургуты), ведь исторические события (отход белых от Тобольска) происходили осенью, еще до ледостава.

Полученные экспедицией данные ставят под сомнение информацию Селиванова о нахождении в верховьях реки Малая Сосьва сокрытых в конце 1919 года ценностей. Указанный им курган является останцем коренной террасы естественного происхождения, но приспособленным коренным населением для совершения культовых языческих церемоний. Этим и объясняется обнаружение здесь монет».

Результаты этой экспедиции разочаровали многих энтузиастов-кладоискателей. Но только не меня. Оценив на месте природные, климатические особенности речного края, я еще больше утвердился: пропавшие драгоценные реликвии сибирского Белого движения меняли своих владельцев. И не единожды.

(Продолжение следует)

А.В. Скалозубова

История Ханты-Мансийского опорного пункта

Ханты-Мансийский сельскохозяйственный комплексный опорный пункт был организован в 1933 году одновременно с двумя МТС. Основные здания и опытный участок расположились на крутом берегу Иртыша близ поселка Самарово. Пашни, сенокос и пастбища находились на пойменных землях, за Иртышом. Первым директором был Д.Е. Перовский, он же и почвовед, овощевод — В.М. Шувалов, животновод — Ф.В. Вашкевич, всего 3 научных сотрудника. Это было время начала многих научно-исследовательских работ, продолжавшихся в последующие годы. Была начата внедренческая работа в колхозах. Так, было передано в колхозы 70 голов племенных овец.

В результате первых лет работы Перовским и Шуваловым в 1935 г. была выпущена книга «Возделывание полевых культур», оставшаяся в истории сельского хозяйства Ханты-Мансийского округа наравне с книгами И.В. Скрипова «Поле и огород» и М.К. Барышникова «Луга Оби и Иртыша».

Перовский, несмотря на ограниченность средств, уже с первого года уделил внимание организации при опорном пункте библиотеки, первоначальное ядро которой составили 600 книг и журналов. Большинство книг были даже зашифрованы, из чего видно, какое важное значение в своей работе он придавал книге.

После ухода Перовского в 1936 году заместителем его был А.П. Мершин. Он занимался изучением почвенного покрова и составил литературную работу «Почвы Ханты-Мансийского округа» в сборнике, посвященном памяти В.Р. Вильямса.

С 1937 по 1941 год директором пункта был Ф.К. Лещенко. Штат увеличился: 11 научных работников и 50 рабочих.

Среди научных работников 6 были со стажем (Голяновская, Вашкевич, Лещенко, Шувалов, Сосновская, Локтик), остальные молодые, недавно окончившие вуз (Фрейберг, Исаев, Верещаков).

Такой штат дал возможность осуществить запланированные научные работы. В результате трехлетних испытаний зерновых и овощных культур оказались перспективными: по овсу — «Золотой дождь», по скороспелости — «Нидар», по ячменю — «Олло» и к/21, по картофелю — «Эпикур» и «Эпрон», по капусте — № 1 и «Слава». Яровая пшеница дала урожай 41–43 ц с гектара, овес — 45 ц и ячмень — 25–30 ц, картофель — 37 тонн. Лучшие семена от высокоурожайных культур были разосланы в колхозы.

В 1937 году был заложен питомник яблонь.

По животноводству продолжались работы по метизации местных овец с романовскими. Удойность коров была доведена до 2335 литров с каждой фуражной коровы.

*На снимках: сотрудники опорного пункта, 1946 г.
Шестая слева в верхнем ряду Д.Н. Голяновская, рядом с ней —
автор воспоминаний А.В. Скалозубова*

Сотрудники опорного пункта: верхний ряд слева направо — Ф.В. Вашкевич, зоотехник Н.Г. Белоусова, В.М. Шувалов, нижний ряд — З.И. Сосновская, А.Н. Голяновская, А.В. Корепанова, М.А. Пискулина. 1948 г.

На опорном пункте шло строительство: за какие-нибудь 5–6 месяцев были возведены все жилые квартиры с террасами, палисадниками, наличниками на окнах, парники, теплицы и другие постройки. Все делалось прочно и красиво. Коллектив дружно вел созидательную работу под руководством Федора Куприяновича Лещенко. Сам он, одетый в кожаное пальто, застегнутое доверху, весь подтянутый, выдержанный, на первый взгляд, суровый, требовательный к себе и другим, жил по строго установленному режиму. При нем было наибольшее пополнение библиотеки. Позднее, когда он вместе с Локтиком и Верещаковым был взят в Красную Армию, я узнала от рабочих, каким он был внимательным к нуждам рабочих. Некоторые так и остались ему должны.

В этот период была выпущена брошюра «Агроуказания для Ханты-Мансийского округа», написанная Голяновской и Шуваловым.

С 1941 года вплоть до превращения опорного пункта в комплексную опытную станцию в 1950 г. директором была Ариадна Николаевна Голяновская. Это были самые тяжелые годы жизни опорного пункта. 1941 год, год начала войны с Германией, совпал с наводнением. Погибли посевы и оказались под водой пастбища, в результате — бескормица скота и переход на веточный корм. Зоотехник Е.А. Фрейберг провела ценную работу по ознакомлению населения с заменителями сена: соломой, веточным кормом, демонстрировала процессы их приготовления. Опорным пунктом был организован обоз с силосорезкой, с которым Фрейберг выезжала в близлежащие колхозы. Она же на эту тему написала много статей в местную газету «Сталинская трибуна» и собиралась написать брошюру, но намерение не было выполнено из-за перемены места работы.

Годы войны были временем напряжения всех сил. На плечи женщин легла вся тяжесть мужской работы. В тылу оставались старики, инвалиды, подростки. У нас такой старик, квалифицированный столяр-плотник И.Е. Крутиков обучил группу женщин и подростков своему мастерству (Улю

Раскорчевка леса под пашню. 1941 г.

Исаеву с сыном и других). Две молдаванки — Габжило и Альбу — с полным успехом заменили мужчин на печной работе. Появились опрятные глиняные хатки, сделанные их руками.

В лесу на лесозаготовках трудилось много женщин. Особенно выделялись Е. Батарчук и Фрося Кунгурова. Работали без выходных в посевную, прополочную, уборочную, а по вечерам, собираясь в красном уголке, шили и вязали для фронта. Комсомольцы готовили фронтовой запас рыбы. Не хватало дня и вечера, грузили ночами соль на комбинате.

Застрельщицей во всех случаях, когда нужно было проявить максимум энергии, была моя дочь, директор опорного пункта. В эти годы недостатка рабочей силы, тяжелых бытовых условий она появлялась на всех трудных участках опорного пункта, стараясь поддержать трудовую дисциплину. В любую погоду переправлялась через Иртыш на ферму и обратно (пашни были на пойме). Получив выигрыш 10 тысяч рублей, отдала его на оборону.

Примеру директора следовали другие. Многие рабочие и служащие возвращали государству свои облигации. Мальцева, имевшая 7 детей, из которых 2 сына были на фронте, отказалась во время войны получать пособие. Многодетные матери Мерхалитова, Устьянцева, Вакарина поднимали семьи без мужей, которые сражались за Родину. Никому

Агроном Ханты-Мансийской опытной станции М.Р. Локтик в яблоневом саду. 1940 г.

Сын А. Зубовой Николай.

Портрет работы А.В. Скалозубовой

и в голову не приходило, что он совершает какой-то подвиг. И когда нас представили к медалям «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», для многих это было полной неожиданностью. В 1942 году эвакуировался в Ханты-Мансийск на время блокады Ленинграда Институт полярного земледелия, в системе которого находился опорный пункт. Приехало 9 научных работников, 5 служащих и один лаборант. Приехали с семьями. Л.М. Николаевский, специалист по оленеводству, оставив семью, уехал в районы оленеводства. Остальные, выбрав темы научных занятий и устроив рабочие места, приступили к занятиям.

Темы были разнообразные: у С.И. Большакова — изучение и улучшение местного картофеля, яровизация, выращивание картофеля из верхушек, у Е.М. Азаревич — переработка продуктов питания, получение заменителей сахара, В.Л. Васильев — специалист по овощеводству, А.Т. Белозоров — семеноводство овощей, кроме того, он много занимался политической информацией. Послушать его всегда собиралась многолюдная аудитория рабочих и служащих. Я как библиотекарь старалась подобрать нужный материал, иногда за неимением готовой карты копировала из газеты «Правда» и отмечала красной линией наступление советских войск.

Его жена Н.А. Белозорова вела метеорологические наблюдения. Шубская выбрала себе тему «Улучшение местного скота». А.М. Николаевский изучал копытную болезнь оленей, за свою работу получил правительственную награду.

Все или почти все помещали свои статьи в газету «Сталинская трибуна». Самый плодовитый был В.Л. Васильев.

Одновременно статьи помещались и в стенгазету. Содержание их отвечало духу военной экономики.

Рабочие и служащие использовали советы в домашнем хозяйстве. По темам картофелеводства и овощеводства ставились опыты с испытанием разных сортов картофеля. О.М. Клепиковой составлена почвенная карта Березовской станции. Экономикой края занимались А.А. Кальниболоцкий, М.А. Сергеев, Иванов, Яковлев, но трудов после себя никто не оставил.

Позднее приехала А.М. Жаркова для проведения работ по кормодобыванию. Ею были обнаружены месторождения местных клеверов. Жаркова принадлежала к типу научных работников, отдающих работе со всей страстью. В любую погоду, плохо одетая, в чирках, она шлепала по грязи, отыскивая месторождения диких клеверов. Ее работу тормозил невежественный хозяйственник П.Г. Черепанов, с которым у нее шла борьба из-за каждого требования лошади, рабочего, материалов. Она возмущалась до слез, когда из-за плохой горюдьбы участок с дикими клеверами на Пропащих островах был целиком съеден овцами. Как важно в лице хозяйственника иметь человека, понимающего значение научно-исследовательской работы.

Я была довольна, что наша маленькая, но хорошо скомплектованная библиотека в 5000 книг могла удовлетворить таких взыскательных читателей. Журналы «Народное хозяйство Омской области», «Ежегодник Тобольского губернского музея» и многие другие были просмотрены с начала до конца. Пригодились и газетные вырезки, которые я в течение нескольких лет вела по различным вопросам.

*Бригадир овощеводов А. Зубова.
Портрет работы А.В. Скалозубовой*

Военное время отразилось на составе и количестве книг, получились пробелы в получении многих ценных журналов («Селекция и семеноводство», «Сад и огород», «Химизация сельского хозяйства» и др.). Отсутствие чистой бумаги требовало использования газет целиком на всякие нужды: вырезались наиболее ценные статьи, а все обрезки шли в канцелярию на конверты, переписку, на мешочки для семян, дневники бригадиров. Единственным крупным пополнением библиотеки были переданная Институтом полярного земледелия библиотека (1421 книга) и значительное пожертвование от Ф.К. Лещенко.

Состав коллектива во время войны изменился. Из прежних научных работников остались В.А. Фрейберг, зоотехник Белоусова — опытный и серьезный работник, геоботаник М.А. Пискулина, разделявшая работу и все связанные с ней невзгоды с А.М. Жарковой, а впоследствии с Р.А. Дыдиной. Кормодобывание стало ее основной работой. З.И. Сосновская и А.Е. Жанжора были на внедренческой работе, Жанжора — в дер. Елизарово в колхозе. Сосновская в результате трехлетней работы в с. Батлым Микояновского района в колхозе им. Сталина оставила записки, послужившие материалом для последующих работ в том же районе. Она подняла авторитет агрономической работы, а сорта зерновых культур после трехлетних испытаний прочно закрепились в колхозе.

Плодотворную работу по внедрению агротехники в колхозы, кроме Жанжоры, проводила техник со средним образованием, но с богатой инициативой Е.П. Шамина (дер. Фролы, колхоз им. Сталина). Были еще два техника, окончившие колхозную школу, и один техник по овощеводству с высшим образованием, но по другой специальности — Л.Н. Багаева.

Вместо мобилизованного в Красную Армию Вашкевича и командированного в Сургутский район Шувалова были приняты новые люди. Зоотехником — Круковская, с высшим образованием, но без инициативы, мало интересовав-

шаяся работой опорного пункта, отвлекаемая заботой о семье. Вместо Шувалова были приняты Киселева, пробывшая очень мало времени, и Галай, со рвением принявшаяся за работу. Днем она ходила по полям, энергично размахивая клюкой, покрикивая на отстающих рабочих, а ночью, ложась спать, не знала, куда девать больную ногу (у нее был костный туберкулез).

В 1944 году Ариадна Николаевна перенесла тяжелую потерю сына, мужа и племянника. Личное горе не сломило ее. Окруженная вниманием рабочих, свидетелей трагической смерти сына-подростка, подававшего большие надежды своими способностями (он случайно застрелился на охоте), она с головой ушла в работу. Наполовину случайный состав коллектива заставлял ее еще глубже вникать в работу каждого сотрудника. Не будучи специалистом каждой из отраслей сельского хозяйства и бухгалтерии, она в процессе занятий и путем знакомства с литературой становилась таковым. В заботах о снабжении рабочих теплой одеждой, о лесозаготовках, подготовке к посевной, к сельскохозяйственной выставке в Омске, проведении занятий с председателями колхозов и других делах она забывала свое горе.

Отгремела война. Началась полоса наводнений с 1946 по 1948 годы. Всего по Ханты-Мансийскому округу из 16269 гектаров посевной площади остались незатопленными 6772. Больше остальных районов пострадал Самаровский. Убытки были огромны. Погибли пашни, пастбища, постройки, скот пострадал от бескормицы. Переход на веточный корм резко снизил удои коров. Женщины по пояс в воде резали тал для скота.

В 1948 году постановлением исполкома округа было решено пашни и пастбища перенести на коренной берег Оби и Иртыша, и с 1948 года освоение новых земель под пашни и пастбища стало основной работой. Надо было освоить под пашни 7728 га, под пастбища 74618 га, земли же на поймах взять на учет в качестве резерва, пока не накопится достаточного количества освоенной земли.

Здесь встал вопрос, как достигнуть высокого плодородия подзолистых почв, для чего потребовалось еще несколько лет испытания различных комбинаций удобрения навозом, известью, минеральными солями, введения травопольного севооборота. Травопольному севообороту предшествовали работы Жарковой по изучению местных трав и трехлетняя работа Дыдиной, в результате которой была дана характеристика лучших многолетних трав, их пригодности для полевых и кормовых севооборотов колхозов Ханты-Мансийского округа.

С 1947 года, со времени организации на опорном пункте элитного семеноводческого хозяйства (заведующая З.И. Сосновская), колхозы стали снабжаться только высококачественными сортами семян зерновых культур. В 1949 году было сдано в колхозы 10 тонн сортовых семян. С этого же 1947 года было обращено внимание на посев многолетних трав и сбор дикорастущих. О размерах мероприятия можно судить по количеству сданных осенью 1950 года семян: 200 килограммов семян многолетних трав и 37 — клевера, 170 — дикорастущих трав.

Большая работа проведена по изучению условий, благоприятствующих продуктивности лесных пастбищ (осветление, очистка, подсев трав, удобрение). Опыты показали, что травосеяние будет иметь громадное значение в создании кормовой базы.

После окончания войны на смену временному и неполноценному коллективу пришли старые испытанные работники Ф.В. Вашкевич, В.М. Шувалов и вернулась из Батлыма З.И. Сосновская, в 1947 году принявшая на себя обязанности заведующей элитно-семеноводческим хозяйством. До прихода Шувалова в 1947 году один год его заменял Кнутаев, по профессии плодовод, работавший ранее в Средней Азии. Он сразу обратил внимание на состояние сада и занялся его обновлением, им была создана первая полезащитная полоса из акаций. В области овощеводства начата работа с выращиванием лука-севка.

Неуживчивый характер и запой делали его невыносимым в коллективе! перейдя на должность заведующего Кондинским опорным пунктом, он занялся широким разведением лука-репки из севка, получая высокие урожаи. Его крайняя раздражимость была следствием тяжелой болезни — туберкулеза. Он умер где-то в Свердловской области в крайней нищете на пенсии 150 рублей.

На смену Кнутареву возвратился из округа почти бессменный овощевод В.М. Шувалов, оставивший после себя несколько литературных трудов и много статей в «Сталинской трибуне» по овощеводству. Шувалов пользовался в коллективе заслуженным авторитетом. Всегда спокойный, ровный в обращении, разносторонне образованный, он после Белозорова проводил еженедельные беседы с рабочими и служащими по газетным и другим материалам. Он обладал талантом излагать мысли просто, доходчиво даже для малограмотного, избегая иностранных слов. Имея большую семью, в которой четверо детей учились, он жил более чем скромно, и, когда уезжал, все его имущество (половина — книги) уместилось в один сундук. Жена, усмехаясь, говорила: «Вечный студент». На ее долю выпала участь проводить жесткую экономию, чтобы сводить концы с концами. Мы, сотрудники по опорному пункту, до сих пор поминаем человека благородного, высокой культуры, каким был наш В.М. Шувалов.

Постановление Совета министров от 1945 года требовало от работников сельского хозяйства Ханты-Мансийского округа развития овощеводства и картофелеводства для полного удовлетворения населения округа, но, несмотря на большие достижения, посев овощей в округе оставался недостаточным. Так, на 1951 год в 36 колхозах совсем не было посевов овощей и картофеля.

Овощеводство являлось важной статьей дохода опорного пункта, особенно со времени перехода на хозрасчет. Из овощей самый распространенный в округе — лук-батун, благодаря хорошей перезимовке и простоте ухода. Кроме

культурного лука, население использовало дикорастущий на лугах поймы. Лук-репка был распространен только в южных советах Самаровского района (Реполовский совхоз выращивал его ежегодно на нескольких гектарах).

В 1949 году опорным пунктом был получен лук «Алтайский многоярусный», давший в 1950 году богатый урожай. Шуваловым совместно с Трулевицем под редакцией Голяновской подготовлена к печати брошюра «Алтайский лук на Крайнем Севере». Из других овощей капуста и томаты являются основными овощными культурами.

В 1943 году на пойме урожай капусты был 609 и 669 ц с гектара. Томаты в открытом грунте проникли уже в колхозы северной половины округа (севернее Кондинска Микояновского района). Причина такого победоносного продвижения — высокая ценность этого продукта в питании человека и возможности получения удовлетворительных урожаев в местных условиях. В 1939—40 гг. на опорном пункте в некоторых опытах получали урожай 573 и 822 ц с гектара. Огурцы в зоне деятельности опорного пункта (Самаровский, Микояновский, Сургутский и Ларьякский районы) хорошо выращивались на навозных грядах и в парниках.

В 1944 году на опорный пункт поступила А.В. Корепанова, только что окончившая Саратовский сельскохозяйственный институт, на должность селекционера. За время селекционной деятельности ею улучшен местный ячмень в сторону выровненной урожайности и меньшей полегаемости. Вскоре она переключилась на картофелеводство. В 1947 году начата работа по улучшению местного розового картофеля, для этого были собраны образцы местного картофеля в Самаровском, Микояновском и Сургутском районах.

Большую работу по внедрению агрономических знаний проводила А.В. Корепанова в одном из передовых хозяйств Самаровского района — колхозе им. Чкалова на Перековке. Выдвижению его в передовые содействовали многие благоприятные обстоятельства — прежде всего, его расположение в черте города, близость в культуре. Председатель

колхоза П.В. Шаврин — хороший организатор с 20-летним стажем, отзывчивый на все новое в агрономии. Корепанова с успехом провела трехлетние агротехнические курсы. Ее занятия охотно посещали до 30 человек, из них двое получили дипломы мастера высоких урожаев.

В кадровом составе отдела животноводства произошли изменения: Ф.В. Вашкевича тяжелая болезнь заставила оставить опорный пункт, где он долго работал, и переменить суровый климат на более благоприятный. Его место занял М.В. Корелин, приехавший с Хибинской опытной станции. Эта перемена совпала с постановлением правительства о трехлетнем плане животноводства. Штат техников был увеличен (Лиханов, Пущенко, Нагибина), что дало возможность постановки опытов кормления в различных вариантах для получения наивысшего удоя. В результате достигнут удой 2500 л на каждую фуражную корову. Взгляд на племенную работу изменился в сторону улучшения местной породы как более выносливой. Из породистых коров внимание обращено на работы с «тагилкой».

Мефодий Васильевич, кроме специальных знаний, обладал еще ценным качеством научного работника — мастерством литературной обработки материала. Им написано много статей в местную газету «Сталинская трибуна», подготовлена к печати книга «За молочное скотоводство на Крайнем Севере».

Среди техников-растениеводов послевоенного периода лучшей была Ледовская, зоотехник-оленовод, сумевшая перестроиться на растениеводство, в то время как Тамара Мочалова, плодовод с высшим образованием, не сумела найти приложения своих знаний. Мечтая о винограде, она тяготилась пребыванием на Севере и оставила его, возвратив государству командировочные как не выполнившая договор.

В 1949 году штат растениеводов пополнился одновременно с зоотехниками новыми лицами, только что окончившими тюменский техникум. Стюра Бабкина не была новичком на опорном пункте, она еще подростком работала на пойме и

после окончания одногодичной колхозной школы продолжала работать. Уже взрослой окончила Тюменский сельскохозяйственный техникум вместе с Кудиновой и Коковиным с хорошими показателями. Все пришли на работу в опорный пункт: Бабкина — помощницей в элитно-семеноводческое хозяйство, Кудинова и Коковин — на внедренческую работу в колхозы. Кудинова, самая юная из них (17 лет), быстро выделилась. Нахмурившись, если требование ей не нравилось, она выполняла его: то отмахивала топором в течение 20 дней в дырявых валенках на лесозаготовках, то уверенно вела бригаду во время посевной. В быту такая же, как на работе, не рассчитывая ни на кого, она успевала завести собственную продовольственную базу (картошка, грядка моркови с репой), для экономии научилась шить. В морозы, если некогда было нарубить дров, она в сырой холодной комнате с температурой ниже нуля согревалась, крепко обнявшись с подругой Ниной Нагибиной, с головой уйдя в ватное одеяло. Такова Аля Кудинова и сейчас (1952 г.). Состоя в бригаде Голяновской, она вместе с такой же энтузиасткой Надей Кравченко работает на внедренческой работе в колхозе им. Сталина дер. Батлым Микояновского района. Она уже окунулась в интересы колхоза, вместе с полеводом составляет рабочий агротехнический план на 1952 год. Ею довольны, и она довольна и колхозом, и красотой местности. Ничего, что нет электричества, кино — у нее есть книги. Она готовится в сельскохозяйственную академию. Вот побольше бы таких, а не белоручек.

Еще об одном человеке сказать надо: Симе Дерябиной. Молоденькой девушкой поступила она в бухгалтерию, прошла выучку у хорошего бухгалтера и, все время повышая специальные и политические знания, вошла в партию, чтобы еще лучше и ответственнее бороться за интересы опорного пункта, которые ей стали так близки.

Всю сложную работу опорного пункта — научную, административно-хозяйственную, общественную — проверяла и объединяла в одно целое директор Голяновская.

Десять лет почти без отдыха, без возможности использовать полагающиеся ей отпуска. С раннего утра и до поздней ночи ее можно было видеть на всех участках работы. На каждый заданный научным работником вопрос она старалась дать продуманный ответ, не отделиваясь бессодержательной фразой.

Ни одно крупное сельскохозяйственное мероприятие и ни одно постановление по сельскому хозяйству в округе не прошло без ее самого активного участия. К ней шли рабочие со всеми своими горестями. «Бьет нещадно меня Александр, выгоняет из дома», — плачет Харитина Устьянцева, полуодетая, вся в синяках. Муж Александр вернулся с контуженной рукой с фронта и, желая завести новую жену, выгонял старую. Под конец скрылся, оставив ее с кучей ребят. Опорный пункт поддержал хорошую работницу, предоставил дом. Другой старый рабочий Симанов, тоже с кучей ребят, благодаря помощи Голяновской купил половину дома. «Не директор, а родная мать», — говорят рабочие. А уж о красноармейских семьях кто больше всех заботился? Все она. Таков директор Голяновская Ариадна Николаевна.

С 1950 года опорный пункт превратился в комплексную сельскохозяйственную опытную станцию с новым отделом звероводства. А.Н. Голяновская в настоящее время работает заведующей отделом растениеводства.

В каждом коллективе должно быть рабочее ядро из старых, опытных работников, таких, на которых можно положиться. На опорном пункте среди таких людей был Бабкин И.В., человек труда и внутренней культуры, пользовавшийся большим авторитетом среди рабочих и служащих. Его бригада из старого работника Карякина и молодого калмыка Джалкина Германа досрочно выполнила социалистическое обязательство по строительству овощехранилища. Он дорожит рабочим временем. Я попросила его позировать для стенгазеты — он, вежливо улыбаясь, ответил отказом. А задержаться на работе — это сплошь и рядом. Таков и Карякин.

Был до 1951 года квалифицированный столяр Яснов. Если требовалась точная и чистая работа, обращались к нему. Сам получивший низшее образование, он стремился дать детям среднее образование: дочь окончила среднюю школу и педтехникум, стала учительницей, сын, способный юноша, кончает десятилетку, трое младших учатся. Вся семья 12 человек (две старухи), а работник один, отчего и пришлось оставить опорный пункт, перейти на более выгодную работу.

Строитель Крутиков, несмотря на возраст, трудится для опорного пункта со своей постоянной сотрудницей У. Исавой, бессменные бригадиры-овощеводы Рая Малышкина и А. Зубова оставили работу по болезни. Тася Нарыгина, к которой приложима поговорка «Не место красит человека, а человек — место», была заведующей полями, перешла в лабораторию. Можно быть уверенным, что ни одно зерно не потеряется. Такова же была М.П. Щепетова, в настоящее время работающая лаборантом в Тюменском педагогическом институте.

Из старых рабочих еще можно указать на П. Симанова, для которого часто интересы опорного пункта заслоняли личные, что являлось постоянной причиной ссор с женой. А. Пастухов, начавший работать на опорном пункте при директоре Перовском молодым, с замашками деревенского парня, постепенно окультурился. Был бригадиром полевых работ на пойме.

Упомяну еще медицинскую сестру Ш.И. Подскочину, в течение ряда лет обслуживающую коллектив рабочих и служащих своей бесплатной помощью. В мороз и вьюгу с фонарем в руках она идет к больному, а когда ей говорят, что ее не ожидали в такую погоду, она отвечает: «Это наш медицинский долг». Ни один несчастный случай не обходится без ее первоначальной помощи (переломы, кровотечения, ушибы и т.д.). Такова же ее сестра Дора Ивановна, со всем усердием честно выполняет порученное дело.

Вы спросите, где же работа библиотеки? Она здесь, в общем поступательном движении опорного пункта. Это они,

великие корифеи науки Докучаев, Вильямс, Тимирязев и другие дают советы через своего посредника — библиотекаря. Надо уметь найти ответ на требование. Если не помнишь или не знаешь, есть библиотечная цепочка — каталог, указатель, справочник, который приведет к ответу. Надо дорожить временем научного работника, не заставляя его рыться в каталогах и на полках, отчего страдает порядок.

Я жила интересами опорного пункта. Посещая все научно-технические и производственные собрания, заседания месткома, я знала о нуждах рабочих, старалась удовлетворить каждое требование.

Вот краткая история Ханты-Мансийского опорного пункта. За какие-то 17 лет, с 1933 по 1950 г., он прошел путь от робких мыслей о возможности земледелия на Севере до научного обоснования устройства собственной продовольственной базы для удовлетворения потребностей Ханты-Мансийского округа, а по картофелю и овощам еще и для соседнего Ямало-Ненецкого, менее благоприятного в климатическом отношении.

В результате многолетних испытаний культур и опытов с кормлением сельскохозяйственных животных и выращиванием молодняка накопился богатый материал, который изложен в обширном сборнике статей по агротехнике. Для практической цели распространения в колхозах агротехнических знаний этот сборник сокращен, и подготовлена к печати книга «Агроправила для Ханты-Мансийского округа». Оба сборника составлены А.Н. Голяновской с участием М.А. Пискулиной, А.В. Корепановой, Л.М. Капуткиной, М.В. Корелина, З.И. Сосновской.

Публикация Т.Г. Кузнецовой

Иллюстрирующие текст фотографии предоставлены для публикации доктором медицинских наук Н.А. Зубовым.

От школьного порога

(Пути учеников Ханты-Мансийской средней школы № 1)

Минувшей осенью в Ханты-Мансийске было отпраздновано 70-летие одной из старейших школ округа — средней школы № 1.

В своем историческом пути школа прошла этап за этапом вместе с городом и всем Западно-Сибирским Севером, и всей страной. Ее учащиеся не только приобретали знания, но и делили со старшими заботы и труды своего времени: корчевали лес под строительные площадки молодой столицы округа, озеленяли улицы, ставили концерты и спектакли, заготавливали дрова для отопления школы, сражались на фронтах Великой Отечественной войны, добывали рыбу, косили сено, убирали урожай в колхозах. С этой трудовой закалкой, окончив школу, многие поступали в высшие или средние специальные учебные заведения и становились специалистами.

Среди воспитанников школы — участники Великой Отечественной войны Герои Советского Союза Н.И. Сирин и Ф.П. Пуртов, кавалер ордена Ленина М.А. Конев, ученые Г.-В.В. Мурина, В.В. Корнилов, Г.И. Бардин, Ю.М. Конев, А.К. Тихонов, В.П. Широбоков, заслуженные учителя школ РФ В.К. Эрлих, Ю.Г. Созонов, А.Т. Коробинцева, М.В. Дернова, выдающиеся спортсмены Николай Шабанов, Евгений Редькин, Ольга Абдюшева, Эдуард Рябов, Александр Юккерс и другие.

В настоящей подборке кратко представлены некоторые из воспитанников Ханты-Мансийской средней школы № 1, ставшие видными деятелями науки и культуры. Биографические справки составлены по документам из фондов школьного музея, любезно предоставленным его бессменным руководителем Юрием Георгиевичем Созоновым.

Бардин Геннадий Иванович (1932–1998)

Кандидат географических наук. В 1948 г., после окончания восьмого класса, был направлен на подготовительное отделение для народов Крайнего Севера Ленинградского университета. Проучившись два года, поступил в высшее Арктическое морское училище им. адмирала Макарова, которое окончил с отличием в 1955 г. После учебы много лет был сотрудником Арктического и Антарктического научно-исследовательского института, занимался изучением атмосферных процессов на Чукотке на мысе Шмидта (1955–1962), в Тикси (1964–1965), обсерватории «Мирный» в Антарктиде (1969–1971). Руководил антарктической станцией «Беллинсгаузен» (1973–1974), 21-й советской антарктической экспедицией (1976), Певекским территориальным управлением по гидрометеорологии и контролю природной среды (1979–1986), антарктической станцией «Ленинградская» (1986–1987).

С апреля 1993 г. был заместителем директора научно-исследовательского института обско-угорских народов (г. Ханты-Мансийск) по научной работе. Изучал социально-экономические проблемы коренных народов округа, читал студентам курсы лекций по общей метеорологии, географии Западной Сибири и истории географических исследований Крайнего Севера. В ноябре 1994 г. организовал Ханты-Мансийское региональное отделение Петровской академии наук и искусств и был его председателем, избран действительным членом академии. Автор свыше 100 научных статей и книги воспоминаний «От Чукотки до Антарктиды: Записки полярного синоптика» (Сургут, 1993).

Бугров Виталий Иванович (1938–1994)

Выпускник 1955 года. Литератор. Стихи начал писать еще в школьные годы.

Окончил Уральский государственный университет в Свердловске. Преподавал в школе литературу, затем перешел на журналистскую работу. Почти 30 лет заведовал отделом фантастики журнала «Уральский следопыт». Еще в

школьные годы занялся библиографией произведений фантастического жанра, в его картотеке насчитывалось около 20 тысяч библиографических описаний.

В.И. Бугров — автор нескольких книг о фантастике. Он выступал с докладами на международных конгрессах, был одним из руководителей Всесоюзного малеевского семинара молодых писателей-фантастов, инициатором и учредителем литературной премии «Аэлита» за лучшее произведение любимого им жанра, развитию которого посвятил свою жизнь в литературе.

Корнилов Владимир Владимирович

Выпускник 1946 года.

Доктор технических наук. Изобретатель, автор научных статей в журналах «Трение и износ», «Известия высших учебных заведений. Машиностроение» и др. С 1994 г. — член проблемного совета Верхне-Волжского отделения Академии технологических наук Российской Федерации.

Живет в г. Рыбинске.

Мурина Галина-Ванцетти Васильевна

Доктор биологических наук. Родилась 6 октября 1927 г. в Московской области. Во время Великой Отечественной войны семья была эвакуирована в Западную Сибирь. В 1941—1942 гг. училась в Тобольске, в 1942—1943 — в Ханты-Мансийске. После окончания школы закончила биологический факультет МГУ по специальности «Зоолог-гидробиолог» (1952). Работала на биофаке МГУ лаборантом, училась в аспирантуре,

была редактором отдела гидробиологии и паразитологии Всесоюзного института научной и технической информации в Москве. С 1962 г. — старший научный сотрудник Института биологии южных морей Национальной академии наук Украины. Работала за рубежом: в 1963–1964 гг. — гидробиологом Института океанологии Кубы (Гавана), в 1983–1984 — заведующая лабораторией гидробиологии Гвинейско-советского научного центра Рогбане, в сентябре 1992 — в Смитсоновском институте США (Вашингтон). Живет в Севастополе.

**Смольников Алексей Степанович
(1926–2000)**

Выпускник 1944 года. Поэт и прозаик, член Союза писателей СССР.

После окончания школы ушел на фронт, был связистом минометной батареи. В 1954 г. закончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор книг стихов и прозы «Паводок» (1957), «Подорожник» (1961), «Сотворение Родины» (1967), «Размышление» (1970), «Годовые кольца» (1977), «Воспоминание на марше» (1984), «Переправа» (1988). Многие свои произведения посвятил людям Сургута и Ханты-Мансийска, где прошли его школьные годы.

Тихонов Аркадий Константинович

Выпускник 1955 года. Доктор технических наук (в 1955 г. защитил диссертацию на тему «Разработка и освоение новых сплавов, технологии поверхностного упрочнения деталей легковых автомобилей при массовом производстве»), профессор. Научный руководитель Центра ма-

териаловедения Поволжского отделения Инженерной академии, член международного общества материаловедов и термистов АСМ Интернейшн, член редколлегии журнала «Металловедение и термическая обработка металлов».

Живет в г. Тольятти.

Широбоков Владимир Павлович

Выпускник 1959 года. После окончания школы поступил в Свердловский медицинский институт, решив пойти по стопам отца Широбокова Павла Андреевича (1903—1986), заслуженного врача РСФСР, заведовавшего с 1941 г. окружным отделом здравоохранения в Ханты-Мансийске. В 1961 г. в связи с переездом родителей на Украину перевелся на третий курс Киевского медицинского института (теперь — Национальный медицинский университет).

Окончил его в 1965 г. с отличием, был занесен в Золотую книгу почета института, получил квалификацию врача-лечебника. В 1965—1967 гг. учился в аспирантуре при кафедре микробиологии, закончил ее досрочной защитой кандидатской диссертации по вирусологии.

Работал ассистентом, доцентом, профессором (с 1978 г.), заведующим (с 1979 г. по настоящее время) кафедрой микробиологии, вирусологии и иммунологии. В 1977 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Сравнительное изучение молекулярно-биологических свойств вирусов Коксаки и их селекционированных вариантов». Пять лет работал деканом 1-го лечебного факультета, а с 1990 г. — первый заместитель ректора — проректор по учебной работе Национального медицинского университета им. А.А. Богомольца.

Основной круг научных интересов — фундаментальная и прикладная медицинская вирусология. Автор более 250 научных работ, в том числе учебников и монографий, 15 изоб-

ретений, 5 патентов за рубежом. В 1991 г. избран членом-корреспондентом Национальной академии наук Украины, в 1993 — членом-корреспондентом Академии медицинских наук Украины, в 1999 — действительным членом Российской академии медико-технических наук. С 1996 г. — заслуженный деятель науки и техники Украины.

Яворук Олег Анатольевич

Выпускник 1985 года. Доктор педагогических наук.

В 1991 г. окончил Тюменский государственный университет и поступил на работу старшим преподавателем кафедры методики преподавания физико-математических дисциплин Ханты-Мансийского института повышения квалификации педагогических кадров.

В 1992 г. поступил в аспирантуру Челябинского педагогического университета и в 1995 г. защитил диссертацию «Интегративный курс «Естествознание» в старших классах средней школы», получив ученую степень кандидата педагогических наук по специальности «Методика преподавания физики».

С 1995 г. по настоящее время работает в должности доцента кафедры естественно-математического образования Ханты-Мансийского института повышения квалификации и развития регионального образования. В 2000 г. защитил докторскую диссертацию «Теоретико-методические основы построения интегративных курсов в школьном естественно-научном образовании».

В институте повышения квалификации и развития регионального образования читает лекционные курсы «Современное содержание обучения физике в школе», «Современные технологии обучения физике в школе», «Межпредметные связи и межпредметная интеграция при изучении основ естественных наук в школе».

Имеет свыше 60 учебно-методических и научных работ, используемых в педагогической практике, в том числе две монографии, четыре учебно-методических пособия, статьи в центральных и региональных журналах и сборниках.

Жизнь от начала до конца

В этом сборнике мы вновь обращаемся к духовному наследию сургутского учителя Аркадия Степановича Знаменского (1898–1982).

Его суждения по фундаментальным вопросам бытия, которые сам он назвал «Летающими мыслями», уже публиковались отдельной книжкой (*Знаменский А. С. Летающие мысли*. Шадринск, 1993) и в сборнике «Тропа жизни учителя Знаменского» (Ханты-Мансийск, 1998), изданном к 100-летию со дня рождения учителя.

В настоящее издание включены избранные заметки из недавно найденных тетрадей. Они дополняют прежние публикации новыми документами жизни неуемного, пытливого разума.

Тетради Знаменского — весьма своеобразное и редкое явление литературы. В них нет ничего общего с бытописанием, почти никакой нет конкретики. Весь опыт напряженной духовной жизни остается «за кадром», фиксируются только его результаты в виде умозаключений, констатации. На первый взгляд, нет и никакой системы: вдруг выкристаллизовалась мысль — она немедленно закреплена на бумаге, а за ней пришла другая, не имеющая с первой непосредственной связи. Постепенно выстраивался ряд не связанных друг с другом мыслей, росла стопка тетрадей. Но при постепенном неторопливом чтении всего подряд прорисовывались доминирующие темы, их взаимосвязи, сравнивались сходные высказывания, и незаметно читающий попадал в стройный храм авторского мирозерцания. Оказывается, система есть, но она не на бумаге, а в сознании автора.

Имея опыт многих прочтений «Летающих мыслей» на протяжении двух десятков лет, могу свидетельствовать, что чтение это не из легких. Конечно, в любое время можно прервать его, хоть на время, хоть навсегда, но если уж читаешь, то, значит, вступаешь в диалог с автором. И тогда перед тобой открывается трудный путь приятия прочтенного (с неприятием все гораздо проще). Он труден оттого, что А. С. Знаменский ни к кому не адресуется, не ищет понимания, отклика; ничего не поясняет на примерах, как это обычно делал на уроках, не боится показаться наивным или еще каким-нибудь, не заботится об изяществе выражения... Мысль созрела где-то, облеклась в емкую форму, и этого достаточно, вопрос о популяризации не стоит. Это внутренний монолог и только.

Нередко мысли выражены жестко, безапелляционно, что тоже не способствует диалогу. Но автор ведь не дискутирует (живого собеседника нет), а лишь констатирует то, что в нем созрело, — «выводит формулу». (Здесь вспоминается самохарактеристика лирического героя Александра Блока: «Ведь я — сочинитель, человек, называющий все по имени, отнимающий аромат у живого цветка»).

Ввиду этих особенностей текст «Летающих мыслей» не вдруг поддается восприятию, и каждое новое прочтение открывает что-то ранее не распознанное, принятое за очевидность, а то и банальность и т.д. Какой темы ни коснешься — вера ли это в высшую управляющую мирозданием субстанцию (Всепроницающее), или извечный конфликт между Добром и Злом, или проблема личной ответственности человека — всюду есть возможность для диалога, который может начаться с острого неприятия, но нередко приводит к согласию. Может даже случиться и так, что найдется читатель, для которого «Летающие мысли», вполне в духе личности учителя Знаменского, окажутся чем-то вроде «Задачника по мировоззрению», ценного хотя бы одним тем, что он не содержит в себе никакой идеологии и ничего не навязывает. Во всяком случае, к этому автор подводит личным примером: ведь на своем пути самообразования он стремился критическим препарирующим взглядом аналитика проникнуть до первоэлементов любой сущности и в конечном итоге переоткрыть и переопределить для себя заново фундаментальные основы бытия. При этом А.С. Знаменский был наблюдателем и внешнего мира, и самого себя, и «Летающие мысли» представляются одновременно как средством построения личностной мировоззренческой системы, так и картиной прозрений и заблуждений их автора, историей движения духа.

Возможно, иной читатель подумает, что все его заметки — плод отвлеченных умозрений отшельника, отстранившегося от реальной жизни и взирающего холодно на мир из своего добровольного заточения. Но биография А.С. Знаменского легко опровергает подобные предположения.

В Сургут Аркадий Степанович приехал из Тобольска летом 1921 года. Только что окончилась гражданская война, которая местных учителей, его ближайших предшественников, еще недавно мирно сотрудничавших на ниве народного просвещения, сделала противниками: теперь, после войны, одни скрывались от расправы, другие еще находились в военных походах, и вести уроки было некому. Знаменский и его коллеги, присланные в Сургут восполнить дефицит учительских кадров, оказались перед множеством проблем.

В эти свои молодые годы и позднее, в зрелые, Аркадий Степанович проявил себя как человек незаурядной энергии, работоспособности и

жажды деятельности. Чего только он не изведal! Помимо повседневных уроков и подготовки к ним он, чтобы увлечь учеников, придумывал остроумные математические задачки, конструировал физические приборы и сам их делал из подручного материала, преподавал в фортепианном классе местной музыкальной школы, организованной в 1921 г. учителем П.И. Кучковым, сочинял пьесы для фортепиано, выступал в концертах, участвовал в постановке спектаклей школьного театра, в шахматных турнирах, каждое лето в компании с кем-нибудь из учителей или учеников путешествовал по таежным речкам, изучая местную природу. В военные годы вместе с женой Анной Андреевной он собирал посылки на фронт, подписывался на государственные займы, как агитатор ходил по домам своей десятидворки...

В этой интенсивной и многогранной жизни Аркадий Степанович не останавливался и перед поступками, требовавшими ответственного и трудного выбора, в результате которых он мог навлечь на себя не просто осуждение молвы, но и жесткие санкции. Ученик Знаменского Ю.Е. Конев сообщает, что после закрытия местной Троицкой церкви он по просьбе сургутян хранил у себя дома церковные книги. Весной 1953 года в Сургуте ночью, при ураганной силы ветре сгорела новая, всего неполных четыре года простоявшая школа. Всю вину за это возложили на школьного завхоза, и он был осужден. Сохранился автограф письма, в котором А.С. Знаменский доказывает его невиновность. Недавно отыскались архивные документы, из которых видно, что во время суда над повстанцами 1921 года, проходившего в Сургуте в начале 1924 г., их защищал — энергично и настойчиво! — общественный защитник Знаменский. Не удалось пока установить его имя и отчество, но вероятность, что это был именно Аркадий Степанович, очень высока, в Сургуте другого Знаменского тогда не было. Своих поступков он никогда не афишировал, но всегда стремился к соответствию слова и дела.

Все это вместе взятое — наблюденное в обыденной жизни, в педагогической практике, в природе, вычитанное из книг и переосмысленное, испытанное опытом — и стало материалом для мировоззренческих построений, за каждой строкой «Летающих мыслей» кроется нечто пережитое, автобиографическое.

XX век — гигантская общественная ломка, происходившая на его глазах, две мировые войны поселили в душе Знаменского глубокое разочарование. Неотступные думы о природе войны и мира привели к пониманию трагической противоречивости всего сущего. «Живи и наслаждайся жизнью, которая так прекрасна... ведь она дается лишь однажды...». Казалось бы, нет ничего проще, чем последовать такому призыву. Но жизнь ежечасно и методично ставит личность перед выбором,

и всякий раз по своей сути это выбор между добром и злом — тяжелый, но жизнеутверждающий, ведущий к свету, или легкий и гибельный не только для себя, но и для ближнего. Отсюда авторский пессимизм и определение жизни как «страшного чуда».

Может быть, наилучшим способом воспроизведения «Летающих мыслей» была бы совершенно несистематизированная и нередктированная публикация их в той последовательности, в какой они записывались, — тогда история мировоззренческих исканий предстала бы в неискаженном виде во всей своей естественной внутренней ритмике и драматургии, чуткий читатель имел бы редкую возможность услышать свободное дыхание духа. Возможно, когда-нибудь осуществится такое полное издание «Летающих мыслей» как литературного памятника. Мы же публикуем краткие извлечения для широкого читателя и наиболее удобной формой сочли систематизированное (насколько это возможно) построение текста, позволяющее проследить в общих чертах эволюцию души от детского удивления и восторга перед картиной мироздания до тяжелых дум о неразрешимых противоречиях бытия в конце «тропы жизни».

В. Белобородов

Летающие мысли

Все, что мы всегда видим, что нас окружает — звезды, солнце, луна, горы, леса, поля, деревья, травы, мир насекомых, птиц и животных, — все это обычное, обыкновенное нас, как правило, не удивляет. Но это относится только к большинству людей.

Что должен знать человек о себе, о людях, о мире (вселенной)? И какие сведения он может приобрести и у кого?

Мир в высшей степени сложен и чрезвычайно запутан, и поэтому всегда является необходимостью разобраться в обстоятельствах и проанализировать факты на основаниях точного естествознания, эмоциональной оценки фактов жизни и ее логически-бытовой основы и, конечно, исключая всяческую фантастику, но и не отторгая мир специфических явлений, не входящих в сферу научного эксперимента.

Говорят, что «теперь чудес нет», в то время как вокруг нас миллионы, миллиарды неразгаданных чудес природы. Так говорит тот, у кого умственный кругозор ограничен, кто не желает приобретать знания, у кого большая амбиция, но плохая амуниция. Такие люди часто ненавидят знание, но зато очень любят себя — им этого достаточно.

Когда мне было 6 лет, семья потеряла отца, мать, обремененная семьей в 6 человек, с материальным обеспечением в 36 руб. в месяц не могла заниматься идеологическим оформлением сознания своих детей — труд, заботы поглощали все. Школа, в которой я учился 11 лет, зародила во мне только сомнение и недоверие к преподаваемым истинам — догмам. По окончании школы я уехал на Север, где и работаю 29 лет в полном отчуждении от всяческого общения, и, будучи предоставленным самому себе, я должен был без помощи извне все взвесить и переварить в собственном разуме, довольствуясь вместо живой речи книгами, которые можно читать не спеша, останавливаться и задумываться, возвращаться назад, взвешивать, ставить вопросы без сроков, подгона и торопливости. Но в то же время я видел рассыпанные повсюду «кусочки» истины, и нужно было подумать...

Мне не пришлось слушать профессоров, но я имею еще лучший способ и средство общения с теми, которые собственной рукой записали свои мысли, взгляды, рассуждения — так сказать, «пришили свои слова к делу», к бумаге, здесь все продумано, взвешено... За живой речью можно не поспеть — здесь же можно остановиться, подумать, взвесить и перевесить, отложить на время и вновь вернуться. Это огромное достоинство. Только нельзя книге задать вопросы на материал «межстрочного пространства», т.е. из области, не освещенной и не рассмотренной в печатном труде.

Все, что мы считаем (в быту) простым, в действительности является сложным, все, что мы считаем очевидным, в

действительности является самым неочевидным, а все, что мы считаем совершенно понятным, — является самым непонятным, так как за пределами примитивности и простоты прячется мир с множеством граней неизвестного, которых мы не знаем.

Материя (т.е. то, что вне меня, включая и материю собственного тела) — объект ощущения или объект абстрактного представления, т.е. создание или порождение образов сознания. Точнее говоря, материя — это то, что вызывает во мне ощущение, это точно и бесспорно.

Вот пред тобой камень гранит — холодный, шероховатый, грязно-серый, объемистый, тяжелый, инертный... Это и есть материя. Выражение «камень лежит вне меня» означает, что, если я подойду к нему (ощущение № 1), ударю киркой несколько раз, камень развалится на куски, я их вижу, осязаю, слышу шорох, ощущаю инертность и тяжесть его частей (ощущения № 2, 3...) — все это подтвердит наличие новых ощущений и будет называться «камень вне меня», «вещь в себе», «камень там, а не здесь». Но «там» и «здесь» — тоже ощущения, и из моря ощущений мы никак выйти не можем. Камень, его куски, шероховатость, температура, цвет, тяжесть, инертность и т.д. — все это ощущения, с которыми мы расстаться не можем, отвергнуть мир ощущений — это отвергнуть и материю. Как материя камня, так и материя человеческой (моей) машины — это вне «я», вне сознания, вне меня лежащая материя. Ампутированная рука или нога моей живой машины — вне меня лежащая материя, объект, который может быть мною изучаем.

Последовательный материалист должен признать, что в этом камне потенциально таится возможность сознания в иной материальной преформации — он (камень) может стать (в нем хватит массы) шестиметровым удавом и раздавить с треском твою грудную клетку, тем самым продемонстрировав силу и волю призванного к жизни камня...

Не зрительное, а мышечное ощущение (ног при ходьбе и рук при сжимании, подъеме и т.д.) дает нам представление о «вне меня» лежащей «вещи в себе», материи, объекте. «Мышцы» проверяют «глаза», глазам нет веры, нужно еще пощупать, передвинуть ногами свою машину к предмету...

У каждого человека должна быть своя мировоззренческая зрелость, он должен определить себя — свое отношение к миру и к окружающим себе подобным, быть готовым к ответам на вопросы...

Техника саморегулирующихся приборов есть только слепое подражание саморегуляции в самой природе, повторение и воспроизведение творческого принципа природы.

Материю мы более примысливаем (моделируем), чем знаем.

В каждом семени заложена подробнейшая колоссальная программа образования и развития («строительства») целого законченного организма.

Ассоциативные дополнения к данному конкретному восприятию (музыка, поэзия, картина, всяческое видение и созерцание, суждение, беседа и т.д.) дают интенсивную окраску воспринятого явления, оценки которого в разные моменты времени могут быть совершенно противоположными, т.к. компоненты психических ассоциаций всегда представляют собою нечто текучее, меняющееся как по содержанию, так и по интенсивности воздействия на интеллект и волю человека. Возникшее ассоциативное содержание в ближайший момент может так измениться, что принятое вначале решение будет твердо отменено. В суждениях, в оценках вещей и явлений нужно быть всегда сугубо внимательными, осторожными и сдержанными, т.к. непонимание, недооценка вещей и явлений основывается на состоянии ассоциаций и недостатке

знания. Одно только «безобидное» слово «да», фраза «очень хорошо» и т.п. при слушании музыки, чтении литературных произведений, рассматривании картин, наблюдении различных соревнований могут вызвать страшный аффект, за которым последует целая драма. Кроме того, ассоциации черпают свое содержание из сферы памяти невольно. Сюда присоединяются волевые усилия и моменты эмоциональных состояний, которые являются основой творческого труда.

Спящий человек пребывает в ином мире мыслей и чувств, он уже разобщен с первым миром, связи прерваны, он уже отделился на время длительности сна — это другие связи, другие ассоциации. Для спящего нет бытия материального мира, он уже отделился от него на несколько часов. По отношению к спящему человеку объекты сновидений являются внешним миром для его «я».

Как открывается «дверь» в мир сновидений, как активное сознание переходит в мир сна, человеку не дано ощутить и понять. Так же неизвестен и неосязаем переход из мира сновидений в явь. Это неведомый прыжок. В сновидении, как и в яви, мы рассматриваем предметы, ощущаем их тяжесть, инертность, теплоту и т.д.

Так и мгновенно умирающий без страха и без боли проходит через таинственную границу в инобытие. Человеческое «я» не знает смерти. Человек видит умершего, и это явление он называет смертью.

Если человек, ищущий истину, скажет однажды: «Теперь я ничего не понимаю», — это значит, что он уже поднялся на одну ступень выше той, где стоял раньше.

Некоторые защитники разных «измов» говорят: «Все равно узнаем». Но не следует забывать, что человеку положено постигать неведомое вокруг и в себе самом усилиями собственного ума.

Есть чувствования, эмоциональные ассоциации, которые можно назвать надчувствием или сверхчувствием.

Для человека естественно и удобно представлять мир таким, каким он непосредственно воспринимается. Но человеку ученому в научных концепциях на микрокорпускулярном уровне приходится примысливать новый мир ощущений (примысливание создает силу ощущения), создавать образ (в основе — визуальный) микрообъекта по подобию нашего интегрального мира, т.к. он условно «нарисован» и запечатлен в нашем сознании.

Так как все в мире имеет происхождение и, следовательно, имеет причинный фактор, который по мере анализа явлений и объектов природы все усложняется и удаляется в дали бесконечности как в микроскопически малом, так и в гигантски большом, в конце концов интеллект человека тонет в тумане неизвестности.

Аргументация теряет свою силу, лишь только мы начинаем ее искать в расплывчатых, ускользающих основаниях, уходящих в космическую бесконечность...

Как тяжело, пусто, тоскливо, когда все решительно упорно, бесповоротно молчит. Молчит небо в ночной тишине и безлюдье кладбища, молчит в вечном сне покойник, молчат в бесконечных далях миллионы мерцающих солнц, льющих на землю и могильные холмы холодный свет. Ни земля, которая вытеснила из своего тела людей для жизни, чтобы они бродили по ее огромной поверхности, ни холодный воздух, ни месяц — ничто не говорит, все безмолвствует, а человек бессилен заглянуть в тот мир — мир непознанных тайн. Ты как будто заброшенная всеми «автономия», как будто плывешь на льдине в безграничном океане лютого Севера. Ты знаешь, что все-равно льдина расколется, и никто не услышит твоего вопля, ибо твое «величие» царя природы не более величия

запечного таракана, воли которого не спрашивает дезинфектор, заставляя его задыхаться в сернистом газе, как океан заставляет утопающего глотать его воду. Имморальные силы природы не знают жалости, они автоматически потянут на дно океана, даже тогда, когда вода будет зеркальной и в воздухе — безмолвие. Все безмолвствует, все молчит... Молчат снежные пустыни Севера под серебристым безмолвно-холодным светом месяца. Где же ответ? Неужели человек так ничтожен, как и запечный таракан или инфузория? Не могу понять. Зачем-то бьется сердце в моей груди, а в жилах струится алая кровь, зачем-то видят глаза этот мир, а уши воспринимают звуки, зачем-то расширяется и сжимается грудная клетка без моей личной воли и ее санкции. Все в моей машине свершается не по моей воле, а по воле Неведомого и Безмолвного Властелина Вселенной. Спроси сердце, почему оно бьется десятки лет и почему струится кровь в жилах, — тысячи всяческих «почему?» останутся без ответов, и материя твоя, из которой построена твоя машина, не знает тебя (ты незнакомец) и безмолвствует так же, как камень, на котором ты сейчас стоишь. Ни лесные пеночки и малиновки в кустах цветущего шиповника, ни желтые легкие бабочки, ни голубые мотыльки, порхающие на душистых лугах в сиянии солнца, ни колокольчики, ни васильки — никто не хочет говорить. Все они живут своей жизнью, своими радостями, своими чувствами, и все свершается совершенно независимо от философа-диалектика, пустословящего среди безграничного пространства сияющих холодным безмолвием далеких миров. И я чувствую, что все молчит — земля, покойник, далекие звезды — и что грудь моя дышит, и сердце бьется не по моей воле, не по моему приказу.

В текущем связном познавательном процессе ученый не может дать исчерпывающего логического завершения. Он уже будет предощущать и видеть рамки, ограничивающие его углубленное понимание. Это своего рода новое соприкосновение с областью еще неизвестных фактов, составля-

ющих новую проблему для науки — область новых научных исканий и размышлений.

Люди, прослушавшие «курсы мировоззрений», еще не являются их исповедниками, в большинстве случаев это только демонстрация памяти, воспроизводство слышанного и прочитанного.

Когда люди твердо и уверенно приступают к обсуждению философских проблем, вопросов точного естествознания, необходимо предварительно, а также в процессе суждений строго и с наивозможной точностью определять и уяснять весь арсенал словоупотребления, строжайше соблюдая введенные рамки.

Дело не в том, что говорится и что высказывается, а в том, как высказываемое доказывается и обосновывается.

Лекторы, ораторы, преподаватели, профессора не являются однородной категорией. Часть их демонстрирует большую память без личных убеждений, ставя своей целью убеждать других по долгу службы. Часть — убежденные лишь отчасти. И последние — фанатики, диктующие догматические идеи, не подлежащие оспариванию или критике.

Стандартное мышление по преподанным схемам и формам притупляет острие логики и творческую потенцию, человек «утверждается» в неподвижности и не склонен с ней расставаться.

Мы с тобой почти совершенно не говорили по мировоззренческим вопросам, говорили бессистемно, отрывочно, без «взвешиваний», без итогов и выводов, откладывали все в долгий ящик.

Толстые тома дадут юноше лишь сумму слов, фраз, положений, выводов, но не истину. Последняя станет таковой

лишь тогда, когда приобретенное станет органической частью личности, частью его души и сердца... Ищущий истину не найдет истину (она — бесконечность), но только найдет великую печаль и ужас жизненной правды для всех времен, для всех народов.

Идущий по пути правды обречен на страдания.

Убеждения нельзя просто надумать, их нужно создать, построить на базе точной осведомленности в данной области науки. Нередко и этого бывает недостаточно для формулировки в точных очертаниях...

Часто большое чтение не умудряет человека, его сознание — набор различных элементов, не приведенных в систему. Большое чтение превращается в развлечение в свободное время.

1. У человека ищущего и нестандартно мыслящего по одному и тому же предмету могут быть в разные моменты жизни неодинаковые мнения, как будто их имели два разных человека. Объяснить это можно неполноценностью, недостаточностью аргументаций и трактовок и внешними факторами, случайно или не случайно вклинивающимися в сферу мыслей и суждений.

2. Великим бедствием человечества являлось стандартное мышление — неимение раздумий, мнений и обоснований в суждениях о важнейших делах человеческой жизни.

Раствор мыслей в хаосе мыслей, непрерывное кружение вокруг да около и только, а дальше ни шагу — нет твердой почвы, ссылки на дядю, многословие без аргументации...

Если люди искренне ищут истину и на этом тернистом пути выходят на разные дороги — значит ли это, что они должны стать чуждыми друг другу? Если они искренни и

правдивы в искании истины, ничто не может быть для них помехой для взвешивания всех их доводов на любых «весах» и вовсе нет никаких оснований видеть одного из них с пеною у рта готовым разорвать на части другого...

Ищущий истину сам задает вопросы, не ищущему истину бесполезно задавать вопросы.

Все во Вселенной свершается в последовательных шагах времени. Каждый акт в природе, обществе предопределен предыдущим, сегодняшние события предопределяют то, что произойдет завтра. Когда человек познаёт прошлое, он познаёт сегодняшнее, но не может знать будущего, хотя отчасти законы природы дают ему эту силу предсказания, предвидения.

Можно ли документировать и излагать факты и явления только индивидуальной, интимной достоверности? Нет, т.к. их нельзя воспроизвести, с ними нельзя экспериментировать. Для окружающих изложение этих событий — не документ, и словоупотребление не достигает цели, тем более если дело идет об эмоциональных явлениях субъективного мира. Это может только дать почву для извращений и всяческой вульгаризации в зависимости от апперцепции слушателей, желающих пролить на «невежду» и «темного предрассудника» свет своего всезнания и всепонимания, хотя и они сами своим «светом пресветлого просветления» ни на йоту не вносят документальных обоснований несостоятельности первоначального высказывания, не претендующего на критику.

Когда зритель всматривается в картину художника, он «вызывает» из склада памяти образы, воспоминания, оживляется мир ушедших чувств, и только при этом картина «загорается» содержанием и происходит понимание. У других смотрящих на эту же картину пробуждаются свои ассоциации.

Прежде всего видится набор красок и красочных мазков. Смотришь в непосредственной близости и видишь цветную мазь и нагромождение цветных комков и кочек. И эта же «какофония», если отойти на некоторое расстояние, превращается в чудесное видение...

Чтобы подняться до понимания великих красот искусства, нужно убить в себе низменные животные начала и влечения.

Сейчас век музыкального, литературного (во всех формах и видах), научного «ожирения», пересыщенности. Человечество тонет в океане книг. И, несмотря на все это, налицо духовное, интеллектуальное оскудение. В чем дело, где причины?

Перед лицом эмоций рассудок меркнет, если у него недостаточно силы, и увеличивает свою силу, подкрепленный эмоциями. В сферах морально-этических эмоция — решающая сила («эмоциональный рассудок»).

«Я», мое самоощущение, мое сознание есть великое, безграничное чудо, ибо оно непостижимо и лежит вне всяческих определителей.

Мысли приходят в наше сознание, в нашу душу (а многие говорят — в нашу голову, а не в другую часть нашего тела), и если человек задержит хотя бы на миг этих извне пришедших гостей, они ему уже кажутся собственными. Как правило, он их не отторгает, а даже «приглашает» оставаться, открывает им дверь в свое сердце, в свое тайночувствие и тайномыслие и тем самым находит себе сообщников для свершения действий. Но взвешивая иногда содержание пришедших из неизвестности «гостей», он их отторгает. Они уходят, но могут возвратиться в других обличьях.

Бывает и так: люди, много читающие (быстро и жадно пожирающие строчки и страницы), [но] не обогащающие своего разума, не приводящие «поглощенные» идеи в строгую логическую систему мировоззрения, *теряют разум и сердце*, многое необходимое, чрезвычайно жизненно важное не воспринимают и даже более того — игнорируют тогда, когда представляется возможность понять и ощутить.

«Потеря» разума и сердца человека становится причиной великих бедствий, утраты человека и человечества.

Я ощущаю в своем чувстве и разуме две стихии, противоречащие друг другу...

Я стремлюсь к истине в меру своих душевных сил, мой разум беспристрастен, независим от веяний, и я неуклонно и твердо пришел к принципу причинности вещей мира — принципу неуязвимому, т.к. он абсолютно свободен от религиозных, социально-исторических и философских догм, в основе его лежат только логические доводы и данные точного естествознания, где нет места замалчиваниям трудных мест, фальсификациям и «стратегическим» обходам, все поставлено на чистую карту, без игры в слова, в звонкие высокопарные термины и терминологии, которые — витрина «истины». За деньги и коммунальные блага (а не из личных исканий и искренних убеждений) процеживают с апломбом в аудиториях «измы», «ации» и т.п., приводящие в гипнотическое оцепенение склонных к цыплячьему мировоззрению и долженствующих пересказать более или менее правильно изложенное. Понято оно или нет, убежден или не убежден слушающий — все равно, его обязанность так или иначе пересказать.

Тело — это только посредник, связывающий живое начало («Я») с окружающим миром материи.

Вся многотысячная масса людей, которую я вижу на большой площади, — это все выходцы из семян жизни, которые создавались в телах родителей из материалов насущной пищи, почерпнутой из внешней среды. При этом питательный материал, в свою очередь, также возник из семян жизни (высшая степень органической автоматизации)...

Дети даются родителям Всепроницающей Судьбою. Родители — только видимое условие их появления. За этим скрывается великая, бесконечно сложная биохимия Космоса, затаенная от человеческого познания. Но примитив человеческого интеллекта в подавляющем большинстве случаев видит только то, что дают ему органы чувств, не воспринимая завуалированной сферы микростроительства в органической природе.

Выходцы из земли должны возвратиться в нее. Но что это значит, как это понять у могил, в их молчании, когда над нами в голубом небе сияет животворное солнце и дует легкий летний ветерок, и тогда, когда из бесконечных далей на могильные холмы льются звездные лучи, или в ночную зимнюю метель? Выражения вроде «здесь лежит мой отец (дочь, сын и т.д.)» в мировоззренческом смысле лишены содержания. Здесь на глубине двух метров покоится только прах, только процессирующая в распаде органическая ткань из химических элементов — кирпичей мироздания. Но где же живое? Живое, субстанция жизни — великая тайна Космоса, оно не тождественно праху...

«Я» человеческое (животных, птиц, насекомых и т.д.) является созерцателем как всего окружающего, так и явлений тела, которое является носителем этого «я». Текущий меняющийся комплекс ощущений находится в его поле зрения, а само «я» остается неопределимой данностью Космоса.

В человеческой душе есть нечто контролирующее, которое подсказывает об ошибочности, неверности мыслей и желаний, опрометчивости шагов жизни. Это нечто — предупреждение, и если человек его игнорирует, отторгает от себя под тем или другим лжеоправданием, он заходит в порочный круг жизненного пути, и чем более отторгает этот тайный голос предупреждения, тем дальше заходит в мир жизненных пут и капканов. И в дальнейшем этот голос предупреждения оставляет человека навсегда, оставляя его таким, каким он себя желал определить, утвердить в себе собственные ориентиры, хотя они не только недостаточны, но даже преступны... Душа человека, настойчиво борющегося со второй его природой, способна ощущать даже то, что еще только должно произойти.

Как в акустических резонаторах «появляется» содержание определенного далекого звука, так и душам людским присущ психический (интеллектуальный и эмоциональный) резонанс. И тогда содержание творений авторов (поэтов, композиторов, художников, ваятелей), их чувства и мысли полностью входят в мир души человека.

Спускаться под гору легко, т.е. идти по пути уступок разуму и совести, принимать все, что дается, проглатывать без остатка в некоторый «желудочный мешок», без переваривания, без органического усвоения, отчего набухает только «живот», отягощающий и притупляющий почти до паралича стремление к истине. Все, что есть, — это только пересказ слышанного и читанного из толстых книг, но убежденным мы должны считать того, кто сам может отстоять...

Пред человеком стоит вопрос, как прожить жизнь, и вопль желудочного мешка подсознательно и сознательно просит — требует разрешения, как жить, как себя вести, как трудиться, чему и как учиться. Поставить себе целью жизни познать истину в широком мировоззренческом смысле есть

непосильная человеку задача, можно только говорить о приближении к истине — к той истине, которая ответила бы человеку, каким быть, как себя вести (нормы соц. поведения), как научиться не закрывать глаз перед вопиющим злом, насилием и т.д.

Многие люди только прикрываются идеологиями, маскируются, и жизнь — маскарад. Люди вычисляют свое будущее положение (потреб. жел. мешка), своего рода коммерческий расчет жизни... Таким образом, люди становятся данниками желудка, функциями географических координат и, как правило, исповедуют положения в преподанных рамках, из которых нельзя выходить, иначе — изгой. В письменных изложениях явственно дается пересказ преподанного, повторение слов, еще не переваренных в свете личного мировоззрения и критики... Юноша, ищущий истину, в плену слов, фраз и людей с апломбом в роговых очках и шевиотовых костюмах.

Все искусство (Рахманинов, «Островок»), которое пленяет и чарует, — уже отход от жизни реальной, ее отрицание и уход в мир грезы, мечтаний, лишенных дикой, безумной, отвратительной и подлой борьбы за брюшные блага.

Мир явлен в противоречиях, и человек должен найти пути и средства, чтобы сгладить острые ребра этих фундаментальных противоположностей бытия. Необходимо иметь силы обосновать мировоззрение; человек, претендующий на таковое легкомысленно и бесфундаментно, подобен прикрытому рубищем и лохмотьями, он не имеет продуманных и обоснованных суждений и прикрывает свою идеологическую несостоятельность отрывочными суммословиями, лишенными силы разума.

Радость общения с природой часто утрачивается при виде вырубленных кедров, черемухи (для сбора орехов и ягод), подраненных птиц и животных.

Физиологическая лаборатория, подопытные животные — обезьяны, собаки, крысы, мыши, кролики... Собаке делают операцию, причиняют тяжкие раны, вводят яды в живые ткани, подвергают мучительному действию электрического тока, давления, уколов, ударов и т.д. Но на самом деле познается ли природа настолько, чтобы все это оправдывалось?

Жизнь есть в высшей степени сложное и чрезвычайно запутанное явление, но в ней есть и строгость, и веление, и требование, и искупление глубоким раскаянием...

Очнитесь, люди, и подумайте о ваших вольных и невольных мыслях и шагах жизни. Когда придут черные тучи, будет поздно, ибо зло, пошедшее в мир, неизмеримо сильнее, чем его интимное проникновение.

В человеческой природе есть мыслящая сущность, и он должен размышлять над всем, что вокруг него, обогащаться знаниями, вопрошать, когда что-то неясно и непонятно, и делать свои выводы. В человеческом «я» достаточно данных, чтобы разобраться, где добро и где зло, и понять формулу морали: чего не хочешь себе, не делай другому.

Глубочайшие истины, пред которыми меркнут построения рассудка, подсказываются сердцем. Никакие рассуждения не в силах раскрыть этой завесы. Пред истинами сердца рушатся искусство, наука и практическая логика, словопотребление бессильно пересказать огонь сердца как символ высшей любви, лишенной чувственности и животных начал, как выражение предощущения инобытия, «зримого» уязвленным сердцем и опустелой душой, что составляет только лишь индивидуальный мир личности.

В духовном начале человека две природы, несовместимые и непримиримые, неоднозначные и противоположные — два «я», сосуществующие рядом. Одно из них — свет-

лое, разумное — способно контролировать действия другого, их сооценивать и сопоставлять. Голос второго — совращающий с прямого пути света, добра и чистой красоты. И смысл жизни заключается в борьбе, в отторжении своего второго «я» с его миром и содержанием, чтобы остаться в свете, в светлом разуме и с чистым сердцем.

Одна из целей существования человека — это борьба с тем сатанизмом, который живет в его существе в потенциальной форме и периодически вспыхивает в душе в форме диких мыслей и страстей.

Если я есть механизм, сооружение, в котором заложены целестремительность и назначение частей, если я есть сознание и чувство, значит, я есть Его частица, получившая автономную отлучку в неведомое странствие и путешествие для проверки пути, маршрута, по которому поведет меня данная мне искра совести и разума на пути тернистом, трудном, на пути страдания и скорби... Экзамен на совесть и хрустальную правду.

Мы только функции творческого начала. Но и все огромные животные тропиков и полярных зон земного шара, все летающие в голубом воздухе и парящие в холодной лазури в утренних лучах великого животворного солнца двукрылые, все представители жизни на материках и в водах Земли — все это функции, истекающие от незримого властелина видимого нами мира, таинственного в своем бесконечном творчестве.

Мои раздумья и анализирование мира природы и людского сообщества приводят меня к собственному миропониманию, мотивированному данными точного естествознания и видением великого драматического дисгармонизма на нашей планете, в человеческом обществе, где конфликт начинается с интимной идеи и эмоции человека и

кончается морем трупов и крови. И поэтому мое мироощущение и мои рассуждения не идентичны с теми, которые не мотивированы анализом точного естествознания. Но это большая тема, и я не буду отклонять ваше внимание.

Расчетов на будущее я никаких не делаю, склоняя покорно голову перед велением Судьбы, но, может быть, придется поработать в Тобольске на кафедре физ.-мат., на что дано согласие. Окончательно еще не решил, где «бросить якорь», — летом выясню. В начале мая собираюсь в Свердловск отдохнуть, т.е. побродить в окрестностях города, и далее будет видно. Посмотрю на голубое небо, белые перистые облака, на солнце раннего утра и позднего вечера, на озера, рощи... По-видимому, будут компаньоны.

Жаль, что мы не побродили в сургутской тайге...

(Из черновика письма неустановленному лицу)

...Но есть люди, которые достаточно компетентны, но стесняются высказывать свои мысли или даже боятся, в то время как честный, вооруженный фактами точных наук мыслитель неизбежно приходит к взгляду на мир как на кибернетическую систему колоссальной сложности, истекающую из могущественных разумных начал природы и космоса.

Некоторые говорят, что мир явлен так, чтобы человек не видел и не знал Бога, в то время как сама природа — прямой документ, непосредственный свидетель введенных целей и сложных целевых систем в конструкции природных объектов.

В Бога нельзя поверить так же, как веришь в существование солнца, луны, звезд... Человек должен прозреть разумом. Но этот разум он еще должен нажать трудом размышлений, приобрести своими усилиями необходимые знания, тогда только он сможет раскрыть...

Признание Виновника не есть предмет веры — это предмет строго логического построения (без всяческих догм), аналогично теореме.

Некоторые люди, называющие себя верующими, в сущности являются неверующими (темно-блуждающими). Для убеждения в этой «миросубстанции» необходимы усилия разума на базе точного естествознания.

Религия — это призыв к пробуждению в интимном мироощущении человека доброжелательства и добродетели, к добрым делам в людском обществе. Всяческие злодеяния в практике жизни, дикие и истребительные войны отвергают этот призыв, отторгают голос истинной религии.

Все истины религиозной христианской морали, которыми люди должны руководствоваться в своем тернистом пути, можно чертежным пером написать на ногтях рук. Они такие краткие, и чтобы понять их, не требуются толковые словари. И, несмотря на это, люди превращаются в лютых зверей.

...Истинное религиозное сознание должно определяться и характеризоваться взаимным доброжелательством в помыслах и добродетельностью в практике, все прочее — необязательная надстройка.

Разве это христианство, если солдаты стоят в стройном каре и «молятся» (присутствуют механически на молитве) о даровании победы своему оружию, а завтра, надеясь на помощь Бога, будут штыками рвать животы тех, кого привели для противостояния им? Это сатанизм.

Старик остановился и сказал: «Когда-то тут стояли в кедровой роще храм и монастырь, слышались в вечерней тишине хрустальные колокола, и казалось, что звуки эти летели в далёкие звездные миры, и я стоял часто в роще

под огромным вековым кедром, и лились в мою душу прекрасные звучания церковного хора. И казалось мне тогда, что в эти минуты я отделялся от земли, на время отлетал от нее... А теперь здесь только руины, прекрасная священная роща вырублена, и нет великолепного храма, появились какие-то скотские загоны и дворы, и по воскресным дням доносятся звуки гармошки, хохот и крепкая матерщина. И теперь мне кажется, что все светлое, простое, теплое, святое покинуло навсегда нашу планету».

И он сказал: «Как хорошо бы слушать эти звуки во мраке далекого монастырского храма в вечерней тишине, когда по небу плывут фиолетовые и светлые облака в мягком лунном свете, когда в природе ласкающая розовая теплота и светит чудесная уходящая заря. Или же когда за толстыми холодными каменными стенами ходит белая смерть в снежном одеяле, где путнику не видно ни зги, где неба ни кусочка не осталось, где темный мрак и завывает вьюга».

Мысли, навеянные картинами Соловецкого монастыря.

Звездная полярная ночь с сияющими и мерцающими звездами в хладных бесконечных просторах вселенной, мороз, великая тишина и таинственный свет лунного серпа. Взор устремляется в бездну мерцающих звезд. Куржак чудесным светом играет на ветвях вековых деревьев. Издали доносится размеренный звон большого колокола, он призывает людей оставить суетные дела жизни, собраться с мыслями, вспомнить свою былую скверну, рассудить свои поступки и шаги в жизни. Входи в чистой простой одежде под тяжелые своды храма, где в полумраке мерцают восковые свечи, склонить покорно свою голову, слушать церковное песнопение, молитвенные призывы к Богу... Бывает такая фаза в жизненном пути человека, когда он теряет веру в людей, в правду, честность, искренность, в друзей, в намеченные планы и цели жизни. Сердце его ущемлено, душа уязвлена. Тогда он, оценив все это, стремится уйти, удалить-

ся от людского общения. Но куда? И вот далекие монастыри в безлюдных лесах в окружении больших вод, снегов, льдов, ярких мерцающих звезд, волнующихся цветных занавесок северного сияния и есть те места, куда стремятся душа и сердце разочарованного человека, чтобы никогда не возвратиться в мир суеты, зла, маскарада и лжи. Я здесь временник, а там изгнанник из жизни или почти изгнанник, хотя нет фактически пререканий с сердцами и душами окружающих, но нет и чистой дружбы и любви...

Много показывается в фотографиях в газетах и журналах архитектура древних храмовых сооружений. Но, кроме внешней картины — стен, побеленных кирпичей, — ничего нет. Во многих архитектурных гигантах внутри, за каменными толщами — безмолвие, тьма, леденящий холод, голые ободранные стены, сырой погреб или опустошенный войной склад. А где же та идеология, на основании которой возникли эти каменные сооружения? Где история людских мыслей, чувств и судеб тех эпох? И о чем говорилось трудовому народу, не знавшему грамоты, с амвонов этих храмов, что внушали людям амвонные речения, что оставалось в их сердцах? Нет цельности в этих «памятниках». В натуре — только побеленный известью камень, а внутри — грязные стены, закрытые железными дверями и тяжелыми замками, как будто кто-то этот мрак, холод и безмолвие может однажды похитить.

Реставрация древней архитектуры нередко представляет собой «идольство» — поклонение кирпичу, глине, извести, локализованном в пространстве, поклонение искусству располагать камень на различных гравитационных горизонтах, воплощать архитектурные замыслы — поклонение внешности. А внутри — мертвое, холодное безмолвие, сырые, пыльные и грязные стены, затхлость и мрак. Былое художественное содержание поглотили огонь и годы. Давно не слышно проповедей, призывов к миру, труду, челове-

колюбию, взаимопомощи, честности, правдивости, терпению в трудных шагах жизни. «Беспризорность», выбитые камнями стекла, поломанные железные решетки в окнах, разбитые плиты пола... Что это?

Он сказал: «Выкиньте из головы бредни о том, что существует Бог. Никто не даст вам избавленья... Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой».

Постановление Совета Народных Комиссаров от 1918 г. об отделении церкви от государства со всеми вытекающими практическими последствиями (реформа учебных программ, организация кафедр научного коммунизма и др.) означает «изгнание» Бога из вселенной и из сознания.

Массовое внедрение атеизма как догмы возникло в гневном раздражении, в аффекте остановившегося рассудка как мечь за мрачное прошлое...

В древние времена люди создавали различные культы языческого представления о мироздании, ваяли идолов огромных и малых размеров, строили кумирни, храмы. Но культы преформировались — их сменили памятники вождей социальных общественных движений. Совершаются памятные собрания, речения и всякие оформления. Основная разница в том, что в древние времена культы были отнесены к человекоподобному идолу, а современные культы на атеистической платформе относятся к личности человека.

Современные (а также и «предыдущие») философы и лекторы всегда, как это ни странно, пользуются языческими понятиями. И действительно: о Боге говорят «он», обозначают местоимением, и «он» становится человекоподобным, ассоциируется с образом человека, ограниченного трехмерностью и местом.

Что такое Бог? Примитивно вопрошающий человек не отрывает от этого термина геометрические размерности (ширину, длину, толщину), вес и т.д. и его человекоподобие. И атеистические идеологи борются против этого бога, которого люди сами и создали в своем воображении.

То, против чего вы бросили весь арсенал терминов (Бог), есть лишь измышление мудрецов и философов одного направления, которое создано по образу самого человека, т.е. этой субстанции сами приделали голову, руки и ноги, надели одежду и т.д.

Не потому ли рухнули в XX веке храмы и монастыри, что христианство превратилось в антихристианство, в свою противоположность, и люди стали говорить одно, думать другое и делать третье? Зло проводится под маской добра, правды, человеколюбия, дружбы на вечные времена, потенциальный сектор зла находит выход в жизнь.

Если мир приблизится к атеизму, у человечества потеряется последняя мировоззренческая опора, останется балансирование на остром краю черной бездонной пропасти.

Все в этом мире происходит так, как будто Хозяин мира сказал: «Зачем вам мое вмешательство? Всего вам дано достаточно... Нет мне необходимости быть с вами. Все автоматизировано — живая природа, движение земли и планет, тепло, холод, рождение людей, животных и растений — во всем автономия и автоматизм. И я вам не нужен, и вы мне не нужны. Варитесь в собственном котле».

Какая страшная мысль: планета и все на ней находится в пренебрежении, как будто Творец — Великий Маэстро и Инженер — все координировал, сковал все ненарушаемыми законами, создал великую автоматику, а сам «удалился» в бесконечность! Отсюда жертвы случаев... Или мир отдан на растерзание зверю? В чем дело?

И скажут тебе: «И кто это Вас пропитал таким духом? Вы действительно какое-то живое ископаемое, осколок общества, случайно еще сохранившийся до наших дней — дней просветления и разума. Оставьте эти бредни и сказки, встаньте на высоту всечеловеческого знания и отряхните с себя этот ветхий и зловонный хлам...»

Уклониться от пути социально-общественно-исторического потока — значит обречь себя на страдание, на путь тернистый, печальный и тягостный.

Что такое любовь? Это чувство светлой, хрустальной радости, отдельно существующей от всего прочего, — чувство, помогающее правильно и честно пройти тернистые пути жизни и удовлетворенно и безропотно уйти с ее поля.

Простые, чистые, честные человеческие отношения — это алмазный фонд человеческой души.

Я предпочел бы питаться ржаными сухарями, картофелем с солью и пить воду, жить в избушке, спать на сене, носить грубую одежду, но иметь добрых, искренне честных друзей, и этот материальный быт не отяготил бы моей жизни — я был бы благодарен судьбе, такому сердечному окружению. И это то наивысшее ценное в жизни, которым можно вполне удовлетвориться...

Материальные ограничения и бедность делают человека заботливым, аккуратным, трудолюбивым, бережливым (но не скупым) и сочувствующим другим в превратностях жизни. «Бедность не порок».

Любовь — это светлое, чистое, идеальное движение души, а остальное — только животное влечение, которое может привести личность к преступлению. В этом выражена двойственность и противоречивость человеческой природы...

Какое емкое, универсальное, всеобъемлющее слово «любовь»!.. В самом деле: мистики говорят о великой потусторонней любви в инобытии, моралисты — об альтруизме, любви к ближнему, даже к врагам, «государственники»-политики — о любви к отечеству, нации, практики — о любви к деньгам, движимому и недвижимому имуществу. Другие — о любви к лошадям, к рыбалке, сбору грибов и ягод, к уборке урожая, о любви к искусству, музыке, скульптуре, поэзии, прозе... Созерцатель говорит о любви к звездному небу... Гастрономы восклицают, облизывая жирные пальцы: «Ах, как я люблю мясные пирожки в слоеной корочке, котлеты, жареную телятину! Как я люблю высасывать мозг из языковых голов!» И нет конца этому. Как много существует «любовей» на белом свете, какой «любвеобильный» мир! Муж любит жену, футбол, оперу, какао и т.д., а жена любит мужа, цветы, варенье, копченую свинину...

Есть такие содержания человеческого сердца, которые не следует раскрывать даже друзьям, т.к. это вдвойне отяжелило бы и без того нелегкий груз, который лежит у них на сердце...

Музыка Шопена, Бетховена, Грига, Мендельсона, Чайковского и многих других композиторов не воспринимается массой потому, что она — отголосок иных эмоций, другого мира души, другой (не земной) реальности, это только «кусочки» других миров, но не плана души человека.

Слезы всякие бывают — от ветра, от летающей соринки, лука, летучего эфира, газов, от болезни век, от большой старости... Но все эти слезы не от сердца, не от души, и поэтому видение слез человека вуалирует его эмоциональный мир.

В памятные траурные дни приходят к могилам родные, близкие, друзья, знакомые, чтобы склонить головы в молчании и светлом памятовании о навсегда ушедших из жизни,

погрустить и освежить светом истины и правды устаревшие сердца и души. Оставляют на могилах букеты живых цветов, железные венки. Но бывает и так: появляются юнцы и с санкции отцов, прибывших из других краев, как дикая орда, обуреваемая единым духом разрушения, ломают и разбрасывают могильные ограды, памятники и кресты. Событие как будто санкционировано историей: ведь с храмов давно уже сброшены кресты — почему бы их не сбросить и с могил? Впечатление такое, как будто этим местом прошел Атилла или Мамай, которых наполнил дух разрушения и уничтожения.

О чем мечтает и думает молодежь, ищет ли что-либо новое? Может быть, создает частицу нового идеала, интересуется вопросами, как живет человек и о чем он думает? Как относятся ученые, профессора, академики к мировоззренческим проблемам и отдельным вопросам мировоззрения? Ведь факультеты вузов — это мозг общества. Но если они только воспроизводят преподаваемое — значит этот мозг атрофирован или парализован.

Они в течение 2 часов в сутки сидят за столами и набивают свои животы разным увесистым кормом, а затем поглощенное «вытряхивают» наружу. Живот составляет первую самоцель жизни — для него трудятся, враждуют, плохо спят и т.д. Культурные цели — только побочная надстройка над брюхом. В основном жизнь воплощается в формулу: «Труд — брюхо — сон», исчерпывающую объем жизни, без истинной, нежной, неподкупной, хрустальной любви. И так нудно, серо, скучно, тоскливо, бесцельно, попусту идут, текут, влачатся дни жизни человека среди зверств, насилий, подлостей и крови.

В чем, собственно, выражаются радости людей в праздничные дни (1 мая, 7 ноября)? Праздное времяпровождение (жизнепровождение) отупляет сознание и эмоциональную сферу человека...

Он сказал: «Что разумом осуждаю, то в невольных мыслях допускаю и даже приемлю, как будто росток змея хочет проникнуть в интимное тайномыслие и разрушить внутренний мир покорности, всепрощения, разочарованности и душевного трепета, как будто он хочет «залечить» раны и язвы души, чтобы потом ее совершенно опустошить, чтоб завтра остался только мрак, холод и пустота души без всякого просвета и спасения. И когда ослабевает во мне один мир чувств, возрождается мысленно другой, противоречащий первому».

Жизнь человека и его интеллект пребывают в антагонизме. Это один из принципов мироздания.

Ты можешь не убивать, т.к. в тебе есть разумение, сознание и совесть. Но ты можешь и убивать, т.к. в тебе нет мужества и твердости, честности и прямоты встать выше. И ты пойдешь вниз по пути пресмыкательства и насилия из-за страха и трепета за целостность и сохранность своей драгоценной шкурки...

А сколько добра ты внес в этот мир, наполненный злом? Как бы ты ответил? И каждый бы, как правило, говорил, что он зла не творил.

В жизни существует страшное количественное равновесие добра и зла, заполняющих жизненные пути человека.

Полет ракет на Луну с людьми и без людей считается гордостью для человека, величиим разума, могуществом, началом завоевания Вселенной. Но так ли это? Сделано ли этим добро людям? Ведь только первый полет на Луну Америке стоил около 30 миллиардов долларов, а что можно было сделать на эти деньги полезного и насущно нужного людям, ведь эти деньги как раз и созданы в конечном итоге людским трудом. Можно было бы осушить огромные

болота и превратить их в хлебные поля с золотыми колосьями, зеленые луга и пастбища и т.д., и т.д. Это было бы доброе дело человеку, а не гордость, ненужная труженикам.

Загляни вглубь самого себя, в тайные закоулки своей души, и ты поймешь, как много в самом себе такого, что ты осудил бы в других, но разрешаешь в себе своим свободным рассудком. Это говорит о том, что человеку присущи две души, в нем совмещены два противоречивых начала — душа низменная, с животными влечениями и импульсами, и душа возвышенная, «не от мира сего», стремящаяся отделиться от первой. Несовместима вульгарная песня с поэмой любви, монотонное треньканье с великими произведениями Шопена...

Есть люди, про которых можно сказать: он сам себя сломал, не стал самим собой, делает не то, чего хотела бы его душа, пошел по пути наименьших сопротивлений...

Тебе ниспосланы небом страдание и томление, дан тернистый путь жизни — твоя задача его вынести терпеливо, тайно и безмолвно, без жалоб и злобы. В этом твое назначение на этой планете... В это время человек может показать, какие силы за жизненный путь созрели в его душе, как он продумал и прочувствовал противоречия ума и сердца и всего окружения.

«Так куда же он должен пойти? — спросил старик церковника. — Вчера его взял за шиворот Колчак и повел на красных — он шел и убивал (честно нажимал на курок), церковник его благословлял, сегодня красные его берут в отряд против белых, он тоже нажимает «честно» на курок. Завтра он с Гитлером идет на восток, пастор дает в карман Евангелие, а в руки — автомат. Кланяйся всем и будешь хорош, лучше некуда».

«Конечно, его взгляды, мнения, воззрения нельзя популяризировать, внедрять в общество, т.к. они не прошли идеологического и логического контроля в государственных институтах философии и не получили предварительных оценок отдельных мыслителей, занимающихся мировоззренческими проблемами».

Проповедники правды, добра и истины с давних веков были в изгнании, угнетении и даже подвергались жестокостям и умертвлению не только со стороны правителей, деспотов, но и со стороны толпы. Призывы к светлому разуму были отторгнуты. На всем историческом пути человечества это не прекращалось, и истые доброжелатели человека были отправлены на томление в края снегов и льдов и «охранялись» в неволе плавающими льдинами и холодными водами моря.

В жизни обычно кто-то кого-то судит, критикует, выражает недовольство кем-то. Но совершенно необычно, чтобы человек в той же среде сам себя критиковал, ругал, злобствовал на себя...

Человек должен научиться бороться со своим миром мыслей и чувств, внедряющихся в сознание вольно и невольно и требующих глубокого анализа для последующего решения...

Социально-общественное зло есть просуммированное индивидуальное зло...

Остановить стихийную дикость человечества — значит остановить стихийную дикость в самом себе.

Чувствуют ли люди, что такое война?

Прежде всего война объявляется сердцам матерей, и первыми тягчайшее горе получают они, когда приходит весть: «Ваш сын геройски погиб»...

Мы идем по улицам Берлина, Дрездена, Лейпцига... Перед нами красивые улицы, бульвары, сады, храмы. И люди приличные — деловые, культурные, предупредительные... Но как могло случиться, что они и их отцы однажды в 1941 году вышли из своих домов по зову фюрера и «пригласительным» повесткам, взяли автоматы и пошли убивать тех, кого они никогда не видали?.. Как могло это произойти? Люди мирной жизни вдруг сразу стали убийцами людей, их не трогавших. Что им позволило это сделать?.. Говорят: это долг перед Родиной. А что это значит? Это значит только то, что в темных закоулках человеческой души потенцировал дух скорпиона и тарантула и в то же время равнодушно-преступного раба, покорно исполняющего волю любого палача под видом великого долга перед родиной.

Смотря на эти картинки, ты восхищаешься военной техникой, этими тяжелыми стальными танками, их мощностью, скороходностью, сокрушительным натиском, смертельностью огня. Но не забывай, что такие же машины смерти есть и на той стороне. И так ли ты будешь восхищаться (сегодня тебе 18), если «завтра» тебе этот танк своим огромным весом отдавит обе ноги, и ты после долгих госпитальных скитаний вернешься в родной край на деревянных ступицах с двумя дощатыми «перчатками» для ручного передвижения? Что скажешь ты сегодня, когда посмотришь такую картинку? Сможешь ли ты после этого так же восхищаться этой машиной смерти, создающей горы трупов, делающей несчастными сотни и тысячи матерей?

Старушка мать, одинокая, бедная, больная, потеряла всех своих сыновей во время войны. На вопрос, кто ее так жестоко обидел, можно дать много ответов. Вот они, виновники этой судьбы: артиллерист, выпустивший снаряд, далее — мастера и инженеры военного завода, изобретатель машины смерти. Вот его квартира — 10 комнат, фешенебельная обстановка, картины, библиотека, рояль, паркетный пол,

гостиная в восточном стиле... Достаток, беззаботность, пресыщенность, равнодушие и замаскированный эгоизм. Здесь живет он, изобретатель усовершенствованных снарядов — довольный, сытый, но желающий золота еще и еще. Поставим его рядом с этой одинокой матерью, всеми покинутой и никому не нужной...

Войну на нашей суетной планете могут начать не парламены, не президенты — ее может начать ловкий наглец на базе могущественной силы сатанинского золота. И планета, ее деревни, села, огромные города, ее великая материальная база людского благополучия будет гореть, превращаться в развалины.

Фашисты говорили молодежи: «Вот вам толстые книги, в них готовы ответы на все острые вопросы к жизни, за вас уже подумали, ваше дело только пересказать изложенное так, как будто оно принадлежит вашему разуму, пересказать без сомнений, без критики, ибо уже «большие» люди посомневались, покритиковали и избавили вас тем самым от размышлений. Мыслите стандартно, по штампу, ибо вы иначе можете уйти в болото, свихнуться и свернуть с правильного пути. Ни крошки вольномыслия, вольнодумства, вам преподаны рамки мудрости, за пределами которых вы обречены на невзгоды и лишения.

Гитлер «науськивал» «бога» на народы Востока («Да поможет вам бог!»), но сам себя вывел «в расход», получил возмездие от самого себя. Но все остальные свершившие миллионы убийств этого себе не сделали и, имея возможность остановить войну, отвергли христианскую заповедь «Не убий!», не нашли в себе совести, правды и мужества.

В XX веке расцвет техники и науки сочетается с колоссальным вырождением морали. Утрачена руководящая нить мировоззрения, нет мыслительной и моральной корректуры.

В жизненных отношениях люди очень часто в процессах рассуждений пользуются незаконченными, обрывочными псевдомудростями. Например: «Ну что ж... война есть война...» Как будто эта «формула» все оправдывает... Великая греховная, преступно-равнодушная недосказанность в речах и мыслях как ориентир движения в ночном мраке. Человек бредет, не зная куда, не ведая, что вот-вот он оступится в каменную пропасть.

Мобилизованные для кровопролития иногда говорят так: «Все равно нужно идти... может, не убьют». (Ну а ты-то ведь будешь целиться в головы, животы, сердца таких же, как и ты.)

Никто не хочет войны, все возмущаются и проклинаяют ее, но тем не менее нет мужества, нет сил души, сердца и разума, нет совести в стане агрессора заявить протест... Люди сами «делают» войну и сами же ее проклинаяют, как будто это от них не зависит.

Спросите у миллионов участников войны, кто ее виновник. И миллионы голосов скажут: «Только не я. Мы только исполнители приказов». И получается «удивительный» вывод: оказывается, повинна только крошечная горсточка людей, а все остальные ее «творители» — чистые, хрустальные души, ни в чем не виноватые жертвы истории, несмотря на то, что все они собственноручно рубили, резали, жгли и т.д. «Как хорошо быть ни в чем не виноватым. Мне велено рубить — я и рублю, велено жечь — ну я и жгу, велено убивать — убиваю. Ну и чё? Попробуй не исполни приказа».

«Что вы тут делаете?» — спросил дух мыслящий, обратившись к миллиону стоящих у станков, делающих разнообразные средства умертвления. И они ответили: «Мы зарабатываем хлеб насущный. На курки мы не нажимаем, прицелами не пользуемся, электрических контактов для всеуничтожающих взрывов не включаем...».

Гремят джазы с вульгарными мелодиями и убогими речениями. Это то, чем питается множество людей в свободные дни в многоэтажных благоустроенных домах с неблагоустроенными мыслями и чувствами, а миру на планете нужна взаимная жертвенность без крови.

Почему все ученые мира, которых считают мудрыми, которые составляют большие научные ассоциации, именуемые академиями наук, не остановили войны 1941-45 гг., не выразили протеста и не призвали к нему массы? Почему руководители церквей мира, религиозные философы не призвали прозреть совестью, сердцем и разумом, преодолеть сатанизм в разумении и чувствах, чтобы не быть жалкими овцами, бегущими туда, куда их гонит плетью злой погонщик? Почему не обратились к миру большой планеты представители искусств и культуры?.. Нет, этого не было сделано... Лишь только капрал свистнул — и все затихли, покорно съежились и стали уничтожать друг друга, механически исполняя приказы высшего командования. «Никто не виноват», все «честно» исполняли приказы свыше. Как хорошо быть ни в чем не виноватым. Люди стали бояться правду называть правдой, ложь называть ложью, называть своими именами зверство, дикость, беспощадность, насилие. Это и есть пробуждение сатанизма в человеческой душе и сердце.

Если людям преподана идея-велеие «Не убий», а капрал-агрессор приказал народу исповедовать противоположное, то у исполнителей не своей воли, обязанных убивать, должен возникнуть ответственно-тревожный философский вопрос: «На чем же основываются эти противоположные идеи, где их истоки и логика построения суждений? Должен ли человек быть слепо подчиненным, говорить одно, думать другое, а делать третье и по прошествии времени предавать забвению жертвы, кровь, пожары, голод, холод, нужду и беспризорное потомство?»

Подсудимый дышал невыразимой уверенностью во всеобъемлющей правоте своих убеждений, он говорил так, что нельзя было подыскать к его словам каких-либо опровержений, их можно было только слушать и не оспаривать, ибо истина и правда этих слов вливались во все закоулки и тайники человеческого сердца и духа. Логика была безупречна.

Он продолжал: «Вы собрались судить меня за то, что я враг всяческого насилия и издевательства над человеком, противник дикости и безумия взаимоистребления человечества, приготовленного университетами, институтами, военными школами и академиями, когда вековые накопления народного труда уничтожаются в секунды и предаются огню, а на память остаются руины, пепел и головни. Вы пришли меня судить за протест против разорения трудовых мирных жилищ, против нищеты и страданий матерей и малолетних детей. Если б вы имели кроху жалости и любви к милой малютке, которая просит у убитой матери молока, и горячие слезы текут по ее лицу, еще не увидевшему отвратительного человеческого зла, не покрытому ни одной морщинкой от житейской напряженности, труда и утомления. Вам все равно, но если бы это были ваши дочка или сынок, вы бы вряд ли сказали «все равно», пошевелились бы ваши мысли, сердце и душа. А если бы этого не произошло, зловонный кал был бы ценнее всего вашего существа, покрытого дорогой мануфактурой... <...> Вы за правду, братство, свободу, справедливость (расплывчатые понятия) на словах, а на деле за их противозначения.

<...> Вы пришли меня судить в «хрустальной чистоте ваших сердец», но разве вы не нашли в самих себе дремлющего зверя, которого нужно победить, одолеть прежде, чем идти «побеждать» мирового зверя, живущего во всем живом? Пока не побежден зверь в самом себе, нельзя его победить в других — это великое дело, великий подвиг человека».

Самое страшное — молчание неба... Насилие и жестокость властвуют на углой планете, но небо молчаливо.

Первые впечатления от непознанного окрашиваются эмоциональными элементами и даже сказочно-фантастическими образами, но вдолге, после длительного опыта, неоднократно повторения ассоциации расстраиваются — одни элементы этого раннего первоначального комплекса «улетучиваются», другие ослабевают, третьи оставляют в сознании только смутные воспоминания. Бывшие ранее интенсивные окраски и оттенки теперь уже утрачиваются, мутнеют, блекнут, и в конце концов прежний ассоциативный комплекс разрушается, заменяется другим, в который входят новые элементы — печали, скорби, разочарования, неверия в то, во что ранее верилось, отвержения того, чему ранее поклонялся или к чему стремился, или чего желал. Смотрение в себя приводит к самоосуждению...

Если человек не ищет истин в его жизненном окружении, он представляет механический автомат: заботится ежедневно о том, как бы получше наполнить свой желудочный мешок, выполнить обязательный для него трудовой общественный долг, остаток дня предоставить телевизору, газете, книге... Так тянутся монотонные дни жизни, приближается смерть, а человек не знает, отчего и зачем жизнь, зачем он приходит и уходит. И, наконец, ему в исходе дней земного обитания все начинает представляться пустыней, и некого спросить, и не у кого узнать о смысле жизни... И такой человек, как животное, тревожно ждет своего «заклания». Он живет без мировоззрения и главные радости его животные: удовлетворение требований желудка, инстинктов, потребности в сне — это основное. Выходец из земли пришел затем, чтобы «уйти» обратно.

Про человека иногда говорят: а ведь сколько в нем жизнерадостности, энергии, силы, смелости... Но не следует

думать, что эти состояния постоянны, бывают периоды депрессии. А к исходу жизненных дней первоначальные окраски и оттенки жизненного проявления меркнут и почти исчезают. Утомленная созерцанием фактов жизни, очарованная однажды на миг душа «деформируется», сосредоточивается. Уста цепенеют, и язык безмолвствует. Все течет, все изменяется.

Тебе дана жизнь, чтобы ты ее мог перенести и вытерпеть, в океане противоречий, несправедливостей, насилий, тяжелого труда найти путеводную нить по пути справедливости, терпения, скромности, выдержанности и строжайшей последовательности в каждом шаге. Твоя задача — вытерпеть и перенести жизнь.

Как правило, люди как будто еще и не жили, все только собирались прилично устроить свою жизнь, а уже наступает твердой поступью череда огорчений, беспокойств, тревог, страданий. А светлое, радостное, чистое, хрустальное, сказочное и чудесное где-то в далеком-далеком прошлом или вспоминается во сне. И в конце концов остается серая бессолнечная холодная быль...

Но ведь ты же цветок, который должен отцвести и отцветет, поэтому не сожалей и принимай, хотя бы и с грустью и горечью, то, что предрекает тебе судьба, неси положенный груз терпеливо, молча, не говоря ничего и другу, ибо он все знает...

Не вечно будет красивая, беспечная и радостная молодость — придет старость с морщинами, выцветшим лицом, поблекшими впавшими глазами, слабо звучащим голосом, потерей стройности и аккуратности в формах тела. В неоконченной тропе жизни больше лежания, чем хождения в мягких тапочках (но не в туфельках). И плюс к этому — большие волнения и тревоги о родных и близких, разные

тяжкие болезни, которые люди старые считают божеским наказанием за преступное равнодушие к людям...

В жизни нужно все принять, что дает Судьба, и принять без ропота, гнева, злобы и негодования, ибо данное Судьбою неотвратимо. Но она и многое изменяет к лучшему, чего не мыслил и не ожидал человек. И все это через путь томлений, страданий, горестей, разочарований и душевных просветлений.

— Так кто же вы?

— Я скиталец по холодным волнам жизненного моря. Я выброшен из жизненной колеи и теперь живу на острове одиночкой. Хотя вокруг меня тысячи людей, я чувствую, что общение невозможно, и мне остается «говорить» с мертвыми, т.е. прочитывать их мысли в печатных строчках, где в стройных рядах черная сажа расположила черные иероглифы.

И какая-то тоска, пустота давит и точит душу бесцельностью существования. Живая машина автоматична, ритмична, аморальна и безрассудна, и с ней роковой необходимостью скована душа, как будто души являются в этом мире пленниками для того, чтобы нести на себе на протяжении жизненного пути невзгоды, горе, печаль, слезы, а затем, истощенными страданием, ощущать до конца пути жизни его пустоту и бесцельность под сияющим солнцем, которое равнодушно ко всему злодейству подлунного мира.

Все течет, все меняется. Люди вспоминают родные края, родной дом, садик, цветник, огород, книги, рояль, знакомых, друзей. При возвращении к родному краю душа наполняется грустью. Кладбищенские могилы поросли зеленой травой и безмолвны в лесной тишине, а солнце так же блистает и тоже безмолвно. Родного дома уже нет, или в нем живут совсем незнакомые люди. В зеленых уголках возле дома

уже все другое, и нет там прежней души. И улица, и дома стали другими. Уже некуда пойти. Друзья и знакомые «удалились» — кто умер, кто уехал. Кое-где остались незнакомые внуки знакомых...

Жизнь идет, люди идут, события жизни идут — те были «вчера», эти «сегодня», следующие «завтра». Все разное, иное, «вчера», «сегодня» и «завтра» не похожи друг на друга: душа и разумение меняются, мир ощущается иначе, розовый туман рассеивается, все побрякушки и бирюльки цветные, посеребренные и золоченые спадают, как ненужный хлам. И прозревший человек говорит: «Все суета и ничего не нужно, и поэтому то, что ты не успел сделать, тоже ненужно...».

После невзгод, жизненных разочарований, тревог, волнений и одиночества хочется уйти в далекие леса с чистыми водами озер, в скиты, где живут люди, добровольно удалившиеся от мира людского, от суеты и сквернословия, чтобы сохранить свет и мир души для последних минут истекающей тернистой тропы жизни.

Приближающийся к последней земной координате человек должен тяготеть не к земным вещам (псевдоутехам и псевдорадостям), а к бесконечным далям и Богу.

Бывают чарующие дни, бриллиантово-бархатные снега, нежно-голубое небо, полная безоблачность, весенняя прохлада. И на душе — ложная радость и глубокая грусть... Как будто занавес природы экранирует что-то тревожно приближающееся...

...Все те же чувства вновь приходят. Серо-солнечное утро, комар звенящий и утренний озерный пар прохладный над болотом. Но солнце выше и светлее над беспредельными просторами...

Приглашение к сотворчеству

Галерею-мастерской Г.С. Райшева как учреждению культуры всего лишь шесть лет. Между тем за это недолгое время в ней было устроено несколько выставок, привлечших многих посетителей: «Страна Югория», «Грани творчества», «Зеленая Вселенная», «Югорская легенда», «Человек. Земля. Космос». Выставки прошли, но от них остался след — недавно завершённое выпуском в свет третьей, заключительной части иллюстрированное издание «Геннадий Райшев: диалог со зрителем. Беседы в мастерской художника» (Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2001—2002), в котором идет увлекательный подробный разговор о содержании этих экспозиций между директором галереи-мастерской Лилией Георгиевной Лазаревой и автором картин.

Читатель легко представит себе масштаб выполненной работы, когда узнает, что в книге прокомментированы 600 произведений живописи и графики. При этом надо заметить, что в третьей части обсуждаются преимущественно новые работы, созданные в 2000—2002 годах. Кроме того, главным образом в третьей же части подробно изложены взгляды художника на искусство, на

природу творчества и на его глубинные психические основы.

Как возник замысел и почему избрана именно такая форма, автор-составитель Л.Г. Лазарева объясняет во вступительной статье «Беседы с Геннадием Райшевым как способ освоения творческого мира художника», просто и ясно очерчивая свой личный путь постижения содержания картин и превращения социолога, кандидата наук в творческого деятеля.

«В своем творчестве Г.С. Райшев создает обобщенный образ мира, — пишет она. — Художник вкладывает в этот образ свое содержание. Но экскурсовод не может его буквально воспроизводить. Мысль автора он будет способен передать, только опираясь на собственный интеллектуальный багаж, каждый раз, с каждым новым человеком открывая все заново. Только такая свободная импровизация фундаментально подготовленного сотрудника сделает рассказ по экспозиции выставки не мертвым, а живым. <...> Сам Г.С. Райшев считает, что у экскурсовода должна быть база. <...> Эта «база» — подвижная и все время расширяющаяся картина мира творческого, интеллектуально и духовно активного человека».

Таким образом, оба участника диалога согласны, что единственно плодотворно творческое общение, и возвысить контакты со зрителем до этого уровня — сверхзадача галереи-мастерской.

Композиция книги проста, она задана планами выше-названных выставок. Собеседники переходят от картины к картине. Л.Г. Лазарева, имеющая уже богатый опыт общения с посетителями, знающая характер восприятия ими произведений Райшева, спрашивает. Зачастую вопросы ее элементарно просты, но в них аккумулирован ее опыт проведения экскурсий по выставкам. Автор отвечает. Беседа записывается на пленку, и затем содержание ее перекладывается на бумагу. Так постепенно свивается нить диалога зрителя и художника. Собеседники свободны: зритель,

которого представляет Л.Г. Лазарева, — в формулировании вопросов, художник — в содержании ответов.

Райшев — философствующий художник. В 1998 году свой многолетний опыт размышлений об основах творчества, выстроенный в оригинальную систему, он изложил в небольшой книге «Отчего мучается художник: Вопросы творчества». В «Диалоге со зрителем» он заново проживает свой духовный опыт, продолжая путь самопознания. Углубляясь в чтение, заинтересованный зритель попадает во внутренний мир творящей личности, сопоставляя прочитанное с тем, что он видит на помещенной рядом репродукции.

Основную часть объема книги занимает разговор об особенностях изобразительного языка художника. Почему художник такой, почему он, обладая даром и мастерством, отказывается от точного, буквального воспроизведения природы и из-за этого становится непонятным для многих? На этот вопрос он и отвечает на каждой странице обширного, почти 400-страничного повествования. Здесь зритель слышит рассуждения о ритмике изображения, участии рисунка и цвета в построении пространства картины, передаче сложного ощущения, образа и тут же — об особенностях зрительного восприятия, воображении, ассоциативных связях, интуиции, генетической памяти, состоянии гармонии и многих других компонентах и качествах творческого процесса. Но в конечном счете ответ заключается в том, что наделенный от природы даром воспроизведения реального мира в рисунке и цвете истинный художник не может бездумно, без участия собственного сознания, собственной личности эксплуатировать этот дар. Он устремлен к тому, чтобы из избранного им материала творить свой образ мира, порождать новые смыслы. Ведь человек — микрокосмос, он так же бездонен, как и большой Космос. И высказывание художника — это след его пребывания в мире.

«...Любой художник, — говорит Райшев, — всегда делает выбор: или быть ремесленником, или быть живым творцом этой материи из красок... Я избрал второй путь. И пред-

полагаю, что и мой зритель сам должен быть творцом и должен догадываться, жить в картине, уметь воспроизводить в своей памяти нечто...»

Художник ясно и определенно высказывается за совместное творчество со зрителем, и принципиальная нефотографичность его картин дает для этого неисчерпаемые возможности. Когда картина задевает зрителя какой-то загадкой, она побуждает его к духовной активности, и это становится мощным стимулом к творческому контакту. Начинается интенсивная работа души зрителя, попадающей в резонанс с душой художника.

Рассуждая о собственных работах, художник смотрит на них несколько отстраненно, свежим взглядом и зачастую не дает определенного ответа на вопрос собеседницы.

— Здесь лес? — спрашивает она.

— Не лес, а, скорее всего, трава.

Или вот еще характерные высказывания: «Женщины что-то делают, возможно, косят...», «видны стога, работники, занимающиеся какой-то деятельностью». Получается, что художник ведет одновременно два диалога — с собеседницей и со своей картиной, открывая в собственной картине нечто новое, чего не видел в ней раньше. Становясь пытливым зрителем собственных работ, он дает глубинное прочтение живописных и графических «текстов», приближаясь в нем к бесконечному, запредельному.

«Беседы» стали еще одним подтверждением открытости Г.С. Райшева как творческой личности, на них, как и на его картинах, лежит повсеместно отпечаток автобиографичности. В книге много житейски-событийных подробностей: вспоминаются мгновения детства, дома родной деревни, люди, среди которых жил полвека назад и еще ранее, многочисленные уголки природы в различных их состояниях. От первой до последней страницы «Беседы» пронизаны мягким лирическим светом.

Но здесь же и выстраивается история исканий художника, непрерывного движения его духа. Свидетельство ин-

тенсивности этого поиска — постоянно обновляющаяся и подробно описанная в третьей части книги экспозиция в зале на втором этаже, где Геннадий Степанович работает. А пишет он быстро, не откладывая воплощения нового замысла, так как считает это качество — мобильность — очень важным для творческого человека. Следовательно, непрерывно создается новый материал для зрительского размышления и художественного освоения.

Невозможно в краткой статье коснуться всех существенных сторон «Бесед», но нельзя не сказать о языке книги. Созданная из аудиозаписей живой речи, она требовала тонкой «переводческой» работы, которая, с одной стороны, сохранила бы интонационное богатство (ведь в интонации тоже содержится немало информации), а с другой, обеспечила удобочитаемость текста и адекватное восприятие читателем его содержания. Л.Г. Лазарева вполне справилась с этой задачей, в книге высветились высокая мыслительная культура художника, богатство и простота его речи, ценитель народного слова найдет в ней немало ярких местных словечек и фразеологических оборотов.

Л.Г. Лазаревой выполнена и еще одна важная работа, поднимающая ценность книги: составлены тематико-экспозиционные планы-каталоги и хронологические каталоги представлявшихся на выставках в галерее-мастерской живописных и графических работ, и каталог живописных работ, созданных в Ханты-Мансийске в период с 20 декабря 1996 г. по 15 мая 2002 г.

Сама склонная к философскому осмыслению действительности, Л.Г. Лазарева не ограничилась фиксацией шагов творчества Г.С. Райшева, а помогла ему высказаться. При ее содействии в «Беседах» высвечен огромный духовный опыт творящего человека.

После прочтения книги становится очевидным, что галерея-мастерская Г.С. Райшева прошла период становления в качестве учреждения, исследующего процессы творчества. То, что получилось в результате шестилетней рабо-

ты, Л.Г. Лазарева характеризует так: «Благодаря художнику галерея-мастерская... не является застывшим музейным учреждением и не является в то же время сосредоточенным на самом себе авангардным культурным объектом, без конца производящим спецэффекты. Здесь отсутствует шумная помпезность, внешняя суета, бросающаяся в глаза. Атмосфера почти домашняя. Жизнь протекает вполне размеренно и спокойно. Активность проявляется только в творчестве. И этим богатством художник может поделиться со зрителями, в том числе и с помощью «Диалога»...».

Совместную с художником работу над книгой автор-составитель подытоживает со свойственной исследователю добросовестностью в заключительной статье «Художественное обобщение как способ отражения и освоения мира: эскизные заметки об изобразительном языке Г.С. Райшева после диалога с художником». В ней проанализирован итог последовательной трудоемкой работы, в конце которой была достигнута намеченная цель. Книга приоткрыла завесу над тайной изобразительного творчества. Но тайна остается. Источник творчества — безграничная душа художника — не поддается «переводу», она неизмерима, неисчислима и неуловима.

В. Константинов

Л.Н. Сладкова

«Фигурки сидящих человечков» (Психосемантическая зарисовка)

Находки подобных вещей связаны с ареалом Нижнего и Среднего Обь-Иртышья и характерны для IX–XII веков. Одна из самых больших коллекций происходит с Барсовой горы. Их интерпретация связывается или с топографией находок, или с обликом фигурок [Терехова, Широков, 1986; Зыков, Кокшаров, Терехова, Федорова, 1994; Адамов, 1999]. Мне же захотелось почувствовать их, побыть в состоянии мастера, чтобы ответить из собственного внутреннего опыта на два сразу возникающих вопроса: «что это?» и «зачем?» Они давно привлекали мое внимание и действительно поражают воображение. В нашем музее тоже есть небольшая коллекция глиняных фигурок с разных мест Тюменской области. Я решила попытаться сделать с них копии. Оказалось, это не так просто, даже имея перед глазами образец. И нужно набить руку, прежде чем выйдет задуманная форма, пусть самая простая, в виде «седёлка». Еще важный штрих — за один присест можно изготовить не больше одной-двух фигурок. По времени это занимает 1–1,5 часа. Работа проходит в три этапа: изготовление формы, нанесение рисунка, сушка и обжиг.

Создать образ очень трудно. И я согласна с теми, кто отбрасывает идею детских игрушек. По крайней мере, вряд ли их лепили дети.

Если эти фигурки и предназначались для детей, то их делали взрослые и с какой-то определенной целью. Дети играют только в то, что им нравится. И стремятся к многочисленному повторению понравившегося. Среди фигурок же нет двух одинаковых. Хотя бесспорно какие-то из них могли быть и игрушками.

Все имеющиеся в моем распоряжении по публикациям и из наших фондов фигурки можно разделить на три основных типа. **Первый тип** представляют фигурки с птицеобразной головой. Я их назвала «птичками». При их лепке мысли исчезают, и возникает состояние полной сосредоточенности на процессе. Нет ничего, кроме того, что я делаю. Все мирское отходит в сторону. Я — само делание. Мое сознание захвачено настолько, что меня почти нет. Я и эта «птичка» — одно. У многих людей они вызывают «неприятные чувства»: «не нравится», «отталкивает», «страшно», «курицы в шубах», «с ними связана ночь, костер на ветру, осень, холод» — вот самый краткий перечень отзывов-впечатлений.

Второй тип, самый многочисленный, представлен антропоморфными фигурками. Я называю их «человечками». Их лепить очень легко, даже весело. Ощущения детские, когда играешь с куклами, наряжаешь их во всякие наряды. Здесь мысли витают вокруг одежды, внешнего облика, визитной карточки. Это мир людей, мир общества, где встречаются по одежке. Это мир человеческих взаимоотношений. Эти фигурки нравятся всем, и, когда предлагаю потрогать руками, взять в руки, обычно берут их. Они вызывают ощущение родства, близости, своего. Иногда над ними шутят, они всегда вызывают улыбку узнавания. «Человечки» в свою очередь видятся как «бабы» и «мужики». Практически все люди называют фигурки без ног женщинами: «это женщина», «баба», «наверно, женщина, она мягче, разрисована по-женски», «похоже на женщину; она дома сидит, а мужик — охотник, добытчик, ему ноги нужны». Фигурки с ногами однозначно ассоциируются с мужчинами: «ну, это мужик», «конечно мужчина, наверное, даже вождь ихний, бляха на груди», «силой

вееет». Ольга Александровна Кошманова, манси по национальности, назвала их «богатырями».

Третий тип представлен фигурками, украшенными абстрактным орнаментом, чаще всего солярным или геометрическим меандровым. Такие фигурки не имеют выделенной головы, хотя иногда на них нанесены личины. Они лепятся с особым чувством творчества, как будто я делаю что-то значительное, вкладываю нечто, что будет иметь продолжение, как бы кодирую некую информацию, которая должна развернуться. Ощущение наполненности какой-то тайной. Я называю их «солнечными девами». Люди при их созерцании испытывают в основном чувство тепла, приятия, особенно тех, которые несут на себе солнечные символы (концентрические круги, спирали), и простые геометрические фигуры. Их сразу берут в руки и начинают разглаживать пальцами, зажимать в ладошке. По отношению к фигуркам со сложными меандровыми узорами либо высказываются чувства недоумения, удивления, либо их обходят молчанием. Отзывы, как правило, такие: «ничего не чувствую», «не знаю», «странное что-то, тут надо думать», «что-то сложное, это надо посидеть, подумать». То есть они требуют ментального напряжения, они связаны с областью идей, скрытой закодированной, сакральной информации.

Все эти группы фигурок объединены одной особенностью: изображенные сидят, слегка откинувшись на предполагаемые локти. Складывается впечатление, что подняться им трудно, руки заняты или спрятаны, или связаны, или их нет. И действительно, руки показаны на редких экземплярах. Чаще же нет ни рук, ни крыльев.

Четвертый тип представлен пока одной фигуркой, стоящей вертикально на ногах. Она очень напоминает мне деревянные скульптуры с этнографических хантыйских святилищ, изображающих «ыки», «хозяев», покровителей местности.

Исходя из таких разных состояний при изготовлении и созерцании рассматриваемых глиняных фигурок, я пред-

полагаю, что они служили для разных целей. Учитывая мифологичность средневекового мировоззрения, эти цели были магическими. И каждая фигурка была призвана помочь в управлении какой-то частью человеческого мира. «Птички» могли напоминать о бренности жизни, о неведомом, бесконечном и вечном вокруг пятачка земной человеческой жизни, ведали пограничными состояниями между жизнью и смертью, вели душу человека из мира людей в иной мир. «Когда я умру, черным вороном полечу», — говорится в одной из священных хантыйских песен [Молданова, 1999. — 135].

«Человечки» наверняка выполняли много функций в повседневных мирских отношениях, начиная от «разборок» между людьми и заканчивая взаимоотношениями с богами и духами: они могли участвовать и в колдовстве, и в обрядовой магии, связанной с жизненным циклом, и быть предметами жертвенных отправлений. Какие-то из них, может быть, служили моделями одежды и даже игрушками. Не стоит отвергать и просто творческого импульса. Человек изображал себя во все времена и во всех видах, формах и материалах. Наверное, это единственное существо на Земле, которое само творит свой Образ и глядится в него, как в зеркало. Возможно, этот культ несет на себе и след процесса национального самоосознавания, который выразился в мифологии и глиняной пластике «богатырской» темой.

Абстрактные фигурки, на мой взгляд, отражают передачу тайного знания, до нас не дошедшего или пока еще не востребованного.

Список использованной литературы:

- Адамов А.А. Глиняная антропоморфная фигурка из Прииртышья//Обские угры. — Тобольск—Омск, 1999.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.Н., Федорова Н.В. Угорское наследие. — Екатеринбург, 1994.
- Молданова Т.А. Орнамент ханты Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. — Томск, 1999.
- Терехова Л.М., Широков В.Н. Глиняная культовая пластика Рачевского археологического комплекса // ВАУ. 1986. № 18.

Музей книги в Тобольске

В мае 2003 года исполнится пять лет нашему Музею книги. Идею впервые подал тобольский краевед Б.О. Эристов еще в 80-е годы, а в 1998 г. по инициативе председателя фонда «Возрождение Тобольска» А.Г. Елфимова, директора Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ТГИ-АМЗ) А.В. Малышкина и главного хранителя фондов А.П. Моргулис началось создание музея. В здании бывшей пожарной каланчи на площади в 80 кв. м разместилась экспозиция, отражающая историю книжной культуры Сибири, ведь сибирское книгопечатание зародилось именно в Тобольске, здесь издавался первый сибирский журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» и распространялся в 34 городах Урала, Сибири и Центральной России.

В музее можно познакомиться с интереснейшими изданиями, которые раньше принадлежали библиотекам Тобольской духовной семинарии, главного народного училища. Представлены книги кирилловской печати.

Второй зал музея — это «кабинет-библиотека» Алексея Степановича Суханова, видного тобольского общественного деятеля, члена IV Государственной думы, создателя первых библиотек города. Часть библиотеки Суханова сохранилась, в частности — книги по истории, естественным наукам, издания на иностранных языках.

В кабинете воссоздана атмосфера второй половины XIX века. Великолепная экспозиция, уютная обстановка, приветливость сотрудников привлекают посетителей. Здесь проводятся литературные вечера. С момента открытия музея в нем побывало более 8 тысяч человек, среди них и известные сибирские писатели.

К 18 мая 2003 года готовится реэкспозиция первого зала музея. Заказаны новые витрины, которые обеспечат все необходимые условия хранения и экспонирования книг.

Первый филиал ТГИАМЗ — Музей книги — находится в исторической части Тобольска, на улице Ремезова, в доме № 7.

Н.А. Мурашова, заведующая музеем

Голос издалека

В.А. Косихин. 1984 г.

Нашим читателям уже мало знакомо, а то и вовсе незнакомо литературное творчество Валерия Андреевича Косихина (1946–1986), хотя он родился и вырос в Ханты-Мансийском округе и много писал о родных местах.

Нам удалось узнать адрес вдовы писателя и хранительницы его архива Галины Леонидовны Косихиной, и мы обратились к ней с просьбой прислать для публикации произведения мужа. Вскоре пришла бандероль с несколькими рассказами (два из них напечатаны в этом сборнике) и материалами к биографии В.А. Косихина.

Вот что пишет Галина Леонидовна:

«Родился Валерий 5 декабря 1946 г. в с. Болчары Кондинского района. Предки его по отцу и матери — челдоны. Прадед по отцовской линии был сотником казацкой сотни. Дед был репрессирован, потом реабилитирован, отец воевал в 1941–1945 годах — в общем, семья Валерия прошла путь обычной русской семьи.

Года в четыре Валера заболел туберкулезом позвоночника, первый класс окончил в госпитале прикованным к постели. В детстве много читал, тогда ведь были хорошие районные и сельские библиотеки, и уже в 13 лет знал, что будет писателем, и готовился к этому: писал стихи и прозу, развивал наблюдательность, выпускал школьные газеты, вел литературные вечера, с девятого класса был внештатным

корреспондентом кондинской районной газеты «Ленинская трибуна».

В 1964 году он закончил Леушинскую школу-интернат с золотой медалью и стал работать в редакции «Ленинской трибуны». Менее чем через год перешел в «Тюменский комсомолец», потом поступил на журфак МГУ. По окончании его работал в московских газетах, в областной тульской.

Изданы его книги «В самом начале жизни», «Ямальские очерки» на русском и английском языках, «Последний рейс». Повесть «Самосуд» издана в Венгрии. В издательстве «Современник» находилась еще одна рукопись, но она не издана из-за того, что издательство было приватизировано, издательские планы рассыпались, а рукопись пропала.

В Союз писателей Валерия приняли в 1985 г. Рекомендацию дал Иван Стаднюк, который по-отечески любил его и ценил как молодого прозаика».

Приводим также присланный Галиной Леонидовной отзыв Михаила Алексева.

Валерий Косихин начинал свой творческий путь в Туле. После окончания МГУ имени М.В. Ломоносова он работал корреспондентом областной газеты «Коммунар», писал о тружениках Нечерноземья, проблемах сельского хозяйства. В многочисленных поездках по Тульской области, часть которой во время Великой Отечественной войны пережила краткий, но жестокий период оккупации, он сталкивался со следами бывших по-

Эти ребята (В. Косихин — второй слева в первом ряду) стали героями повести «Опорный». Леуши, учхоз «Юность»

жарищ и трагических изломов в человеческих судьбах. Может быть, где-то в одной из командировок по сельским дорогам ему и пришла идея повести «Тихая бомба». С этим произведением молодой прозаик был делегирован в 1975 году на VI совещание молодых писателей в Москву. Он был в семинаре, которым руководили я и Иван Стаднюк. Психологический сюжет его произведения, бытовая житейская достоверность, свобода образного мышления обратили к повести наше внимание. И об авторе из Тулы я сказал несколько теплых слов в заключительном докладе по итогам совещания: помнится, он был в числе открытий VI Всесоюзного. И теперь, через десять с небольшим лет, приятно убедиться, что мы не ошиблись в своей поддержке молодого прозаика. Валерий Косихин уже состоялся как серьезный, думающий писатель.

Его первая книга повестей и рассказов «В самом начале жизни», целиком написанная в Туле, после VI Всесоюзного совещания была издана в «Молодой гвардии». Она нашла положительный отклик у широкого читателя и в журнальной критике, была признана лучшей книгой молодого писателя в 1977 году и отмечена премией издательства и ЦК ВЛКСМ.

В творчестве Валерия Косихина сошлись две одинаково близких для этого прозаика темы — Сибирь и среднерусское Нечерноземье. Его герои живут и работают то в Сибири, то на берегах Оки и в селах, городках Подмосковья. Объясняется этот географический разрыв или сплав — как ведь посмотреть — тем, что родился и вырос писатель на севере Тюменской области, а живет и работает теперь в Центральной России. Ему близки суровые характеры Сибири, он понимает душу хлебопашца.

ДИПЛОМ

ДИПЛОМ
 КОСИХИН ВАЛЕРИЙ КОСИХОВИЧ
 ЗА ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ «В САМОМ НАЧАЛЕ ЖИЗНИ»

Секретарь
 [Подпись]

Белая река

— Все! — сказал Славка. — Все-е-е!

Подвесной лодочный мотор «Вихрь» чихнул последний раз и замолк, с облегчением отдавая пространству жар своего разгоряченного стального тела. Кончился бензин. Но странно то, что, когда «Вихрь» чихнул и умолк, Славка Краев тоже словно облегчение почувствовал. Он встал в шлюпке во весь свой жердинный рост и, дурачась, радостно заорал на всю реку:

— Все-е-е! Приехали-и-и! — хлопнул мотор по горячему кожуху, пнул пустой бачок и спокойно уселся на корме. Только потом огляделся.

Деревушку Чантырья он уже пролетел. С правой стороны медленно уплывал яр с одинокими молодыми сосенками. Река в этом месте делала крутую гибкую петлю, запутываясь левым берегом в темных кустах тальника. Это был Кордон, место, где раньше на яру стояли эстакады и громоздились штабеля леса; по весне эти штабеля, бешено грохоча, валялись в воду, чтобы под дружным напором десятка багров и оголенных потных мужицких тел превратиться в плоты.

Кордон — значит до Назарова добрых четыре километра по воде. Можно было сесть за гребни и ускорить путешествие, но Славка не хотел. Конда течет вниз, к дому, вот она пусть и тащит. С божьей помощью к началу утра доволокет.

Славка прикурил «беломорину», выдохнул два раза шумно и стал любоваться уловом. В ящике в носу шлюпки матово и мокро-глянцево светились тела шук, лопатистые язи, крупный и мелкий чебак, окунь... — всего ведра на три будет. Конечно, можно было и не тащиться за шестьдесят верст, не жечь прорву бензина — такой улов можно было взять и рядом с поселком, но Славке Краеву рядом с Наза-

ровом вертеться не хотелось. Скучно ему рыбачить рядом с Назаровом.

Славка пробрался на нос, запустил руку в ящик с рыбой. Рука у него молодая, горячая, и рыба ответила на ее жар холодным трепетом скользких тел.

— Вот так, вот так... — буркнул парень, поднял голову и только сейчас заметил, что день уже укатился и вечер вот-вот завязнет в своей собственной сумрачной духоте. Лодку медленно тянуло мимо крутого яра Кордона. Яр изгибался полумесяцем метров на триста, и пока течение нехотя одолевало вместе с лодкой эту дугу, вечер уже запал за дальним левобережным лесом — наступила ночь. А вместе с ночью, как это бывает на Севере, сгустились сырость, туман и прохлада. Славка ощутил холодок под легкой рубахой, вздрогнул крупно — полез за стеганой ватной фуфайкой.

Справа доплывал Кордон, его песчаный берег еще мерцал в ночи. Левый берег проглядывал смутно и разорванно: густые провалы луговых промоин и слабо прочерченные пунктиры кустов. Глухо просвистела крыльями кряква, села где-то за кустами и закричала хрипло, раздумчиво в перерывах своей предсонной возни. Ночь.

Быть может, странная это была ночь. Быть может, она таила в себе нечто. Иначе чем объяснить, что восемнадцатилетний Славка Краев вдруг затих в своей лодке, задумался, забоялся чего-то.

Вот ушел назад в темноту Кордон. Но почему-то слово это, название места этого застряло в голове парня, тревожа там какую-то нервную точку... И тут вспомнились ему рассказы стариков.

В известные времена, рассказывали старики, пришел откуда-то в тайгу матерый человек по имени Назар. Никто не знает, что пригнало его сюда, на глухую таежную речку. От каторги ли бежал, от хозяина ли злого, от горя ли житейского? Известно только, что пришел он через Урал и из всего скарба принес с собой полушубок да ружье доброе с провиантом богатым. Пришел и поселился на крутом яру, где потом плотбище, эстакада возникла, а сейчас

нет ничего, осталось только название от плотбища — Кордон.

Могучий, видать, мужик был: один вымахал себе избу из комлей кондового леса, что стоит обычно только по сухим высоким увалам — такое дерево огреешь обухом топора, так оно потом еще с час звенит сухо и гулко. Поставил избу, сплел из тальника вентера для рыбалки и зажил мрачно, одиноко, молчком.

Говорят, потом и баба у Назара объявилась. Не то у остяков местных купил, не то в лесу чуть живую подобрал. Была она вдвое меньше и втрое суше Назара, забитая баба, бессловесная. Бил ее Назар, сказывают, смертным боем. Только кто может знать об этом — в округе на сто верст человека не сыскать было в то время. Была у Назара и собака по кличке Полкан, ростом с теленка, злой пес, умный и крепкий.

Ранними утрами редкие ходоки-лодочники видели на плесе под яром могучего Назара с ледащей бабенкой безымянной — видели, как тягают два молчальника тяжелый невод, — и старались скорей проскочить это место... Обычно молчал Назар, но пугал местных людишек горячим взглядом из-под закуржавевших инеем бровей.

Потом бабенка та исчезла, померла, видать. Никто не знает, горевал отшельник после смерти ее или нет. Но с тех пор рыбачить он стал со своим верным Полканом. Приспособился старик. Сам на лодке-осиновке невод по воде водит, а Полкан в нехитрой сбруе по берегу упирается. Дивились остяки на такую штуку и по темноте своей лопотали опасно:

— Ой, паря, паря! Назарка на черном духе рыбка ловит. Шаман Назарко, однако.

Прошло несколько лет, и Полкан, видать, помер. Помер Полкан, и Назар исчез, ровно и не было его в местах этих диких. В воду ли бросился, ушел ли куда — никто не знает. Только избушка его кондовая долго еще пугала местный люд. Потом и избушка пропала — словно черт языком слизнул ее. Чудо.

Вспомнил Славка Краев легенду эту, и жутко ему стало, жутко и сладостно от такой жути. И неожиданно для себя затабанил он гребями, развернул лодку и быстро, мощно погреб назад, к уплывшему в темень Кордону. Догреб до середины яра, бросил весла, затих, напряженно вглядываясь в смутное мерцание высокого песка. Взгляд его нащупал на высоте что-то черное, комлистое. И представилось ему сразу, что там вверху сидит на пне могучий старик Назар. Плечи в сажень, шея — как два бурых сросшихся корневища кедровых, глаза волчьи и печальные. О чем-то думает Назар? О чем? О жизни ли прошлой, о бабе ледащей, о Полкане ли верном? Сутулится в тяжких думах шатун рода человеческого, и вот уже взгляд у него не дикого волка, а обездоленной лесным пожаром белки. Вот подымается Назар с последнего места своего на этой земле, разворачивает медвежье тело свое и грозит кулаком вечной ночи, которая сомкнулась над ним, поглотила его:

— Будь проклята, ночь, будь проклята!

Брр! Вздогнул от этого крика Славка Краев, протер зацепеневшие глаза. И что это чудится странное? Всплеснулась у левого лугового берега рыба — язь перевернулся во сне на правый бок. Славка схватился за весла и бешено забурлил водой, погнал лодку так, что сразу вспотел. Чудом не врезался в проплывающий топляк, только это и отрезвило его, прогнало страх. Топляк напомнил о моторе, и он с радостью захопотал по хозяйству: стал отвинчивать «Вихрь», снимать его с подвеса и укладывать в лодку — неровен час винт изуродуешь, тогда хоть домой не возвращайся.

Потом Славка греб уже спокойно, размеренно, до боли в зрачках вглядываясь в темноту, чтобы держать посередке реки, не выскочить на берег. Для этого он часто наклонялся, стараясь снизу поймать почти неуловимую черту, где ночь земли стыкуется с ночью неба — в этом месте еле угадывалась мутная светящаяся полоска... Но в темноте было трудно ориентироваться, и скоро ему надоело грести — бессмысленно работать, не видя результата. Вся природа, весь мир вокруг жил ночью и для ночи, и Славке Краеву казалось, что и его весельная работа тоже всего лишь дань ночи.

Он поднял весла и отдался течению Конды, полагаясь на ее извечную целеустремленную мудрость. Долго он плыл так, бездумно оцепенев на корме шлюпки.

Потом задремал, почти уснул. Но что-то вдруг растревожило его. Он открыл затяжелевшие глаза и ахнул... Ночь стала белой. Черная река стала белой. И главное — белота эта была движущейся. Белая мятущаяся туча чего-то живого трепетала впереди, по бокам, вверху над ним и позади лодки. Тучу несло, вихрило, она возникала отовсюду и из ничего, она медленно в безуспешном движении вверх и вдаль оседала на воды реки, на лодку, на самого Славку. Оседая на Славку, эта белая туча билась по лицу, щекотала ресницы, губы, трогательно гладила волосы, кожу... Это показалось сном. Краев попробовал закрыть глаза, но сон был не в нем, сон этот жил и существовал вне его, в окружающем мире.

А белая туча все шла и шла, все в том же сказочном безгласном, но живом трепете — она казалась мягкой и теплой. Так оно и было в действительности. Ведь это летели мириады белых мотыльков. Их родила молчаливая летняя ночь. Требовалось несколько месяцев подспудной родительской работы природы, чтобы из незаметных для слепого глаза человеческого личинок-точек вспыхнули эти белые крылышки, чтобы они расправились, снялись с берегов, из травы, лужиц, кустарников, сорвались в мир и полетели... А куда лететь им? А для чего полет их? Они не знают. Не знают они и того, что жить им один миг всего — ровно столько, чтобы сняться с берегов, пролететь несколько метров и опуститься на воды реки. Об этом знает лишь природа. Об этом знает лишь ночь, которая рождает их в себе и для себя и поглощает их в себе. Такое бывает единственный раз в году, в единственную июльскую прохладную ночь.

Редкому человеку удастся увидеть этот неповторимый хоровод трепетного порыва жизни и обреченности.

Славка понял, наконец, что белая пурга в летней ночи — это туча белых мотыльков. Он вспомнил, как в детстве пытался подстеречь вот такую ночь, когда река становится белой от падающих обреченных на час жизни мотыльков. Це-

лую неделю выезжал он тогда ночами на реку, но все равно прозевал. Не выдержал еще одной ночи, и тогда все и случилось. И о случившемся он узнал лишь утром, когда река понесла на своих ленивых водах замершие неподвижные созвездия белых снежинок-мотыльков. Вспомнил это Славка Краев и затрепетал, может быть, впервые в жизни от ясной и сладостно-ощутимой радости: вот оно! Случилось!

Он запрокинул голову, подставив лицо теплomu снегопаду, и замер в переживании острейшей нежности, которая через кожу лба, щек, губ проникала в грудь и в сердце — до самых глубин души. Мотыльки падали, трепыхали крылышками и остывали, умирая. Но так велик был поток их, так бесконечно было тепло этого потока!.. Краев опустил обе ладони за борт и в мягком потоке уходящей воды тоже, казалось, ощущал это тепло.

А ночь мерцала белой жизнью, ночь светилась от белого движения мгновенной жизни. И река, на которой вырос и провел восемнадцать беззаботных лет Славка Краев, впервые для него была белой, вся белой.

Может быть, для того и рождались мириады беспомощных существ, чтобы сгореть в одно мгновение, сгореть и осветить темноту, высветить в ней и реку, и берега, и небо... и пробудить хоть в одном человеке пусть невнятные, пусть мимолетные ощущения радостной горькой борьбы между рождением и смертью. Кто знает... Но как же бессмысленно тогда проклинать ночь и грозить ей кулаком с призрачных берегов старой ушедшей жизни!

— Ого-го... Рыбак! Рыба-а-ак!

Славке чудилось, что кто-то кричит, кто-то зовет его хриплым громовым голосом. Голос этот прорывался сквозь белую ночную метель, которая все еще виделась ему, хороводила вокруг...

— Вот черт! Салага! Вставай!

Славка вскочил, очумело продирая глаза. Ударился головой обо что-то железное, высокое, и только от боли очухался; определил, что рядом с ним борт катера. Задрал голову — вверху стоит полосатый мужик, насмешливо лыбится во

всю морду и никак не может остановиться в зычном реве:

— Ух ты! Ну-у! Во дает!

Рядом с ним женщина, молодая совсем и тоже в тельняшке, в брючках.

— Проснулся, милашка... — пропела женщина.

Славка никак не мог окончательно прийти в себя: только что была ночь, белая метель мотыльков, белая река, голос Назара с высокого яра у Кордона — и вдруг катер, люди, яркое солнце... Видать, уже покатилося утро.

— Где я, мужики? — спросил он растерянно.

— Взят на абордаж, — мужик в тельняшке хохотнул, покосившись на женщину.

— Между Мулымьей и Назаровом, — ответила женщина. От такого сообщения Славка ахнул.

— Здорово ты, браток, нарезался. Сколько баночек раздавил?

— Брось ты, Петро, — пропела женщина. — Трезвый он вовсе. — Женщина рассмеялась, и снизу Славке хорошо было видно, как заходил в смехе ее молодой, обтянутый тельняшкой живот.

— В Назарово мне надо. Проскочил сдуру.

— Самосплавом, че ли?

— Ага, бензин кончился.

— А-а... бензинчику сейчас подкинем, мы люди не гордые.

Славка заправил бачок бензином, бросил на палубу катера пяток замлевших на солнце щук. «Вихрь» взревел безотказно и радостно, как застоявшийся конь.

— Ну, покедова, крабы!

Через минуту он оглянулся. Катеристы стояли все так же у борта, и повариха, кажется, все еще смеялась тихо и певуче.

Навстречу стремительной шлюпке, навстречу Славке Краеву мчался новый молодой день. И Славка Краев был молод, и в быстром полете лодки думались ему молодые думы: в основном о веселой поварихе, как томительно ходил в смехе ее тугой молодой живот.

Урвант

1.

Теплоход долго не мог оторваться от пристани. Уже несколько раз белобрысый матросик-практикант крутил ручку лебедки, и несколько раз трап описывал дугу над головами пассажиров; лебедка звонко трещала, отпугивая зазевавшиеся головы, трап почти ложился на палубу, как кто-нибудь еще появлялся, махал руками, истошно кричал:

— Сто-ой... э-эй, давай трап!

У самого борта на берегу двигались деревенские девки с влажными губами: кто в яркой нейлоновой куртке, а кто в привычной стеганой фуфайке. Из матросских кубриков выскакивали их подружки, мятые, с еще не остывшими шальными глазами, впопыхах прощались с кавалерами и прыгали на берег... Иную девку останавливали в толпе на палубе, обнимали, хлопали по грудям и заду, звучно шутливо чмокали. Все кругом кричали, толкались. И казалось, теплоход никогда уже не отчалит от пристани: так прочно он был связан с берегом. Команда успела перезнакомиться со всей деревней, узнать ее дела и заботы, разговоры и пересуды, перелюбить свободных и несвободных (кто знает) баб и девок. И трудно было теперь порвать это бесшабашное родство, возникшее за те несколько дней, что теплоход стоял на аварийном ремонте в Болчарах, а может, и раньше, когда старенький ВТТ-1 пришел за льдами Конды, когда курсанты Тобольской речнухи ошеломили берег мичманками с запретными «крабами», молодостью и шпанистой лихостью. Может, тогда в первый раз выскакивали из матросских кубриков эти девки с шальными глазами. И тогда они, может, думали еще о серьезном, о верном, и глаза их трепетали в тоске при отвальном гудке...

Наконец, берег отпустил, и теплоход нехотя отвалил, отчуждая улыбки, смех, крики пристани. Палуба быстро опустела. Ни грустных взглядов, ни взмаха платком, ни сожалений — словно никто и не уезжал, никто и не прощался.

Захотелось курить. Бухов вспомнил, что выбросил за борт пустую сигаретную пачку и спустился вниз. Из буфета пахло

кислятиной, из коридора лаком, из откинутого люка третьего класса мешками, потом — все вместе сливалось в тяжелый дух неустроенности, временности, суеты. И была эта суета не праздничная, не возвышенная, когда люди едут отдыхать, а повседневно-обычная. И трудно было представить здесь, на Севере, что-либо другое: громадный рабочий край ездил, чтобы работать, из трудовой необходимости... Бухов понимал это обстоятельство, но все равно сожалел, что спустился с верхней палубы. Настроение резко упало. Впрочем, ему было знакомо это чувство: едешь куда-нибудь в командировку... с планами, замыслами, ожиданиями интересных встреч — и вдруг увидишь себя в каком-нибудь заплеванном тамбуре, пыльном автобусе... и придет этот холод, от которого все сжимается внутри, инстинктивно пытаешься защититься от него, сохранить остатки душевного тепла. Бухов боялся этого чувства, потому что в такие моменты ощущал в себе пустоту, за которой приходили бессилие и презрение к себе.

Чернявая бабенка торговала вермутом, печеньем и беломором. Бухов выпил стакан вермута. Вермут оказался скверным: от него несло пережженным сахаром, и уже в горле он разлагался на спирт и подкрашенную водичку. К тому же промокал бумажный стакан, и буфетчица посоветовала:

— Пейте поскорей, а то стакан раскиснет, я знаю.

— Это уж точно, раскиснет, — усмехнулся Бухов.

— Нет, правда... А при чем тут я! — вскипятилась вдруг буфетчица. — Вы нашей базе жалуйтесь. Просишь, просишь перед рейсом: дайте продуктов... яблоков там... колбасы... не дают. А на базе гниет, гниет на базе!

— Это уж точно, гниет...

— Не верите?! А вы жалуйтесь, не-ет, вы жалуйтесь! Вот книга... А при чем тут я!

«С чего это она психует? — раздраженно подумал Бухов. — Ведь не знает меня, а приняла за какого-нибудь начальника, тьфу ты черт!»

Но пора было устраиваться, и Бухов направился к окошку кассы. Кассирша была молодая спортивного типа женщина, с уверенными оценивающими глазами. Бухов оглядел в окошко

уютную комнатку кассирши и подумал, что кассирша — походная жена капитана теплоходика. Вокруг нее вертелись двое матросов-практикантов, это подтверждало его догадку: «Есть в ней что-то от жены полкового командира», — усмехнулся он. Билетов во второй класс не оказалось, а лезть в трюм не хотелось, и Бухов спросил первый класс. Пришлось представиться — потому что и первого класса «не было».

— Вы из области?.. Тут у нас уже едет одна корреспондентка. Пожалуйста, билетик.

— В какой она каюте? — Бухов прикинул, кто бы это был, но тут же представил, как скучно встречаться в командировке со своим братом, особенно с женщиной, начнет восторгаться Севером: «Знаете, все так необычно, и люди здесь суровые, сильные... Я вот встретила один характер...»

— Нет уж, увольте от коллег. — Бухов решительно махнул рукой.

— Вот всегда вы так друг с другом, — кокетливо поддержала женщина. — А интер-ресный народ корреспонденты. Вот в прошлом рейсе один...

В каюте пахло старыми матрацами, окурками, желтой водой из графина, дверь не запиралась, не было ключа. В Урвант, где должен был находиться рыбацкий стан, теплоход пришел ночью. Пристани там не было. Бухову пришлось договариваться с капитаном, чтобы там все-таки сделали остановку. Он закрылся на ключ, который отыскала кастелянша, погасил свет и растянулся, не раздеваясь, на диване. Хотел уснуть, но не смог: за стенкой хихикали, в коридоре хрипело радио, шаркали мешками, чемоданами... — неприятные звуки терзали нервы. И Бухов стал думать, что вот уже три года не был в отпуске, а все это время командировка за командировкой, бездомная в сущности жизнь, ни разу не пришлось поехать просто так, без задания... А хорошо бы на красивом теплоходе, где ресторан, кино, музыка, удобная каюта, элегантные беззаботные женщины — и плыть по большой реке. Бухов вздохнул в темноте, растравившись такими мыслями.

Уснуть Бухову так и не удалось. А ночью он стоял на корме и смотрел, как два матросика-практиканта спускают

шлюпку. Шлюпку раскачивало на волне, мотор не заводился, практиканты проклинали Урвант, к которому нельзя пристать теплоходом, и корреспондентов, которых тут черт носит, — при этом они казались уже настоящими матросами.

Бухов вглядывался в сырую темноту ночи. Берег не угадывался, и даже рука прожектора не могла ухватить его. От широкого разлива веяло морем. Было глухо, жутко и не хотелось никуда двигаться.

2.

Некоторое время слышался шум уходящей моторной шлюпки, но скоро ночь поглотила его. Долгое время видны были огни теплохода, но и они, наконец, исчезли за каким-то высоким берегом крутого поворота реки. Бухов остался один. И хоть ноги его промокли при неудачной высадке из шлюпки и зябли, чувствовал он себя неожиданно хорошо и покойно. Он не спешил к брезжущим вдалеке домикам. Там спали люди, а ему не хотелось будить их.

Ночь была... просто хорошей ночью. И Бухов подумал, что вот таких ночей у человека бывает мало. Почему так получается, ему не хотелось сейчас размышлять. «Мало ли что, суета...» — ответил он себе и стал вживаться в окружающее, в ночь. Зрение его обострилось. И он увидел, как разнообразна ночь по цвету. Внизу, над землей и водой, высотой в человеческий рост, она мутна и белеса. Выше, и особенно вдали, на угадываемой линии горизонта, она почти прозрачна и, кажется, таит в себе зачаток нового дня. А высоко над запрокинутой головой, в звездных водорослях неба, она по-настоящему темна и глубока. Слух его проснулся. И он услышал мириады раз повторенное комариное попискивание — казалось, голоса этой беспокойной тучи мириадами больных иголок впиваются в воздух. В ближней лайдочке возился шилохвост, и его мажорный глас выходил на этот фон одиноким густым аккордом. Почти неуловимо, в соприкосновении, скрипела перестоявшая осока. И за спиной всхлипывал разлив.

Кожа его дрогнула от полузабытых ощущений, от мягкого влажного ветра по ней пробежал нервный трепет. И

скоро весь его организм включился в окружающий мир. И душу его отпустила, облегчила, успокоила мысль, что вот еще не отмерла та пуповина, что связывает со всем простым, земным...

Бухов, наконец, пошел к проглядывающим в сумраке строениям, предполагая, что там и живут рыбаки. Но скоро понял, что ошибся — строения оказались заброшенной рыбоприемной базой. Домики рыбаков проглядывались дальше. А пройти к ним оказалось невозможно: разлив затопил все низкие места вокруг, отрезал базу от рыбацкого стана. Бухов открыл, что находится на маленьком островке. Протока была, вероятно, мелкой. А может, наоборот... Да Бухову и не хотелось снова студить ноги в осенней воде. Надо было кричать, чтобы перевезли, но будить людей Бухову тоже не хотелось. До рассвета оставалось часа два, и он решил осмотреть заброшенную базу.

Строение было большое, черное от времени и северных дождей. С тремя пристроями и четырьмя крышами, чудно входящими одна в другую, оно волновало своим странным видом и выглядело жутковато и романтично. Многочисленные распахнутые притворы и ворота скрипели разноголосом и зазывающе. От строения далеко вперед по воде размахнулись перебитыми оципантыми крыльями полусгнившие мостки-причалы для лодок и мотоботов. Ветер проникал в ворота базы, бродил там в путанице углов и выталкивал на улицу тяжелые запахи гнилых бревен, застарелой рыбной чешуи и соленого льда с опилками. Над всем строением кружил грустный дух запустения и старости. Бухову даже чудился шелест крыльев этого духа, его наветы и вздохи.

А между тем пошел дождь, по-северному колючий и въедливый. Дождь возвращал к реальности, надо было позаботиться о пристанище. Бухов сразу почувствовал холод, захотелось к людям, под сухую крышу. И он принялся кричать на тот берег протоки:

— Э-э-эй, на берегу-у-у... перевези-и-и-ите...

Скоро в одном из домиков хлопнула дверь. От берега отчалила лодка.

Хриплые мужские голоса разбудили Бухова, и теперь он лежал, прислушиваясь к разговору. Из этого разговора он узнал, что фамилия коренастого с хохлацким лицом мужика, который несколько часов назад перевозил его, Сороченко, а начальство — видимо, бригадира или техника лова — зовут Петровичем. Голоса обсудили странное появление неизвестного в их стане и перешли к другой, более важной теме: в голосах зазвучали раздражение, досада и даже злость.

— Как там водичка, Гена?

— На Конде белыши ходят, а по сору и вовсе...

— Хэх... седня не вытти!

— Куды там! Самарский полдень дует.

— У меня четыре ставника с вечера не смотрены. Вся стерлядь почернеет...

— Петрович пролов выпишет.

Потом голоса оживились.

— А чё, Санька, махнем в Алтай?.. Все равно рыбалки нет. Ньюрку пощиплешь... А то она без тебя скурвилась, поди...

— Черт с ней. Не поеду.

— Сдурели черти. В такую погоду шастать... Живо водичка в брюхе забулькает.

— Вот у меня, мужики, третьегоднись было... В такую же погодку поехал на Каму. Нахлеста-ало в бударку-у! Ну, смекаю, тут и конец тебе, паря. Вода уж до магнето доходит, зальет магнето, заглохнет стационар — тогда уж точно... амба! Коекак дотянул, братцы, до кустов, уцепился за тальник... и так до утра прокорпел посередке сора-то. Да-а... А вы! В Алта-ай!

Бухов слушал эти голоса, и они казались ему приятней музыки. Голоса хрипели простуженно, слова падали с обветренных губ на полог его кровати, проникали в сознание и укладывались там густо и тяжело, как добрая рыба в ящик.

А днем Бухов уже сидел с рыбаками за длинным тесовым столом в болотных сапогах, брезентовой робе и жеваной кепке с чьей-то головы. Он уже представился по начальству — технику лова Петровичу, — познакомился со всеми обитателями Урванта. Их оказалось десять человек. Он держал в руке большой кусок свежепосоленной ян-

тарной стерляди и чувствовал себя другим человеком. Петрович время от времени подвигал ему чашку с вареной картошкой в мундире:

— Кушайте картошку-то, свежая народилась.

Удивляло, что вот стерлядь здесь запросто, не как деликатес, а угощают картошкой, по которой, видимо, и сами соскучились.

Рыбаки жевали вяло, как бы нехотя, и беспрестанно смотрели в окно: там решался их улов, там бесновался Кондинский сор, пятикилометровой ширины питательный и приманчивый для ценной рыбы разлив. Бухов тоже смотрел в окно, волновался, как все. Он уже решил, что проживет здесь неделю, проживет в работе, рыбаком. И вовсе не для того, чтобы, как говорится, лучше постичь своих героев.

К вечеру начало яснеть. Рыбаки часто выходили к воде и, озабоченно окинув горизонт, говорили:

— Ветер, вроде, затихает?!

— Западает, аха...

А когда старый Слинкин, сторбленный и седоусый, полез в бударку и стал ковыряться в двенадцатисильном стационаре, все поняли — завтра можно будет выйти на сор. Настроение у всех обитателей Урванта сразу поднялось. На берегу стало шумно и тесно. Округа огласилась громкими голосами, воем запускаемых моторов; стуком уключин... К воде вылез даже Гилев, кривобокий, щупленький, с пронзительными цвета голубоватой чешуи глазами. Гилев бегал между бударками и просительно договаривался:

— Кондратич, утречком рыбешки-то подбросишь?.. А то забыл уж, чем пахнет...

— Ваня, ты уж мне завтрава...

— Иди ты к водяному, Яклич! В своих сетках возьмешь.

— Стоят сетки, верна... дак чё! Дыряватые они наскрозь.

— Зна-аем, какие они ды-ря-ва-тые! В прошлом годе у Петровича на складе спер?.. Ха-хо... Фабричные. Капрон.

— ...

— Ну, ладно, Яклич, шут с тобой, не обижу.

Сетки у Гилева действительно стояли, и рыбу он в них брал, но ему, видимо, этого казалось мало, а попрошайничать старик привык. Бухов узнал уже, что Яклич в Урванте старожил, кукует здесь даже зимой, когда все рыбаки разъезжаются на озера и мелкие речки. Бухову подумалось, что Гилев собирает дань на правах хозяина поселка. Бухову захотелось поговорить с ним. Гилев сам заметил нового человека и живо подковылял к приезжему.

— Грят, вы сейчас из Кондинска?.. Старуху мою на пристане не видали? Ма-аленькая така старушонка, чистый сморчок! Дак не видали?

— Может, и видел, да не обратил внимания. А куда она поехала?

— Да к сыну, к сыну, куды еще... Сынка у нас убили в Октябрьском. Правда, слух идет, будто сам он себя... Жизнь-т у него скособочилась... Баба сукой вышла на поверку-то! Он в командеровку али еще по какой ученой надобности, а она... э-эх! Вот старая и поехала на похоронку. Застанет, а?.. — старик сморщился, глаза его сразу поблекли. — Может, вы его в Тюмене-то видали?.. Ученый он у нас, кандидат че ли...

— Кандидат наук?

— Во-во. По этому... ну, по здоровью в общем разобрался... Э-эх, с бабой такую промашку дал!

3.

Бухов ежился, сидя в ходкой бударке. Правой рукой, опущенной в воду, он ощущал нарождающееся тепло нового дня. Солнце уже взошло, и вода за бортом медленно нагревалась. Кондинский сор лежал гладким стеклянным полотном, идущие от берега лодки, казалось, резали его, как алмаз. Некоторое время еще Бухов видел лица рыбаков в соседних бударках: губы строго сжаты, скулы напряжены, в глазах почти суеверное ожидание удачи. Но скоро другие лодки потерялись в просторах разлива, и бударка Михаила Кунякова, с которым посадили Бухова, осталась одна.

Подвесная «Стрела», пятисилка, стучала ровно, лодка шла ходко, и Бухова совсем не удивляло, что Михаил так уве-

ренно гонит свое суденышко к затерявшимся в разливе ставникам. Бухов знал, как просто это для настоящего рыбака: десятки примет и на самой воде, и на далеких берегах ведут его к месту — старые вешки, кусты, шершавые плечи отмелей.

... В детстве, которое прошло на этой же реке, Бухов тоже рыбачил, и сейчас ему было приятно сознавать, что вот он все понимает здесь и ничему не удивляется. Но душа его трепетала от острой, давно не испытываемой близости к реке, к природе...

Бухову вспомнились ночевки в лугах у реки, когда костер, приглушенные разговоры, мерный плеск воды... Вспомнилась легенда детства: он однажды слышал от рыбаков, что в ясную погоду, при ровной воде, можно увидеть на поверхности реки все звезды неба... дневные звезды. Пришла эта легенда, и защемило сердце — и захотелось, как в детстве, увидеть дневные звезды. От них, говорили старики, — удача. Захотелось удачи. Какой-нибудь необыкновенно простой и зримой удачи.

Бухов закрыл глаза, опустил и вторую руку за борт и так сидел, пока неожиданно не смолк шум мотора. Лодка теряла ход. Впереди качались тычки ставного невода. Миша Куняков нетерпеливо топтался на корме.

— Приехали, — сказал Миша, и Бухов улыбнулся простоте и обыденности слова и тоже сказал:

— Приехали.

Ставник оказался порядочной длины — сто пятьдесят метров. И Бухов скоро почувствовал это своими руками. Он должен был тянуть за верхнюю тетиву. Куняков выбирал мережу за нижнюю. Лодка шла над сетью почти перпендикулярно ей. Нужно было следить, чтобы ставник не зацепился за борт бударки, поправлять запутавшиеся пенопластовые поплавки и кибасы (грузила), а главное — вынимать из ячеек рыбу. «Вынимать» — слабо сказано. Рыбу пришлось буквально выпутывать из невообразимо закрученных мешков. Куняков делал это быстро и ловко. Бухов с трудом. Много возни доставляла имен-

но стерлядь. Гибкая, бьющаяся, с тремя коварными пилками на спине и по бокам, она рвалась из рук и ранила пальцы. Но все-таки Бухов справлялся, сам понимал, что справляется, и оттого затаенно уважал себя. Миша тоже был доволен напарником и раза два бросил одобрительно:

— Ишь ты, справляется мужик.

На последней тычке заякорили лодку. Бухов шумно вздохнул. Куняков понимающе улыбнулся и, равнодушно отвернувшись, предложил:

— Выбери пожирней, пожевать не мешало бы...

Бухов наклонился над специальным ящиком для стерляди, запустил руку в живую черноспинную массу и вдруг заволновался: первая взятка, как говорят рыбаки, выглядела недурно — десятка четыре стерляди, они извивались и захлестывались, как живые черные ремни.

Миша критически глянул на выбранную Буховым рыбину, бросил ее обратно в ящик и, почти не присматриваясь, взял другую.

— Сразу заметил, еще в сетке. Лучше сѣдня не возьметсѣ. Он ловко вспорол желтое брюхо стерляди и опустил ее за борт...

— Вообще-то ее не моют — жир уходит... Да я не привык, хоть чистая рыба, без кишок вся, смотри... — в голосе Кунякова сквозило извинение за то, что он все-таки моет рыбу.

Через пять минут они ели свежепосоленную, чуть прихваченную солнцем стерлядь. Бухов ловил ее живой, кровный запах, от которого трепетали его ноздри и острой голодной болью стягивало железы.

Солнце уже пекло. То ли от необыкновенно вкусной и жирной пищи, то ли от душного, чуть хмельного запаха старой бударки Бухов захмелел, обмяк. Приятно ныли плечи и ноги. Бухов откинулся на нос лодки и из-под козырька ладони смотрел в небо, потом повернулся к воде. В глазах зарябило и почудилось: вот они звезды... дневные звезды на воде. Но, конечно, так только почудилось. Предстояло проверить еще семь ставников.

Вечером весь Урвант дышал свежей рыбой: душноовато — стерлядью, терпко — окунем и щукой.

Наваристой ухой пахло и в домике Ивана Кошкарева, куда Петрович поселил Бухова. Выбор этот объяснялся некоторым комфортом кошкаревского жилища и, главное, тем, что здесь была свободная койка с пологом от комаров. Кошкарев считался лучшим рыбаком, его уважали, и вообще он жил почище.

Кошкарев ел широко и уверенно: забирал в рот большую стерляжью голову и скоро выплевывал на клочок газеты маленькую кучку хрящеватых костей. Бухов старался подражать ему, но суетился, обжигался до слез и виновато улыбался. Кошкарев деликатно не замечал этого и за очередным ломтем рыбы рассказывал:

— Я ведь тут в бригадирах ходил, Петровича уж потом поставили.

— А что так?

— Ну, ясно, по этому делу... — рыбак выразительно шелкнул по горлу. — Бывает, сам знаешь, не без этого. Упираешься недели три-четыре да как залетишь на белую головку — баста, отдай не грехи дён пять-шесть. Нагуляюсь и сызнаова впрягаюсь.

— А начальство как смотрит?

— Дак нынче кто не пьет, девки вон и то... Нача-альство! Дак я потом за все сквитаюсь, за мной не угонишься... Везучий, верно.

— Послушай, Ваня... — Бухов вспомнил, с какой темой приехал в Урвант. — Как думаешь, почему сейчас в рыбаки мало идут?..

— А чё тут делать-то?! Неча. Бери-хватай-тяни... А нонче народ какой?.. Кнопки чтоб, рычажки... техника, словом. А где она у нас?.. Молодежь грамотная к технике тянется. У нас грамота ни к чему. У меня вот четыре парты всего-то, а без Петровича тут справлялся. Петрович, не в обиду будь сказано, техникум рыбный кончал. Наше дело какое?.. Знай свою воду. Где рыба ходит. Сетку как поставить. И все дела. Я вот сызмальства на Конде. И сынишка мой Витька...

— Он тоже рыбаком хочет?

— Не дам. Пусть в люди выходит. Рыбачить дело не хитрое.

— А сам тянется?

— У-у, от реки не оторвешь. В прошлом лете мне справно пособил.

— Ну вот, зачем же тогда не давать?..

— А затем, что пусть учится. Восьмилетку кончит, в кооперативный отправлю. Раз я его, малец еще был, в речку с собой взял... Жил со мной всю зиму в избушке. Уйдешь, бывало, на котец, одного оставишь — не боится. Правда, тозовку ему дашь, без патронов: медмедь, мол, зайдет, увидит у тебя ружжо и убежит... Раз прибегаю это с котца — в избушке дышать нечем, все порохом застелено. Смотрю, пацан мой с тозовкой в руках... Ах ты, мать... Смотрю: вся стена избушки пулями истыкана, одна пуля в черенке сака сидит. «Попал, — грит, — папка!» Меткий чертенок оказался. Потом уж привадился, от ружья не отвадишь, не оторвешь... На охоту бы ему все! Силком, не поверишь, в школу прогонял пацана.

Иван задумался, закрутил ложку в пальцах, заулыбался туманно.

— Вот и я такой же был... — уже скороговоркой обронил он.

Бухов тоже задумался. Захотелось ему спросить рыбака: не жалеет ли, что всю жизнь реке отдал, в чешуе провозился, а другие в это время не так жили — в красивых городах, в модной одежке... Но пришел стыд, и Бухов почувствовал себя чуть ли не подлецом: с такими вопросами, как в грязной рукавице в чистую воду... Да и не понял бы рыбак вопроса такого, наверное. Но вопрос этот все равно мучил Бухова. Сам-то он в припадке хандры завидовал простой и бесхитростной жизни и предполагал, что и другой человек, к примеру, рыбак, может тосковать по другой, далекой жизни, которая со стороны кажется такой красивой и заманчивой. Трудные мысли нахлынули на Бухова, и он посмотрел на рыбака в надежде, что вот Иван Кошкарев спасет его сейчас от этих сложных мыслей. Лицо рыбака светилось ясностью, твердостью. И прав-

да: добрая мужская улыбка рыбака словно исцелила Бухова.

На берегу негромко горел костер. У костра метра на полтора вокруг было светло. И из темноты свет костра напоминал шалаш — так округло и законченно мерцал он.

У костра собрался весь Урвант. Бухов тоже сидел здесь. Рыбаки разговаривали, он слушал.

— Третьегоднешнее лето ставил на Алешкином плесе...

— Это к Каме ближе, чё ли?

— Ага, к Каме. Лучшее место было, а сейчас...

— Осокой заросло.

— Как думаешь, Гена, если к колхозным поближе воткнуться?..

— Да-а, у них, грят, шибко стерлядка идет.

— Петрович сказывал, по центнеру в сетку берут. Правда, Петрович?

— Правда, дак что! Сидеть надо, ждать своего часа. А то пробегаем туда-сюда!

Рядом с Буховым сидел Слинкин. Бухову захотелось поговорить со стариком, и он спросил:

— А что, Николай Кондратич, давно вы на реке?

Слинкин разогнулся с трудом, отпустил колени из тяжелого кольца рук.

— Всю жизнь, почитай. Сызмальства.

— А где вы родились?

— Во-он моя родина, — Слинкин потянулся всей правой рукой в темноту налево, — Чилимка. За той стороной. Там сейчас никто не живет. Она после войны сразу же разъехалась. Народ не вернулся, сам знаешь... Да и обмелела протока, в стороне от речки осталась деревня. Вот и разбежалась Чилимка.

Слинкин разговорился, и скоро Бухов навел его на свою тему.

— Почему, Николай Кондратич, молодежь в рыбаки не идет, как по-вашему?

— На легкую работу люди бегут, вот как по мне. А рыбак, что пахарь, то ж самое.

— Вы же не ушли... на легкое дело.

Слинкин усмехнулся.

— Куды мне уйти-то? Некуды... Грамоты нет, это сперва... потом и некуды. Одна работа у нас — рыбалка.

— А если бы леспромхоз рядом был или нефтяники, ушли бы?

— Может, и ушел бы... Там оно спокойней. И рупь, почитай, зазря платят, с нашей работой не сравнишь.

— Ну-у, это ты, Кондратич, зря дерьмо на себя кидаешь, — вмешался Петрович. — Прикипел ты к этому делу, не оторвешь. Что тебе леспромхоз или там нефтяники! Да и рубль там тоже еще ох как заработать надо.

— А и вправду прикипел, — неожиданно легко согласился старик. — Дак и легче теперь, чем ране... Моторы, капрон, лебедки, катера... А ране-то по двадцать-тридцать верст на гребях ходили...

— Я еще захватил то время, — поддержал Кошкарев.

— И мне довелось...

И пошли-потекли рассказы про время ранешнее. Речка чистая была. Рыба бензином еще не провонялась. В путину выходили всей деревней. Лихо. По-сибирски, с размахом. И бабы рядом — ночью не скучно. На неводах с песнями, уханьем. А в субботний денек уж как закон — банька, с веничком березовым. А после баньки, как водится, пельмешки с ушицей да выпивкой. Благо у самой деревни рыба водилась. Все под боком было. Э-эх, времечко! Ранешнее!

Бухов слушал жадно. Сам кое-что вспоминал: в детстве он успел захватить последний кусочек того легендарного житья рыбацкого.

Слушал Бухов, и чудно ему было, как это все старое легко вспоминается — будто не было тогда дикого самарского ветра, въедливых северных дождей, пустых бударок и горьких запойных недель, когда свет не мил от той особенной жуткой первобытной тоски, какой отличался исконный сибиряк и которая сейчас заметно послабела, потеряла размах.

Повспоминали, угомонились. И Бухов снова повернул к своей теме. Все-таки волновала она его. Вот река грязнеет. Рыба мельчает и уходит. Рыбаки теряются. Исчезает тот самый крепкий дух, каким всегда славилась сибирская земля. А Бухов любил свой край, свой народ и в глубине души уважал себя за сопричастность к нему. «А вот сыновья не сменяют отцов — все промыслы рухнут и канут...» — думал он и при этом чувствовал себя неловко: ведь и он ушел от жизни дедов своих, и в нем вот-вот ослабнет и порвется та пуповина, что пока еще связывает его со всем простым, первобытным, родным.

Бухов повернулся к Сороченко.

— Скажи, Гена, у тебя бывало так, что... ну-у, вот выбрал ты утром ставник, разогнул спину, огляделся и вдруг... подошло к тебе такое, что дух захватило... от красоты вокруг?..

— Я понимаю... — Сороченко отвернулся в темноту. — Бывает так. Остановишься вдруг и глядишь вокруг... Вроде ничего такого, привыкший к этому берегу, к реке... а то возьмет душу и ровно мальчонкой светлым себя считаешь наново, а потом тошно опять станет... отчего — не думал, но тошно так... От слепоты нашей людской, что ли? Иной раз так думаешь всяко-разно: к лешаку, мол, это дело, не пойду больше в речку! Ан затянет, ровно присушит она. — Сороченко сбился, поковырял щепкой в золе и с усилием закончил. — Природу понимать надо. А уходят от речки те, кто ее не понимает. Так и молодые... Слепые они нонче рождаются. Слепые на природу, куда им в рыбаки!

— Не-ет, Гена, что ни говори, а вот мы дорыбачим — и точка! Захиреет все, — заключил Кошкарев.

В костер больше не подбрасывали. Мерцающий шалаш света угасал. Рыбаки расходились по избушкам. Скоро Бухов лежал на койке под марлевым пологом. Засыпая, он еще услышал, как под окном старательно пробасил сынишка Сороченко:

— Два детских мата я ему поставил, пап, да два таких.

4.

Через два дня в Урвант пришел плашкоут, пузатая деревянная баржа, набитая льдом, с громадным деревянным рулем на корме — поворачивать такой руль не каждому под силу. С приходом плашкоута в поселке сразу стало шумно илюдно. Рыбаки засуетились, вытаскивая из заброшенной рыбоприемной базы на той стороне протоки свои ящики с рыбой; каждый мысленно, а то и вслух прикидывал свой улов.

Бухов с любопытством наблюдал это движение. К плашкоуту причаливала бударка. Рыбак поднимался на вылинявшую, песочного цвета палубу, деланно подозрительно оглядывал проржавевшие весы, картинно махал рукой — дескать, ладно, приемщицким детишкам на молочишко! — и уже после этого небрежно кидал на платформу весов ящики со стерлядью, после стерляди шло, что подешевле — язь, щука... Пока приемщица возилась с плоскими калачеобразными гирями, рыбак со скучающим видом сплевывал за борт. Взвесив, приемщица громко щелкала зажимом штанги, тогда рыбак будто бы с облегчением направлялся вниз к своей лодке. Он, конечно, знал, что приемщица окликнет его, и она точно кричала вслед:

— Эй, холера тя бей... а расписаться!

На глазах Бухова такая сценка повторилась несколько раз. И он уже понимал, что это все показное, внешнее, от неудобства и непривычки считать на людях копейки, проверять граммы. Бухову нравилась эта уходящая повсюду черта русского человека. К тому же он видел, что рыбаки вполне доверяют приемщице, которую хорошо знают.

Но вот на палубу поднялся Плеханов. Этот рыбак не состоял в бригаде гослова, он был вроде вольнонаемного — ловил, где хотел, когда хотел, а только сдавал в общую базу. Бухов еще раньше заметил, что рыбаки недолюбливают Плеханова, и сейчас внимательно наблюдал за его поведением.

Плеханов с серьезной подозрительностью обсмотрел весы, протер никелированную плашку с делениями, потопал ногой по платформе... Когда приемщица, сурово поджав губы,

бросала на штангу гири, глаза его разгорелись и обострились. Расписывался он долго, ястребино выхватывая и складывая в уме записанные в тетрадку цифры. Зато с плашкоута сходил молодцом, небрежно, независимо. Но, встретившись с тяжелыми взглядами стоявших на берегу, оглянулся на приемщицу и зычно, скрывая неловкость, пошутил:

— Толстеешь все, Агафьюшка. На рыбке-то... да без мужика, хо-хо-хо...

Агафья-приемщица на это подбоченилась и, шельмова-то поведя глазами, бросила:

— Зато твоя Фроська чей-то худеет... С чё бы, а?.. Али при живом муже-то без мужика не сладко спится?!

На берегу засмеялись. Агафья ударила в точку. Жена Плеханова была тощей и хилой. И кто знает, не по той ли причине, что действительно без мужика нестарой бабе скучно жить, а мужик-то, Плеханов, ради денег вертелся, как черт, дома почти не бывал.

В Урванте было шумно и весело. И может, не оттого только, что улов благополучно сдан. Может, присутствие в рыбацком стане дородной и бойкой бабы развязало языки и руки мужиков. Бухов смотрел, как все заигрывают с весовщицей, и смутно улыбался, лоя себя на желании вот так же подойти к разгоряченной бабе и, словно невзначай, хватиться за необъятную, тугую, как обруч, талию.

Последним залез на плашкоут старик Гилев. Неловко залез, смущенно, потому что сдавал ни много ни мало — почти центнер одной только стерляди, хотя все последние дни прибеднялся и выпрашивал на уху. Кошкарев с берега с подковыркой подбадривал его:

— Не робей, Яклич! Сетки у тебя дыряватые, а так больше набежало бы!

Остальные рыбаки добродушно посмеивались. К вечеру плашкоут утащил маленький катерок, и ничего особенного в Урванте больше не произошло.

Зато на следующий день к берегу приткнулось сразу два катера; один — большой, с районным начальством. Началь-

ство на берег не сошло, послало капитана. Капитану было неловко — видно, в первый раз... Он долго откашливался, топтался возле Петровича, мямлил что-то о погоде. Чем дольше он так мучился, тем сильнее хмурился Петрович. Наконец, техник не выдержал и в упор спросил:

— Сколько?

— Три ящика...

— Копченой?

— Просили покоптить...

— Сделаем.

Петрович в сердцах махнул рукой и пошел к рыбакам. У дверей кашкаревского дома ему попался Бухов. Техник зло глянул на него.

— Вон... высокие орлы прилетели. Рыбки! А где я им на ночь глядя возьму. Никто не поедет к сеткам. Один Иван... он согласный, потому что водка будет... Опять, значит, запьет. Ведь лучший рыбак участка и через них опять...

Через пять минут Бухов видел, как Иван Кошкарев прошел к своей лодке. Рыбаки провожали его недобрыми глазами: они знали, что это значит.

— Кошкарев-то за водкой к сеткам отчалил.

— Известное дело. Небось сам смекашь?

— На ночь-то глядя... нашел дурака!

Со второго катера тоже выслали парламентаря, толстую растрепанную бабу. Видно, жена капитана или повариха. Баба не в пример капитану оказалась поднаторевшей в таких делах и нахальной. Выпросила пяток стерлядок, но не ушла, а направилась к причаленным бударкам, вынюхала там, вернулась к костру.

— Посвежее бы... Себе-то, небось, свежатинки набросали!

Наутро катера ушли. За ними отправился и Кошкарев. Широкое залоснившееся от водки лицо его морщилось в сладко-виноватой улыбке. Мотор у него заводился долго. И Бухов успел попрощаться...

— Будь здоров, Иван. Может, не встретимся больше.

— Что ты, что ты! Я на вечерок к бабе... К завтраму вернусь. Ты про это?.. Ни грамма больше, вот те крест! Ни

грамма... — но, оттолкнув лодку, он снова сморщился и отчаянно махнул рукой.

Петрович молча и печально смотрел вслед Кошкареву. Назавтра Иван, конечно, не вернулся. Но в Урванте продолжалась ритмичная рыбацкая жизнь.

Бухов пробыл в Урванте еще три дня. Дни эти прошли просто и буднично. С рассветом Бухов уходил с Куняковым на лов. Возвращались они обычно к обеду. Бухов сильно уставал, но чувствовал себя здоровым и спокойным. Мозоли на ладонях его начали каменеть. Но главное, душа его угомонилась и не ныла уже в непонятной тоске. Рыбаки смотрели на Бухова с одобрением, и одобрение это казалось ему важнейшим во всем мире.

Вечера Бухов проводил, как и все в поселке, у костра. В один такой вечер далеко в разливе проплыли огни теплохода, и Бухов долго держал их в сузившихся пристальных зрачках. Огни плыли в мир, где остался тот, другой Бухов, но думать о том, другом мире здешнему Бухову не хотелось — пусть он и знал, что здесь для него скоро все кончится, он скинет почти обжитую рыбацкую робу и станет прежним городским человеком.

В воскресенье Бухов уезжал из Урванта. Вернувшись с последнего лова, он переоделся во все городское. Рановато переоделся, потому что еще оставалось полдня до отъезда. Бухову казалось, что, вернувшись в прежнюю оболочку, он острее почувствует душу этого покидаемого первобытного уголка. Он обошел весь поселок. Потоптался у заброшенного слепого домика близ леса — здесь пахло дикой зарослью, картофельной ботвой и дымокурней. Он перебрался на островок к старой рыбоприемной базе. В ярком солнце ее строения уже не казались столь жуткими и романтическими. Но запахи здесь были те же — гнилых бревен, застаревшей рыбной чешуи, соленого льда с опилками — только от зноя они сливались в один душный комок, теряли пронзительность.

Рыбаки на берегу занимались своими делами: чинили моторы, заливали варом или конопатили течь в бударках...

Бухов бродил среди них, вглядывался в лица и чувствовал себя уже посторонним наблюдателем.

Потом пили прощальную. Бухов достал купленную еще в болчаровском магазине бутылку водки. Пили не все. Да одной бутылки было и мало на всех. И Бухов от этого загрузил. Хотелось шумного застолья, дружеских объятий, хотелось о многом еще поговорить — чтобы душа нараспашку, чтобы объяснить этим хорошим мужикам, что вот ему, Бухову, несмотря на внешнюю удачливость, скучно и скверно живется, все что-то не так, не так... Он смотрел в глаза Миши Кунякова, Сороченко, Петровича, улыбался и говорил вместо сокровенного какие-то пустяки. И они говорили все не то, не так.

— Вот напишешь о нас там...

— Это уж точно, распишет. Не жизнь, а рай...

— Газетку хоть пришли, ладно?

Бухов слушал рыбаков и думал, что ничего не напишет, в сущности, никакого материала для газеты он не собрал. Просто он запомнит эту неделю в Урванте, надолго запомнит. Вспомнились опять дневные звезды, захотелось спросить у мужиков... Но не спросил, устыдился своей наивности.

Бухов попрощался со всеми. Последним был старик Гилев. Он подбежал живенько, потрянул своей сухой ручкой ладонь Бухова и глянул пронзительными, цвета голубоватой чешуи глазами.

— Вот скажи мне, сынок... Как бы ета... старуха поехала, дак сумлеваюсь, сможет ли проверить: имущество, что Витька оставил, забрать... Богато имущества-то: шафонер, диван... а может, и деньги на книжке? Ей ведь не оставлять, бабе евойной! Сам ведь наживал, покуда она, прости господи, подолом вертела! Как бы ето без сумления, а?..

— В юридическую консультацию обратиться надо, к адвокату... Напишите бабке, отец, к юристу... — Бухов поморщился, чувствуя, что не то говорит, не так надо сказать.

— Но-о, значит, к етому... к юристу... — Гилев съезжился, пронзительные глаза его потухли.

Отъезжал и Плеханов. Его сын, довольно рослый парень, притащил к лодке охапку лилий, кувшинок.

— Куды прешь!.. Выброси! — закричал на него отец. — Барахла всякого набирашь...

Парень смутился, покраснел, беспомощно оглянулся по сторонам.

— Выброси те грят, лодку захломляешь! Тут вмешался Петрович.

— Тебе что, жалко? — возмутился он. — Ишь ты, барахла!

— Маленький он, чё ли, с барахлом этим...

— Наоборот, взрослый. Девке какой подарит. Это уж ты старый хрыч, а ему в самый раз с цветами.

— Неча-неча...

— Лодку они тебе продавят, что ли? Тьфу, зараза какая! — разозлился Петрович.

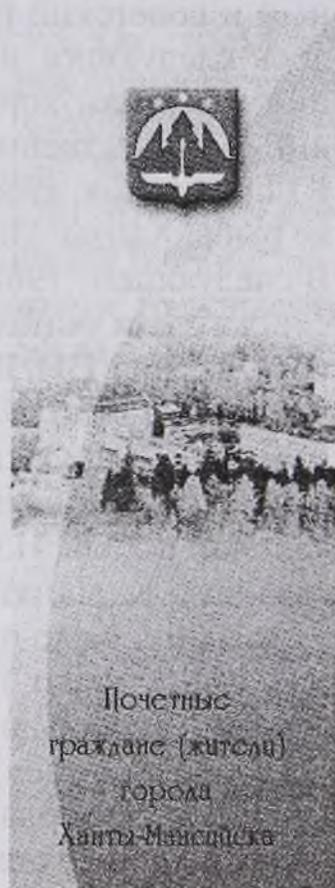
Обе лодки отчалили. Некоторое время они шли рядом, и Бухов слышал, как обиженно ворчал угрюмый Плеханов, и видел, как смущенный и обрадованный сын его заботливо укладывал в мокрый брезент дикие кувшинки.

Публикация Г.Л. Косихиной

«Почетные граждане (жители) города Ханты-Мансийска»: драматургия издания

Пролог

Когда говорят о «почетных гражданах», кто вам представляется? Мне, например, чинный дородный господин с алой лентой через плечо, может быть, даже в римских одеждах... Представили картинку? Все правильно, кроме римских одежд, потому что речь пойдет о звании, присваиваемом в России. Корни у традиции присвоения почетных званий довольно глубоки. Еще в 1785 г. жалованной грамотой городам Екатерина II образовала в среде городских обывателей класс **именитых граждан** (очень хочется в этих словах «яти» поставить...). Эти граждане обладали определенными привилегиями, по тем временам важными: были свободны от телесного наказания, им не запрещалось заводить и содержать фабрики, заводы, дозволялось иметь сады, ездить в каретах парюю и четверней. Указом 1807 г. звание именитых граждан было для купечества отменено и сохранено лишь для ученых и художников. Но ситуация оказалась странной: почтенное купечество подлежало и рекрутской повинности, и телесному наказанию. Поэтому манифестом 1832 г. было установлено **почетное гражданство**. Очень интересным мне представляется то, что почетное гражданство могло быть потом-

ственным и личным. Потомственное не присваивалось, а передавалось членам семьи. После революции почетное гражданство было упразднено декретом ВЦИК и СНК об уничтожении сословий и гражданских чинов.

Были до революции и почетные звания, аналогичные тем, которые широко распространены сегодня. Некоторые города присваивали звание почетного гражданина лицам, известным своими заслугами. Например, в Москве такое звание стали присваивать с 1866 г., во Владивостоке — с 1886 г. В советское время звания были либо восстановлены, либо учреждены впервые.

Звание «Почетный гражданин города Ханты-Мансийска» стали присуждать с 1972 г. В этом году первыми почетными гражданами стали К.П. Доронина, представительница семьи революционеров Дорониных, жена П.И. Лопарева (к тому времени реабилитированного) и К.Е. Пакин, партийный и советский работник. Через 15 лет, в 1987 г., состоялось следующее избрание почетных граждан города. Звания получили хорошо известные всем горожанам советский и общественный работник Х.П. Пухленкина, учитель Ю.Г. Созонов, художник М.А. Тебетев и мастер по обработке рыбы Ханты-Мансийского рыбокомбината А.А. Хохлова. В следующем, 1988 г. почетными гражданами Ханты-Мансийска стали учитель М.Н. Бугрова, сказительница А.М. Конькова, связист Г.Н. Вергунов, водитель Н.К. Костерин. В 1992 г. это звание получили выдающиеся спортсмены Ю.Ф. Кашкаров и Е.Л. Редькин, в последующие годы — поэт А.С. Тарханов, художник В.В. Гаврилов, музыкант, директор музыкальной школы Н.С. Мотошин, финансист А.И. Кушников, связист З.К. Панкина, юрист и спортсмен В.Я. Башмаков.

В 2000 г. было принято новое «Положение...», по которому звание стало называться иначе — «Почетный житель города Ханты-Мансийска». Первым, кому присвоили его, стал Г.Т. Кауртаев, директор окружной автошколы РОСТО.

Перемена названия сути не изменила. В российских городах в равной степени распространены как название «жи-

тель», так и «гражданин». В понятии «гражданин», пожалуй, больше «качественного» содержания. У В.И. Даля «гражданство — это состояние гражданина, звание, права и обязанности его». Понятие «житель» в «Толковом словаре» С.И. Ожегова определяется как «обитатель». В некоторых городах России подобное звание могут получить не только живущие в них, но также «иностранцы» и иностранцы, которые сделали для них что-то важное. Например, первым почетным гражданином Владивостока стал управляющий морским ведомством России вице-адмирал И. Шестаков, который в городе не жил, но внес большой вклад в развитие порта. Или вот такой забавный факт: японский кинорежиссер Акиро Куросава — почетный житель города Арсеньева.

Действие с размышлениями

Когда в юбилейный для Ханты-Мансийска 2002 год мы, краеведы окружной библиотеки, начали работу над темой «Почетные жители города Ханты-Мансийска», мы всего этого не знали. Тогда все другие направления интересов были поглощены одной практической задачей — узнать как можно больше об этих людях. Кто они? Многие имена нам в тот момент ни о чем не говорили, но были и такие, кого мы хорошо знали как краеведов и друзей библиотеки. Потребовались встречи с самими почетными гражданами и их родственниками, переписка. Результатом работы стало издание, которое получилось у нас довольно демократичным, для всех — набор закладок «Почетные граждане (жители) города Ханты-Мансийска».

При анализе полученного материала у нас появилось несколько вопросов, которые мы задавали нашим читателям, отвечали на них сами.

Первый и самый закономерный вопрос — знают ли хантымансийцы почетных жителей города? Назвать имена всех не удалось никому, но в «рейтинге популярности» оказалось несколько лидеров, это — Ю.Г. Созонов, Е.Л. Редькин и А.И. Кушников.

Второй вопрос: если эти горожане стали почетными жителями, то по каким критериям выбрали их? По каким критериям это звание должно присваиваться? Больше всего споров и обсуждений вызвал именно этот вопрос. Мы не получили однозначных ответов — все рассуждали, создавали даже системы взглядов. Особенно заинтересовало мнение молодых людей: «Звание должно присуждаться шахтерам и учителям... Раз шахтеров нет — учителям и медикам». Было высказано и мнение, что почетными гражданами должны быть те, кто представляет наш город в стране и мире.

Интересным нам показалось мнение, что это звание не должно присваиваться политикам и чиновникам. Подтверждение этим мыслям мы неожиданно нашли у законодателей г. Владивостока, которые отказались присваивать звание своему экс-мэру на том основании, что он действующий политик и не нужно его лишний раз «пиарить». Тогда кому присваивать звание? Очень логично звучит предложение — тем, кого в городе знают и любят. Это должны быть люди, не просто сделавшие для города многое, но и такие, которые известны всем (многим) по своим личностным качествам. Тогда звание может получить продавец, который любит покупателей, почтальон, которого знает вся округа, или мудрая, старая, всеми любимая уборщица. Нам очень симпатичен этот взгляд, но... утопия есть утопия!

Эта «теория» получила своеобразную проверку при ответе на следующий вопрос. Звучал он так: кто еще из горожан достоин этого звания? Ни один из наших читателей не назвал ни политика, ни чиновника. Вам интересно, кого предложили? Я думаю, вы сейчас увидите много знакомых имен. Назвали Патрикеева Новомира Борисовича, Гордеева Юрия Ивановича, Пашина Андрея Филипповича, Райшева Геннадия Степановича, Боголюбова Александра Александровича (человека-легенду ХМПУ), Плесовских Веру Григорьевну (ветерана-педагога, а также человека большой души и сердца), Метелкину Татьяну Ивановну (вот он, тот прода-

вещ, который любит покупателей!), Мадьярову Марию Николаевну.

Эпилог

Жаль...

Жаль, что нет у почетных жителей Ханты-Мансийска знака, который бы их отличал. Ленту на городские праздники, которые в Ханты-Мансийске любят проводить на площади, не наденешь, а знак выделит этого человека из толпы. В то же время, любой знак — символ объединения, союза. Очень любопытный экземпляр подобного знака я обнаружила на официальном сайте Законодательного собрания Санкт-Петербурга. Вот бы нам такой или еще лучше.

Жаль, что нет общественного значения этого звания в Ханты-Мансийске. Конечно, горожане, удостоенные его, имеют льготы, принимают участие в торжественных заседаниях органов местного самоуправления, но... у почетных граждан Санкт-Петербурга есть право законодательной инициативы в Законодательном собрании города. Это люди, чей опыт, знания, любовь к родному городу — не в прошлом. А то бывает, что присвоение звания — это признание заслуг, дань уважения, а дальше — все, можете идти на покой?

...И совсем не жаль... Мы рады, что сделали многие имена знакомыми, лица узнаваемыми. Пусть горожане знают своих героев в лицо. Давайте помечтаем о временах, когда юные хантымансийцы будут мечтать, что станут не суперменами, а почетными жителями своего города. Что для этого надо?

*От многих составителей — С. Волженина,
библиограф краеведческого отдела государственной
Центральной окружной библиотеки*

О наших авторах

Демин Александр Гаврилович (ок. 1834 — после 1888). Окончил Тобольскую гимназию. Учитель истории и географии Березовского уездного училища с 26 ноября 1881 по 1886 г. Вступил в эту должность, будучи отставным коллежским ассессором с солидным педагогическим стажем: с 1858 г. он преподавал в Омском уездном училище. Состоял членом Тобольского губернского статистического комитета. Член-учредитель Тобольского губернского музея. Печатался в местных периодических изданиях. В частности, в «Тобольских губернских ведомостях» (1883. № 25) опубликовали его стихотворение «На коронацию императора Александра III».

Петрушин Александр Антонович. Родился в 1950 г. в д. Новотроицк Нижневартовского района Тюменской области. После окончания педагогического института работал учителем истории, с 1975 г. — в органах государственной безопасности. Около полутора десятков лет занимается исследованием «белых пятен» истории нашего края. В книге «На задворках гражданской войны», над которой он работает, на основании ранее неизвестных архивных документов под новым углом зрения рассматриваются события братоубийственной смуты в Среднем Приобье и на Крайнем Севере.

Скалозубова Ариадна Васильевна (1870 — после 1951). Библиотекарь, художник. Родилась в Петербурге в семье известного живописца В.М. Максимова. В начале 1890-х гг. вышла замуж за Н.Л. Скалозубова, вскоре назначенного в Тобольск губернским агрономом. Преподавала рисование, работала библиотекарем. С октября 1942 по март 1946 г. — библиотекарь Института полярного земледелия в Остяково-Вогульске. Публикуемые воспоминания написаны в 1952 г.

Сладкова Любовь Николаевна. Старший научный сотрудник отдела археологии Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Родилась в 1956 г. В 1982 г. окончила исторический факультет Тюменского университета. С 1985 по 2000 г. вела полевые археологические исследования в Кондинском районе. Автор более 20 научных и популярных работ. Исследовательские пристрастия лежат в области семиотики археологического источника.

Волженина Светлана Юрьевна. Библиограф отдела краеведческой литературы и библиографии Ханты-Мансийской окружной библиотеки. Родилась 28 января 1967 г. в Ханты-Мансийске. Окончила библиотечный факультет Челябинского государственного института культуры. Составитель (в соавторстве) библиографического указателя «Ханты-Мансийск: 1637–1999. Город в лицах, датах и фактах» (Тюмень, 2000. — 480 с.).

ПОДОРОЖНИК

Краеведческий альманах

Вып. 2

Редактор-составитель В.К. Белобородов

Оператор ПЭВМ Д. Никифоров

Корректор М. Дистанова

Дизайнер (обложка) В. Дыба-сын

Подписано в печать 11.12.2004 г.

Формат 60x84/16. Гарнитура «TimesET».

Печать офсетная. Бумага офсетная №1.

Усл.-печ. л. 12,55. Тираж 300. Заказ №3233.

ООО «Издательство Юрия Мандрики»

Лицензия ИД №06344 от 28.11.01 г.

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501.

Тел. (345-2) 25-12-84.

e-mail: mandrika@tmn.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

на ФГУИПП «Зауралье».

640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

Продолжение заведомо

